

Научно-информационный журнал
**КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ
РОССИИ**

№4 (ОКТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ) 2022

Научно-информационный журнал
**КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ
РОССИИ**

№4 (ОКТАБРЬ — ДЕКАБРЬ) 2022

Издаётся с 2013 г. Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

90-ЛЕТИЕ ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

Окорок А.В., Боярский П.В. Культурное наследие Российской Арктики..... 5

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

Крижевский М. В. Богословие образа
и современная феноменологическая эстетика 9

Лукина Г. У. Осмысление С. И. Танеевым будущности русского
музыкального искусства: проблема духовной преемственности..... 14

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Горлова И. И., Зорин А.Л. Разработка теоретико-методологических основ
изучения гражданской идентичности
в трудах западных социологов XX века 23

Горелова Ю. Р., Петренко О. В., Гефнер О. В. «Возвышенное»
глазами современников: ключевые смыслы и новое наполнение 33

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

Михайлов А. Б., Мостицкая Н. Д. Наградной портсигар
от Реввоенсовета 12-ой армии как репрезентант
бифуркационных изменений в культуре..... 40

Дударев С. Л., Керцева Г. Н. Трёхчастные композиции
с оленями и деревом жизни 49

Александрина А. В. Исследование бумаги партесных сборников
XVII—XVIII веков на примере рукописей Синодального училища
церковного пения 57

Парукова Е. В. Проблематика гармонизации цветовых сочетаний
в современном интерьере..... 66

Углева Н. В. Древнерусская мебель как объект исследования в XIX веке 71

Кохан А. А. К вопросу об охране памятников
Великой Отечественной войны
во второй половине 1950-х – конце 1980-х гг. 79

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Саяпарова Е. В. Музеи города Иркутска в условиях
социокультурной глобализации: задачи, функции, инновации..... 89

Николаенко Н. В., Попович Н. Г., Швецова А. В. Концептуальные основы историко-культурного проекта отраслевого музея-усадьбы «Таврическая образцовая сельхозэкономия (конец XIX - начало XX вв.)»	96
Юренева Т. Ю. Мемориальный комплекс как форма увековечения памяти жертв политических репрессий в постсоветской России	104

РЕЦЕНЗИИ

Петренко О. В. Актуальные проблемы изучения, сохранения, развития и освоения социокультурного потенциала народных художественных промыслов России в диалогах научного, педагогического и профессионального сообщества. Рецензия на книгу: Сохранение национальных духовно-эстетических традиций и народные художественные промыслы России : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции [Электронное сетевое издание] / Составитель, научный редактор и автор предисловия Ю. А. Закунов. М. : Институт Наследия, 2022. 156 с.	114
--	-----

*В оформлении обложки использована фотография жилого дома уникального историко-архитектурного ансамбля Москвы — Палаты Аверкия Кириллова, где в настоящее время располагаются научные подразделения Института Наследия.
Фото с сайта yatoscow.ru*

ЮБИЛЕЙ ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

В 2022 году Институт Наследия отмечает 90-летие образования Центрального научно-исследовательского института методов краеведческой работы, впоследствии названного Российским институтом культурологии (РИК), 30-летие создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия) и 10-летие деятельности Южного филиала.

15 мая 1932 г. постановлением Совета народных комиссаров РСФСР в Москве был создан Центральный научно-исследовательский институт методов краеведческой работы, который находился в ведении Народного комиссариата просвещения РСФСР. За несколько дней до начала Великой Отечественной войны Институту были выделены помещения в Москве в Палатах Аверкия Кириллова на Берсеневской набережной. После войны название Института несколько раз менялось. В 1992 г. Институт был переименован в Российский институт культурологии (РИК). Спектр исследований РИК значительно расширился и охватил всю сферу культуры. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 13 апреля 1992 на базе Центрального института повышения квалификации руководящих и творческих работников культуры и Научно-методического совета по охране памятников истории и культуры Министерства культуры и туризма Российской Федерации был образован Институт Наследия. Его создание было связано с необходимостью научного обеспечения государственной культурной политики и региональных программ по сохранению и использованию национального наследия в соответствии с Конвенцией ЮНЕСКО «Об охране Всемирного культурного и природного наследия». В 1999 году Институту было присвоено имя академика РАН Дмитрия Сергеевича Лихачёва. 23 января 2014 года приказом Министерства культуры Российской Федерации Институт Наследия и Российский институт культурологии (РИК) были объединены. В состав нового Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва также вошли два филиала РИК: Сибирский, расположенный в Омске (существует с 1993 г.), и Южный, находящийся в Краснодаре (существует с 2012 г.). В мае 2014 года решением Совета глав правительств Содружества Независимых Государств Институту Наследия был предоставлен статус базовой организации государств — участников Содружества Независимых Государств в сфере сохранения Всемирного наследия.

ОСНОВАТЕЛИ ЖУРНАЛА

В. М. Захаров — доктор культурологии, профессор, Народный артист России, художественный руководитель театра танца «Гжель»;

И. Л. Кучмаева — д. филос. н., профессор, академик, Почётный работник высшего профессионального образования России;

Протоиерей **Олег Колмаков** — благочинный Плесецкого благочиния Ярославской епархии Русской Православной Церкви.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **Е. Д. Дерябина**, канд. культурологии, доцент, руководитель отдела Института Наследия;

Заместитель главного редактора — **Л. Н. Михеева**, д-р филол. наук, профессор, Заслуженный работник культуры России, профессор кафедры гуманитарных наук РГСАИ;

Заместитель главного редактора — **Г. А. Цветкова**, канд. культурологии, доцент;

Художественный редактор — **Ю. А. Бревнова**, канд. культурологии, член Союза профессиональных художников России;

Редактор по общественным связям — **А. С. Калашиников**, член Союза театральных деятелей России;

Дизайнер-верстальщик — **О. В. Богданова**, член Союза профессиональных художников России;

Б. Б. Акимов — Народный артист СССР, художественный руководитель Московского хореографического училища при театре танца «Гжель»;

Т. Г. Богатырёва — д-р культурологии, профессор, эксперт Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС, профессор ИБДА РАНХиГС;

Л. Н. Дорогова — д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России;

А. Б. Ефимов — д-р физ.-мат. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, зав. кафедрой истории миссий НОУ ВПО «Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет» (ПСТГУ);

В. Н. Катасонов — д-р филос. наук, д-р богословия, профессор, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия;

Е. А. Киричок — д-р социол. наук; V1, SAM Schneider Electric;

О. В. Кучмаева — д-р экон. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор РЭУ им. Г. В. Плеханова;

Г. У. Лукина — д-р искусствоведения, зам. директора по научной работе ГИИ;

Е. А. Минаев — д-р искусствоведения, ведущий научный сотрудник МГИК;

А. В. Окорочков — д-р ист. наук, зам. директора по научной работе Института Наследия;

М. Ю. Парамонова — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН;

Ю. С. Путрик — д-р исторический наук, кандидат географических наук, руководитель центра социокультурных и туристских программ Института Наследия;

Ю. В. Рубцов — д-р исторических наук, профессор Военного университета МО РФ;

В. И. Уральская — канд. филос. наук, Заслуженный деятель искусств России, гл. редактор журнала «Балет»;

Н. П. Ходакова — д-р пед. наук, зав. кафедрой математики и информатики дошкольного и начального образования Института педагогики и психологии образования МГПУ;

Ю. М. Чурко — д-р искусствоведения, профессор кафедры хореографии БГУКИ (Республика Беларусь).

А. В. Рачинский — д-р истории, Институт Восточных языков и цивилизаций, Сорбонна, Париж.

Учредители: Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева» (Институт Наследия).

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

90-ЛЕТИЕ ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

SCO

УДК 008

ББК 71

DOI 10.34685/NI.2022.39.4.013

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Окороков Александр Васильевич,

доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева,
ул. Космонавтов, 2, Москва, Россия, 129366,
avokor@yandex.ru

Боярский Петр Владимирович,

кандидат физико-математических наук,
Советник директора, руководитель отдела
«Морская арктическая комплексная экспедиция
и морское наследие России»
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева,
ул. Космонавтов, 2, Москва, Россия, 129366.

Аннотация

В результате изысканий в Российской Арктике и на Русском Севере было выявлено более 4 000 объектов культурного наследия, связанных с освоением и развитием этих регионов.

Ключевые слова

Экспедиционные исследования, Российская Арктика, Русский Север, памятники культуры, первопроходцы, культурное наследие, Морская арктическая комплексная экспедиция, историко-географический эксперимент.

Арктический Север России на протяжении всей истории нашего государства был твердыней русского духа. И, в связи с этим данный регион должен рассматриваться как один из важнейших ключевых ресурсов государства, который нуждается в особой защите и приоритетном развитии.

Поскольку именно Духовная среда определяет безопасное пространство, Арктика может стать регионом формирования поколений россиян с новым общественным сознанием, личностей одухотворённых. И создание такого безопасного пространства невозможно без комплексных

исследований в области истории, географии, экономики, политики, экологии и военной доктрины.

Для решения этих задач в 1986 году в составе Научно-исследовательского института культуры Министерства культуры РФ и Академии наук СССР (НИИ культуры МК РСФСР, позже — Российский институт культурологии, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва) была создана Морская арктическая комплексная экспедиция (МАКЭ) (инициатор и бессменный начальник — П.В. Боярский).

Основной целью МАКЭ стали: поиск, выявление, изучение, сохранение, мониторинг и использование уникальных объектов культурного и природного наследия в Арктике и на Русском Севере; проведение историко-географических экспериментов в Северном Ледовитом океане по маршрутам первопроходцев и первооткрывателей, путешественников и исследователей с древних времен и до конца XX века. Причем, в рамках разработанной концепции, эти эксперименты проводились в условиях максимально приближенных к историческим — на современных маломерных судах (спасательных морских мотоботов и парусно-вёсельных ялов) и на реконструированных исторических судах (кочах, лодьях).

За время своего почти 35-летнего существования МАКЭ провела (и продолжает проводить) работы в Российской Арктике на следующих территориях: архипелаги Новая Земля, Земля Франца-Иосифа, острова и побережье Белого моря, о. Визе (Архангельская обл.); Малоземельская и Большеземельская тундры, о-ва Колгуев, Сенгейский, Вайгач, Долгий, Матвеев (Ненецкий АО); полуостров Ямал (Ямало-ненецкий АО); архипелаг Северная Земля, п-в Таймыр, острова Карского моря (Красноярский край); архипелаг Новосибирские острова, острова и побережье моря Лаптевых (Республика Саха (Якутия)); о-вах Врангеля, Беннета, побережье Чукотки (Чукотский АО).

Только с 1986 по 2016 годы на архипелагах, островах и побережье Российской Арктики и Русском Севере Морской арктической комплексной экспедицией было выявлено и исследовано более 3000 объектов культурного наследия. А именно:

- на архипелаге Новая Земля — 187 объектов;
- на архипелаге Земля Франца-Иосифа — 135 объектов;

Реплика поморского коча XVIII в. на Соловецких островах

Экспедиционный мотобот в Арктике

- на острове Вайгач — 368 объектов;
 - на островах и побережье Российской Арктики — 230 объектов;
 - на островах и побережье Белого моря — 35 объектов;
 - в Пустозерске и на Городецком озере 42 объекта;
 - на Соловецком архипелаге — 2327 объектов.
- Всего — 3324 объекта

Земля Франца-Иосифа. Рис. А. Огорокова

Среди них:

— объекты археологического наследия от верхнего палеолита до позднего средневековья (отдельные находки, стоянки, каменные выкладки, мегалиты, святилища, могильники, поселения, городища);

— объекты поморской культуры (гурии, становища, зимовья, посёлки, обетные, поклонные и приметные кресты, остатки парусных судов, кладбища);

— объекты культуры малочисленных народов севера (священные места, могильники, поселения);

— объекты, связанные с православной культурой (скиты, часовни, захоронения, памятные и намогильные кресты);

— памятные места и объекты, связанные с открытием, освоением и исследованием Российской Арктики отечественными и зарубежными первопроходцами, путешественниками и исследователями XVI-XX вв.;

— объекты науки и техники (рудники, шахты, горные выработки, механизмы и техника, морские и речные суда, метеорологические станции);

— объекты морского наследия (гурии, приметные кресты, маяки и остатки судов различных исторических периодов;

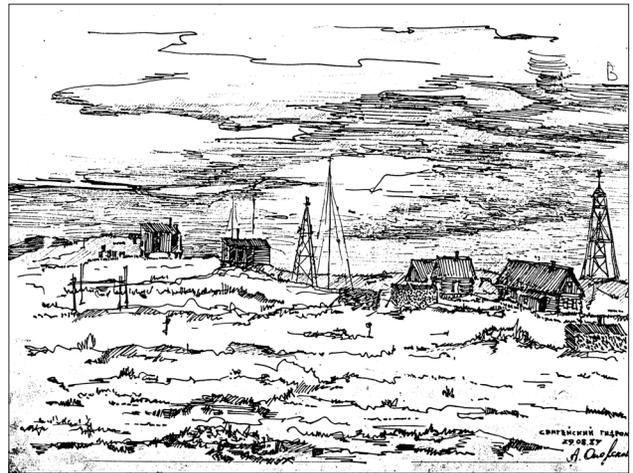
— объекты ГУЛАГА;

— объекты времён Великой Отечественной войны;

— объекты, связанные с созданием ядерного оружия России и многие, многие другие.

Особое место в работах МАКЭ занимают исследования, связанные с историческими загадка-

ми и тайнами: священного о. Вайгач, с экспедициями В. Баренца (голландская), герцога Абруццкого (итальянская), Саввы Лошкина (русская), В. Уэльмана (американская), Р. Амундсена (норвежская), Ф. Розмыслова, П.К. Пахтусова, К.Д. Носилова, А.А. Борисова, А.К. Цивольки, Карла Бэра, Г.Я. Седова, Г.Л. Брусилова, В.И. Албанова, В.А. Русанова, С.И. Челюскина, Х.П. Лаптева, А.Г. Рослякова, секретных немецких баз времён Великой Отечественной войны и других.

Гидрометеостанция на острове Сенгейский.
Рис. А. Огорокова, 1987 г.

В 1989 году в структуре сектора исследований Арктики был создан Центр комплексных подводных исследований. В сферу научных интересов Центра были включены Черное, Азовское, Каспийское и Балтийское моря, а также научные темы, связанные с историей народного (не регулярного) судостроения и судоходства (руководитель А.В. Огороков).

Среди экспедиционных работ, проведенных Центром, можно отметить многолетние исследования на Соловецком архипелаге. Они велись в рамках исследований МАКЭ по утвержденной Министерством культуры Российской Федерации программе «Изучение историко-культурной и природной среды Арктики». В полевые сезоны 1988–1990 гг. водолазами-исследователями экспедиции были проведены детальные обмеры подводной части основных гидротехнических сооружений Соловецкого монастыря: каналов, причалов, дамбы, набережной, дока. Также была обследована значительная часть акватории, примыкающая к Большому Соловецкому и Заяцкому островам.

В результате были обнаружены останки трех деревянных судов XIX в., погибших у берегов архипелага, десятки артефактов, связанных с морской жизнью монастыря, выявлены исторические судоходные пути. Кроме того, было найдено два монастырских паровых катера, которые в начале XX в. перевозили по каналам и озерам Соловков паломников и грузы. Один из катеров был поднят и передан в Соловецкий музей. Планировалась восстановить его и вновь пустить по монастырским каналам для обслуживания туристов и паломников. Проект был поддержан Советским Фондом культуры, однако так и не был реализован из-за финансовых трудностей.

В настоящее время Морская Арктическая комплексная экспедиция продолжает свою научно-исследовательскую работу. Одним из важных направлений ее деятельности является Проект «Память Российской Арктики», направленный на создание (впервые в мировой практике) единой системы увековечения памяти отечественных и зарубежных первооткрывателей, первопроходцев, исследователей, прославленных представителей коренных народов и местных

Поморские кресты на острове Матвеев. В центре — памятный крест, установленный МАКЭ в 1990-е гг. Фото Н. Кузнецова.

жителей (поморов, проводников различных экспедиций) на основе установки памятных знаков на островах, архипелагах и морском побережье Российской Арктики. Проект реализуется в рамках совместной научной деятельности с Военно-Морским Флотом России.

CULTURAL HERITAGE OF THE RUSSIAN ARCTIC

Okorokov Alexander Vasilievich,

DSc, Deputy Director for Scientific Work of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev, Kosmonavtov Street, 2, Moscow, Russia, 129366, avokor@yandex.ru

Boyarskiy Petr Vladimirovich,

PhD, Advisor to the Director, Head of the Department "Marine Arctic Complex Expedition and Marine Heritage of Russia" of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev, Kosmonavtov Street, 2, Moscow, Russia, 129366.

Abstract

As a result of research in the Russian Arctic and in the Russian North, more than 4,000 objects of cultural heritage related to the development and development of these regions were identified.

Keywords

Expeditionary research, Russian Arctic, Russian North, cultural monuments, pioneers, cultural heritage, Marine Arctic complex expedition, historical and geographical experiment.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

RAR

УДК 7.01

ББК 85.7

DOI 10.34685/NI.2022.39.4.001

БОГОСЛОВИЕ ОБРАЗА И СОВРЕМЕННАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА

Крижевский Максим Владимирович,
иерей, кандидат искусствоведения,
доцент кафедры Истории и теории христианского искусства
факультета Церковных художеств ПСТГУ,
Новокузнецкая ул., 23 Б, Москва,
maxim71-03@yandex.ru

Аннотация

Рассматриваются функции иконы как религиозного образа, особенности интерпретации церковного искусства. Вопрос о богословии языка и религиозном образе как языке богословия рассматривается на примере сопоставления толкования преподобным Максимом Исповедником чуда Преображения Господня и концепций современной феноменологической эстетики.

Ключевые слова

Преподобный Максим Исповедник, церковное искусство, икона, богословие образа, феноменологическая эстетика.

В обыденном сознании, в публичной сфере центральное место в понимании места и роли церковного искусства, как известно, занимает икона, полемика о назначении которой у специалистов в настоящее время выросла в проблему функции её как религиозного образа.

Сложность таковой постановки проблемы об иконе может быть отчасти явлена, если сформулировать проблему на первый взгляд тавтологически: Богословие образа и богословие образа. Эта формулировка уводит за рамки академического стиля изложения к постмодер-

нистской иронии. Хотя никакой иронии здесь нет, а есть обращение к очень интересной области церковного знания, к трудно артикулируемым зонам и предметам богословия.

Излишним было бы тратить время на обоснование важности богословского фундамента любого разговора о церковном искусстве, но при этом преткновением становится его вербализация. Уже название этого фундамента включает в себе большую содержательную проблему, и исследовать её нужно, поскольку в имеющемся словосочетании: *богословие образа*, — независимо от его

правильности и авторства, очевидна важнейшая методологическая задача и методологический ресурс, потенциал которые нужно осознать. И, как представляется, сделать это можно, для осуществления этой процедуры накоплен теоретико-познавательный инструментарий. Здесь нам важны изыскания в области языка, языков культуры, но, говоря о связях языка и богословия, первоисточником становится святоотеческая экзегетическая традиция.

Классические языки знают частое употребление разных падежных функций в рамках одного падежа, современные языки стараются избежать этого явления, разводя высказывания по разным падежам. Например, родительный падеж может относиться к объекту или к субъекту. Это часто приводят неопытных переводчиков с древних языков к путанице. Именно с этим явлением мы имеем дело в данном случае, в нашем словосочетании *богословие образа*.

Мы надеемся, что знаем, что такое богословие. Более или менее имеем представление о том, что это за область знания. У нас есть даже факультеты с таким названием. Что является предметом богословия? Может ли этот предмет меняться? Наше определение допускает такую возможность. Может быть богословие о чем-то. Богословский взгляд, направленный на тот или иной объект. Но, оказывается, богословие имеет не только адресата, но и адресанта: от чего или от кого исходит, зависит этот богословский взгляд.

В кругу богословов-преподавателей зачастую бытует мнение о том, что язык не может быть объектом богословия. Вместе с тем погружение в философию языка позволяет усомниться в этому утверждению и поставить вопрос о «богословии языка». Как это понимать? Понимать можно по-разному.

Можно говорить об образе языком богословия, т.е. изучать икону, в контексте Священного Предания, как часть Священного Предания. В этом случае икона является результатом богословского исследования и дает ответ на вопрос: как следует понимать икону с точки зрения Священного Писания.

А можно говорить о том, как богословствует сам образ. Говорить о богословских возможностях иконы. Изучать икону, как язык богословия. Богословие иконы в этом случае становится «инструментом» мистического опыта, и его результатом. И с этой точки зрения логичной становится

понимание богословия образа как богословия языка. Так, если (абстрактно) богословие языка невозможно, то (конкретно) языки богословия возможны, они существуют, они разные, и икона — один из таких языков.

Первый случай — богословия об иконе — нам более или менее знаком. Учение Церкви об иконе, о церковном искусстве, которое формулировалось на протяжении многих столетий святыми отцами в основном укладывается именно в такой взгляд: это разговор об иконе с точки зрения Священного Предания. Второй — богословие от иконы — мы знаем в основном исключительно в его творческой реализации. То есть, в виде самих икон, и того мистического опыта, который приобретает иконописец во время работы и молящийся во время молитвы. Но этот мистический опыт почти не описан теоретически. Непонятно возможно ли его описать, и как это делать. Как уложить этот опыт в догматическую систему координат. Но одно несомненно: эта перспектива есть, и уже само открытие этой перспективы, обозначение ее, для нас важно. Оно задает нам границы поиска, систему координат, в рамках которой возможно богословие образа.

Кроме того, ведь можно говорить об этих направлениях, как о частях общего пути, который начинается с богословия об образе, а завершается богословием самого образа. И патристика уже знает пример описания такого измерения богословия образа, который объединял бы последовательно два взгляда: от богословия об иконе к богословию иконы.

В таком двойственном измерении начинать нужно со смысла богословия, как такового.

Точным выражением этого смысла представляется определение, которое предложил в свое время Петр Юрьевич Малков в статье, посвященной богословскому методу митрополита Антония Сурожского: Богословие — это свидетельство о Боге, основанное на личном опыте¹.

Здесь личный опыт понимается достаточно широко: от опыта получения образования до мистического молитвенного переживания. Свидетельство о богообщении для каждого человека в каждой конкретной ситуации может быть связано с тем или иным явлением, другим человеком, ситуацией в окружающей действительности, даже

1 Малков П.Ю. <https://bogoslov.ru/article/1246631>

с отдельным предметом этой действительности. Таким предметом может быть произведение церковного искусства, может быть икона. Тогда, говоря об иконе с точки зрения личного духовного опыта (образовательного или мистического), мы получим богословие образа в первом смысле нашего словосочетания: богословие образа.

Границы (границы) опыта богообщения огромны. К образовательному опыту стремится студент, в лучшем случае получает документ об образовании, дающий право на профессиональную деятельность в сфере формулировок и экспертных заключений, свидетельствующих об отношении к Священному Преданию того или иного явления. Мистический опыт имеет каждый человек, кто хоть раз в жизни пробовал молиться. Здесь проблема даже не в том, что его объем может быть очень разным у различных людей. Главная проблема здесь в том, как описать этот опыт, а тем более в том, как использовать это описание. Оказывается, опираться на свой мистический опыт в теоретической деятельности могут единицы из поколений молящихся. Это удел святости, духовного, интеллектуального подвига. Поэтому мы с необходимостью обращаемся к святоотеческому наследию, вводящему нас за эту завесу тайны богообщения. Туда, где разговор об иконе дополнится, трансформируется в свидетельство самой иконы о Боге.

Мы обратимся к толкованиям преподобным Максимом Исповедником чуда Преображения Господня. Этот святой не входит в хрестоматию по иконоведению, богословию образа. Там, мы привычно встречаем протоиконоборцев, отцов-каппадокийцев и защитников иконопочитания, в первую очередь прпп. Иоанна Дамаскина и Феодора Студита. О прп. Максиме, как о богослове иконопочитания, мы почти ничего не знаем из наших учебных программ. Напомнил о его роли в формировании церковного учения об иконе английский православный священник Эндрю Лаут в статье "От учения о Христе к иконе Христа. Преподобный Максим Исповедник о Преображении"².

Православное богословие всегда придерживалось мысли о том, что Преображение Господне есть глубочайшая по смыслу икона Спасителя.

Толкование преподобным Максимом чуда Преображения изложено в знаменитых Недоумениях (Амбигвах)³. Преподобный Исповедник, продолжая неоплатоническую традицию Дионисия Ареопагита, понимает гору Преображения, как символ всей духовной жизни человека, возводящей от рабского зрака Спасителя у подножия горы к видению славы Господней на вершине. И этому восхождению преподобный Максим придает гносеологическое измерение: от говорения о Боге на основе нашего знания о творении, открытого человеку Богом, к отрицанию образов и понятий, к безмолвному изумлению и созерцанию Славы Божией. Там, где человеческая способность положительного богословия достигает предела, неопишущая, несказанная природа Бога являет Себя в сиянии Лица Христа, человек вступает в область отрицательного богословия.

Причем, говоря о Лике Спасителя, преподобный Максим имеет в виду не только личность, протоспон, как модус ипостасного соединения природ во Христе, что было бы традиционной для него темой, как для известного защитника христологической чистоты понимания. Он говорит о Лике и как об иконе. Именно Ликом — Иконой открывается ищущему Его Бог. Так в терминологии Ареопагита прп. Максим формулирует диалектику связи двух богопознавательных перспектив, границ богословия: от понимания к созерцанию, от слов о Христе к иконе Слова, от богословия образа к встрече со Христом (к богословию образа). Замечательный пример святоотеческой мысли, который дает основание замеченному ранее диалектическому измерению богословия образа. Пример того, как богословская мысль развивается и приводит рассуждающего о Боге к личной встрече с Богом.

О встрече с Богом сегодня говорится часто и много в рамках такого, не побоимся сказать, модного направления гуманитарной мысли как теозстетика. Это — самоназвание, очень четко и настойчиво декларируемое в современном христианском гуманитарном пространстве. В русскоязычной среде оно представлено целым фондом при поддержке Института философии РАН. Недавно вышла в свет книга с одноименным фонду названием⁴. Это расшифровка курса лекций

2 Лаут Э. От учения о Христе к иконе Христа. Преподобный Максим Исповедник о Преображении. Журнал «Альфа и омега» №33. 2002.

3 Максим Исповедник, преподобный. Амбигвы. М., 2020.

4 Филоненко А. Теозстетика. Никея. М., 2022.

современного украинского философа Александра Филоненко. Его семь лекций о красоте — характерный для всего направления дискурс. Автор так и позиционирует себя, как апологет движения. Это направление мысли на постсоветском пространстве имеет все признаки социального движения. «Теоэстетика» — очень любопытная книга. Филоненко — яркий лектор с огромной эрудицией, в апологии теоэстетики им задействован широкий диапазон мыслителей. Это полезное чтение вообще. Но здесь нам важно, что теоэстетика позиционирует себя, как продолжение святоотеческого разговора об искусстве в церкви. И когда кажется, что в современной канонической мысли, науке ничего о богословии образа не говорится, кроме очередных повторений, итогов, хрестоматий, перечислений знакомых имен святых отцов (хотя, выше на примере прп. Максима Исповедника, мы показали, что еще есть неоткрытые страницы в этой книге), то в этих условиях теоэстетика открывается якобы новыми возможностями истолкования богословия образа, открывается как якобы богословие образа сегодня. Но именно эта претензия теоэстетики быть нетривиальным богословием образа вызывает сомнение как необоснованная амбиция, выстроенная исключительно на философском, умозрительном подходе в трактовке богословия.

По характеру рассуждений теоэстетика не выходит за рамки феноменологии (философской ли, психологической), и, как представляется в данном случае, порождает изоморфный богословию (как свидетельству о Боге, основанному на личном опыте) метод теоретических взвешиваний тайны личного опыта богообщения.

В этих тенетах представлений о богословии проявляется историческая связь и интеллектуальная близость феноменологии с богословием.

Известно, что феноменология вырастает исторически из двух начал: философского и религиозного. Первое у нас традиционно связывают с именем Эдмунда Гуссерля⁵. Второе, как принято считать, начинается со знаменитой работы Рудольфа Отто "Священное"⁶. Начало этого труда было положено в курсе догматического богословия, который Отто читал протестантским

семинаристам. И это не должно нас смущать. Алексей Федорович Лосев, например, не отрицал феноменологический, описательный метод, как пригодный к рассуждениям о Боге. Но Лосев себя и богословом не называл, да и философом, кстати, тоже.

Теоэстетика утверждает себя как богословие. Почти на каждой странице книг повторяется генеральная мысль: теоэстетика это богословие, а ее авторы — богословы. Это настойчивое самоопределение далеко от святоотеческого духа. Трудно представить себе святителя Василия, который убеждает слушателя или читателя в том, что он именно богослов, а не ритор, скажем, в том, что беседы на Шестоднев — это богословие, чтобы современники ни с чем его труд не спутали. Богословом называет святителя Григория Церковь, а не он сам отстает это наименование для себя. Я думаю, понятно, в чем различие.

В сущности, теоэстетика — это оригинальная феноменологическая эстетика, традиция, которая берет начало в первых десятилетиях двадцатого века. Непонятно, для чего ей такое спекулятивное самоназвание. Но, кажется, авторы именно за него держатся очень крепко.

Здесь представлено намеренно как сопоставление и даже противостояние неоткрытых, или неосвоенных церковной наукой святоотеческих сокровищ, с одной стороны, и громких, талантливых, но не совсем точно атрибутированных направлений современной гуманиоры, с другой. Акцентированное противопоставление предпринято не для того, чтобы кого-то вообще критиковать, а как целенаправленная провокация продуктивной критики, дискуссии, которая заставит нас задуматься, уточнить направление усилий, указать на очевидные упущения. Что необходимо для сохранения надежной опоры в нашем понимании иконы сегодня.

Список использованной литературы

1. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2001.
3. Лаут Э. От учения о Христе к иконе Христа. Преподобный Максим Исповедник о Преображении // Альфа и омега. № 33. 2002.
4. Максим Исповедник, преподобный. Амбигвы. М., 2020.
5. Малков П.Ю. <https://bogoslov.ru/article/1246631>
6. Отто Р. Священное. СПб., 2008.
7. Филоненко А. Теоэстетика. Никея. М., 2022.

5 Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2001.

6 Отто Р. Священное. СПб., 2008.

IMAGE THEOLOGY AND MODERN PHENOMENOLOGICAL AESTHETICS

Kryzhevsky Maksim Vladimirovich,
Priest, PhD, Associate professor,
Stories and theories of Christian art, PSTSU,
Novokuznetskaya Street, 23 B, Moscow,
maxim71-03@yandex.ru

Abstract

The functions of the icon as a religious image, the features of the interpretation of church art are considered. The question of the theology of language and the religious image as the language of theology is considered by comparing the interpretation by St. Maximus the Confessor of the miracle of the Transfiguration of the Lord and the concepts of modern phenomenological aesthetics.

Keywords

Pdp. Maximus the Confessor, church art, icon, theology of the image, phenomenological aesthetics.

RAR

УДК 008

ББК 71

DOI 10.34685/NI.2022.39.4.002

ОСМЫСЛЕНИЕ С.И. ТАНЕЕВЫМ БУДУЩНОСТИ РУССКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА: ПРОБЛЕМА ДУХОВНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Лукина Галима Ураловна,
доктор искусствоведения, кандидат философских наук,
заместитель директора по научной работе
Государственного института искусствознания,
профессор, заведующая кафедрой
теории и истории музыки Российской государственной
специализированной академии искусств
125009, г. Москва, Козицкий переулок, д. 5,
Galima96@list.ru

Аннотация

Автор статьи осмысливает эпистолярное творчество С.И. Танеева (1856–1915) в точки зрения поиска универсальных принципов, обеспечивающих преемственность развития культуры. В статье приводятся уникальные архивные источники, позволяющие открыть новые грани творческого наследия выдающегося русского композитора, ученого, педагога. Сергей Иванович в своих записях, дневниках, письмах словно обращается к нам, людям XXI века, подсказывая как спасти себя и мир, искусство, культуру.

Ключевые слова

С.И. Танеев, культура, проблема преемственности, цивилизационные установки, высшие устремления человеческого духа, спасение человека, сохранение традиций, трансцендентальная связь культурного опыта.

К чему идет человечество — к гибели или к новой ступени своего развития? Очевидно, что в настоящее время мы переживаем момент цивилизационного сдвига, ускоренный в условиях пандемии динамикой развития техногенного общества. Усиливается разрыв между настоящим и прошлым, современным и традиционным.

Возможно ли обеспечить преемственность вопреки воронкам истории, уносящим прежний опыт выстраивания диалога между различными культурными началами?

Увы! Но прогноз американского ученого Сэмюэла Хантингтона (Samuel Phillips Huntington) о прогрессирующем обострении спора цивилизационных установок в мире полностью оправдался. Однако человек — не раб истории. Призванный к вечности, он участник процесса. Пример тому — Сергей Иванович Танеев (1856–1915), личность поразительно-го масштаба. Его уникальность и особая роль в истории русской музыки осознается нами только теперь... Он выдающийся русский композитор, учёный, педагог.

Вместе со своим учителем П.И. Чайковским Танеев стал главой московской композиторской школы. В ряду его учеников С.В. Рахманинов, А.Н. Скрябин, Р.М. Глиэр, Н.К. Метнер, А.Д. Кастальский, А.В. Никольский, С.Н. Василенко, А.Н. Александров, А.В. Станчинский, А.С. Аренский, С.С. Прокофьев. При участии Танеева создавалась Народная консерватория в Москве (1906–1916). Изучая записи, письма, дневники Танеева, его теоретические труды, вслушиваясь в интонационный строй его кантат «Иоанн Дамаскин» и «По прочтении псалма», хорового цикла на слова Я.П. Полонского, инструментальных и вокальных сочинений, трилогии «Орестей», всё более убеждаешься в редкой цельности и целостности всех сторон его творчества, педагогической, научной и общественной деятельности.

Почему исследования о Танееве так важны для нас сегодня, для людей разных ментальностей? В его наследии главной является тема мирового единства в высших устремлениях человеческого духа.

Знал ли об этой великой цели сам Танеев? Не просто знал — ради того жил. Это несомненный посыл всей его жизни и творчества.

Как Танеев боготворил Чайковского, как ценил все его замечания! Но при этом поразительно то, что Танеев спорил с ним, отстаивая главное — открывшийся ему путь развития русской и мировой культуры, в котором он хотел участвовать всеми силами души². Танеев, подобно М.И. Глинке, осмысливая современную ему русскую культуру как не достигшую «полного и законченного развития»³, сосредоточивается на поиске корней высокого искусства. Танеев устремлялся к духовным горизонтам русской музыки в единстве

с опытом западной, в единении высокого прошлого с будущим. Он верил, что мера света будущего искусства зависит от усилий художника. Сильнейший духовный посыл! Жажда единения светской музыки с церковной определила его идею создания православной кантаты. После того как Танеев представил Чайковскому кантату «Иоанн Дамаскин» — свой первый опус (несомненно, шедевр!), — Петр Ильич признал значимость избранного им пути. Его суть изложена в эпистолярном наследии Сергея Ивановича, в том числе — в самых ранних записях под названием «Что делать русским композиторам?» («Из памятной записной книжки» 1875, 1877, 1879 годов)⁴, в письмах Чайковскому и в эстетических записях, относящихся к 1895–1896 годам⁵. Глобальность во взгляде Танеева на путь русской музыки сравнима, пожалуй, лишь с осмыслением истории русской культуры в целом многими отечественными философами и литераторами второй половины XIX — начала XX века, — представителями эпохи, называемой «Культурное возрождение России».

Обращаясь к текстам Танеева, мы остановим свое внимание на ключевых моментах, сопряженных с проблематикой, обозначенной в названии статьи.

Танеев, как и многие русские мыслители современной ему поры, видел происходившую в культуре трансформацию духовных ценностей человека. По мнению Танеева, ориентир на «высокие стремления человека» в творчестве и жизни сменяется культом земного комфорта. Он обнаружил связь подобной философии жизни и изменений, произошедших в современной музыке, критически отмечая отказ композиторов от тональной системы, крупной формы и в целом от завоеваний классического наследия. На его взгляд, симптомы болезни духа заявили о себе раньше всего в западноевропейской культуре, соответственно и в музыке: «Классический век её прошёл, она впадает в манерность, в мелочность»

1 См. обзорную статью автора: Лукина Г.У. По страницам английских и российских исследований о творчестве С.И. Танеева // Российско-британский культурный диалог: русская музыка в Великобритании – британская музыка в России: сборник по материалам Международной научно-практической конференции. 10–11 октября (Москва, ГИИ), 6–7 ноября (Великобритания, Uclan) 2019 года. М.: Государственный институт искусствознания, 2020. С. 201–214.

2 См. переписку П.И. Чайковского и С.И. Танеева за 1880–1881 годы.

3 Из письма Чайковскому. См.: Танеев С.И. Чайковский П.И. Письма / сост. и ред. В.А. Жданова. Гос. литературный музей. М.: Госкультпросветиздат, 1951. С. 58.

4 Танеев С.И. Записная книжка 1875–1879 гг. Архив ГМЗЧ. Фонд С.И. Танеева. В 4. № 20.

5 Эстетические записи С.И. Танеева относятся ко времени наиболее активного общения композитора с Л.Н. Толстым. Рассмотрению содержания записей посвящена глава в книге автора: Лукина Г.У. Творчество С.И. Танеева в свете русских духовных традиций. М.: Композитор, 2015.

(из письма Танеева Чайковскому от 6 августа 1880 года)⁶.

В письме М.И. Чайковскому от 17 декабря 1910 года, обсуждая направленность творчества некоторых «новейших» западноевропейских композиторов, Танеев задается вопросами: «Отчего стремление к новизне ограничивается только двумя областями — гармонией и инструментовкой? Почему наряду с этим не заметно не только ничего нового в области контрапункта, но, наоборот, эта сторона находится сравнительно с прежним временем в большом упадке? Почему в области форм не только не развиваются заложенные в них возможности, но и самые формы мельчают и приходят в упадок?»⁷.

Танеев осмысливает путь русской музыки в сопоставлении с европейской: «Музыка в Европе мельчает. Ничего соответствующего высоким стремлениям человека. В теперешней европейской музыке в совершенстве выражается характер людей, её пишущих, людей утонченных, изящных, несколько слабых, привыкших или стремящихся к удобной, комфортабельной жизни, любящих всё пикантное. Какие люди, такая и музыка... Но надо быть точным в выражениях. Нельзя говорить: наше время такое, наша музыка такова, — это неверно, говорите: музыка западных народов переживает такое время — это будет верно. Но не распространяйте это на нас...» (из письма Танеева к Чайковскому от 6 августа 1880 года)⁸.

Рассуждения Танеева отсылают нас и к спору славянофилов и западников об отношении России к Западу, о возможностях и способах реализации национального характера в художественной культуре, и к теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, и к русской идее Вл.С. Соловьёва.

Впервые в русской литературе в систематической форме тема критики западной культуры была затронута Вл.Ф. Одоевским (1830-е годы).

Словами главного героя «Русских ночей» (Фауста) Одоевский высказывает мысль о «гибели» Запада, о внутреннем распаде его былой силы: «Осмелимся же выговорить слово, которое, может быть, теперь многим покажется странным, а через несколько времени слишком простым: Запад гибнет». Спасение Европы возможно лишь в том случае, если на сцену истории выступит новый народ со свежими силами. Таковым, по мысли Одоевского, является русский народ: «Но не одно тело спасти должны мы, русские, — но и душу Европы, — утверждает Фауст: ибо дело идет о внутреннем преобразении самых основ культуры Запада».

Тема кризиса западной цивилизации, культуры, философии, поиски новых путей — сквозная для русской мысли рубежа веков. Особенно актуализируется она в 70-е гг., во многом благодаря творчеству Вл.С. Соловьёва.

Взгляд Танеева совпадает с культурологическими теориями многих философов второй половины XIX века, которые отмечают деградацию самой идеи личности. В 80-е годы К.Н. Леонтьев пишет, о том, что в гибнущей Европе люди отуманены «прогрессом», внешне манящими техническими усовершенствованиями и материальными благами, по сути стремящимися быстрее урвать, смешать, слить всех в образе безбожного и безличного «среднего буржуа», «идеала и орудия всеобщего разрушения».

В западноевропейской культуре в целом произошло постепенное подавление национального характера человеческого существования характером социальным, то есть идея нации подменяется так называемым обществом. На фоне этой ситуации, сложившейся к середине XIX века, русская культура ясно определила собственную позицию: предпочтение идей, образов, музыкально-интонационного материала с ярко выраженным национальным характером. Именно на укрепление идеи нации были направлены усилия многих представителей искусства XIX века, в том числе Танеева.

Воспитанный своеобразным строем русской жизни, Танеев полагал, что обращение «за советом» к национальным образцам способно вывести искусство из тупика «нелюбия» и «разности».

Первая высказанная собственная позиция относительно будущности русского искусства содер­жится в известных записях Танеева под назва-

6 Танеев С.И. Чайковский П.И. Письма / сост. и ред. В.А. Жданова. Гос. литературный музей. М.: Госкультпросветиздат, 1951. С. 50.

7 Танеев С.И. Чайковский П.И. Письма / сост. и ред. В.А. Жданова. Гос. литературный музей. М.: Госкультпросветиздат, 1951. С.73.

8 Танеев С.И. Чайковский П.И. Письма / сост. и ред. В.А. Жданова. Гос. литературный музей. М.: Госкультпросветиздат, 1951. С. 50.

нием «Что делать русским композиторам?». В них Танеев критически оценивает направление, взятое композиторами-соотечественниками: «Русские музыканты учатся западной музыке, прямо встречаются с готовыми законченными формами. Они или сочиняют в европейском стиле, или стараются втиснуть в евр[опейские] формы русскую песню, не думая о том, что русская [песня] по отношению к ним является чем-то внешним, не имеет с ними органической связи. Форма всякого произведения тесно связана с материалом, из которого оно строится. ... Европейские формы нам чужие, своих у нас нет...» (запись за февраль 1879 года)⁹.

В 1880 году Танеев вновь, теперь уже в переписке с Чайковским, «проговаривает» проблему будущего русской музыки:

«VII. Мы ходим в потёмках. Это совершенно верно относительно того, что мы называем русским стилем, русскою гармонией. Лучшее тому доказательство есть то, что в учебнике гармонии, написанном нашим первым композитором, нет ни одного слова о тех гармонических последованиях, которые часто придают особенную прелесть его творениям и которые носят на себе отпечаток русского характера. Разве не доказательство тому, что этот стиль не достаточно выяснился и ещё не выработался в стройную систему, подобную западной. Да, мы ходим в потёмках»¹⁰.

Танеев анализирует историю становления европейских форм и формулирует своё видение пути, по которому следует идти русским композиторам: «Ни одна форма не образовалась случайно, все формы вытекали необходимо из предыдущих. В основании всей европейской музыки, таким образом, лежат народные песни и церковные мелодии. Несколько столетий люди их обрабатывали, результат — западноевропейские формы. Таким образом, эти народные мелодии заключали в возможности (*in potentia*)

всю теперешнюю европейскую музыку. Стоило к ним приложить мысль человеческую, чтобы они обратились в богатые формы <...> Задача каждого русского музыканта заключается в том, чтобы способствовать созданию национальной музыки. История западной музыки отвечает нам на вопрос, что для этого нужно делать: приложить к русской песне ту работу мысли, которая была приложена к песне западных народов, — и у нас будет национальная музыка» («Из памятной записной книжки» за февраль 1879 года)¹¹.

Танеев ориентирует соотечественников не на подражание европейской культуре, а на «создание национальной музыки», «уяснение русского характера» («Из записной книжки»). Танеев пишет П.И. Чайковскому: «Этот русский характер мы чувствуем, он вносит струю совершенно новую и оригинальную в Ваши сочинения и в сочинения Глинки, и моя мысль заключается в том, что русский оттенок в музыке с течением времени будет получать всё более и более определённый характер, и из него выработается стиль существенно отличный от европейского»¹².

Размышления Танеева о будущем отечественной музыки привели к идее жанра, который наследует отечественную традицию хорового пения. В письме Я.П. Полонскому от 8 января 1881 года он пишет: «Мне хочется взять в основание <...> кантаты древние мелодии нашей церкви и таким образом написать православную кантату. Замысел был осуществлен им в партитурах «Иоанн Дамаскин» и «По прочтении псалма».

Для Танеева было важным сохранить духовно-генетический код русской культуры, которая родилась из церковной. Танеев словно напоминает нам об этих истоках музыки. Он серьёзнейшим образом изучал крюковую нотацию, устройство знаменного осмогласия и в целом — теорию и историю русского церковного пения. Вспомним и его работу по созданию переложений роспевов, участие в событиях в сфере

9 Танеев С.И. Из памятной книжки. 1875, 1877, 1879 гг. // История русской музыки в исследованиях и материалах: Сергей Иванович Танеев. Личность, творчество и документы его жизни. К 10-летию со дня смерти. 1915–1925 / под ред. проф. К.А. Кузнецова. Труды Гос. Ин-та муз. науки. Т. 2. М.; Л.: Музсектор Гсиздата, 1925. С. 74.

10 Танеев С.И. Чайковский П.И. Письма / сост. и ред. В.А. Жданова. Гос. литературный музей. М.: Госкультпросветиздат, 1951. С. 58.

11 Танеев С.И. Из памятной книжки. 1875, 1877, 1879 гг. // История русской музыки в исследованиях и материалах: Сергей Иванович Танеев. Личность, творчество и документы его жизни. К 10-летию со дня смерти. 1915–1925 / под ред. проф. К.А. Кузнецова. Труды Гос. Ин-та муз. науки. Т. 2. М.; Л.: Музсектор Гсиздата, 1925. С. 73–77.

12 Танеев С.И. Чайковский П.И. Письма / сост. и ред. В.А. Жданова. Гос. литературный музей. М.: Госкультпросветиздат, 1951. С. 58.

православного хорового творчества¹³. Всё это указывает на безусловную включённость Танеева в процесс формирования так называемого Нового направления в духовной музыке рубежа XIX-XX веков. Своим творческим и жизненным подвижничеством Сергей Иванович сохранял и укреплял родовой этос русской культуры, дабы не потерялась нить, связующая искусство с его сокровенным духовным источником — с творчеством русского народа. Для него было ясно, что выстоять в напряженные времена способна только единая органичная интонационная система, в которой ведущая роль принадлежит собственным, аутентичным началам — опыту русской музыки, менталитету.

Тема своеобразия русского искусства, сохранения в ней национального начала живо интересовала не только Танеева. Особо выделяется в это время фигура В.В. Стасова — художественного критика, известного идеолога балакиревцев. В своей работе «Двадцать пять лет русского искусства» (1882–1883) Стасов пишет: «Крупная черта характеризует новую нашу школу — это стремление к национальности. Оно началось еще с Глинки и продолжается непрерывно до сих пор. Такого стремления нельзя найти ни у одной другой европейской школы»¹⁴.

Разобраться в особенностях национального с позиции Танеева поможет сравнение со стасовской теорией.

При всей известной идеологической разнице между московской композиторской школой и балакиревцами налицо сходство в понимании С.И. Танеевым и В.В. Стасовым творческих целей, стоящих перед русскими композиторами, которые им виделись в укреплении национального самосознания как фундамента в создании русского стиля в музыке. Между тем существуют две различные методологические позиции на пути к созданию национального.

Стасов считал, что для Новой русской школы «общепризнанные авторитеты <...>

не существуют»¹⁵, более того — «художник не имеет ни права, ни возможности представлять такие столетия, которых он не видал сам и не изучал с натуры. <...> Не посторонние, не чужие, не давнишние и не дальние сцены, лица и характеры теснятся в воображении и чувстве, а то, что его всякий день окружает <...>»¹⁶. Соответственно, помимо национальности, второй главной чертой русского стиля, согласно стасовской теории, является реализм, основа которого — «отрицание идеальности»¹⁷. Подобного рода понимание реализма отчасти стало следствием продолжающегося влияния на русскую философско-эстетическую мысль атеистического материализма «шестидесятников», идей «критического направления» Н.Г. Чернышевского. В эстетической концепции Танеева это влияние не прослеживается. Им утверждается реализм в высшем смысле — духовный реализм. Для Танеева искусство — «духовная деятельность <...>, что соединяет людей не насилем, а любовью, что служит указанием на радость единения между собой или на страдание, происходящее от разединения», «действительность не то, что бывает, а то, что происходило в душе художника»¹⁸.

Итак, выделим **основные аспекты танеевской концепции национального в русской музыке**.

Во-первых, Танеев не имеет в виду передачу непосредственно видимого в русской жизни или прямое цитирование музыкальных народных тем.

Танеев считал, что русское, национальное вырастает в художнике постепенно: художник приобретает национальный «склад характера» под естественным воздействием впечатлений от целого, включающего землю, народ, мир, окружающий человека на протяжении всей жизни. Из письма Танеева Чайковскому от 19 августа 1880 года: «...то обстоятельство, что Вы родились в России, слышали песни, жили среди той природы, которая имела влияние на склад харак-

13 Танеев входил в состав Наблюдательного Совета (1886), учреждённого в период синодальной церковно-певческой реформы, Совета Общества любителей церковного пения в Москве.

14 Стасов В.В. Двадцать пять лет русского искусства // История эстетики. Памятники эстетической мысли. М., 1969. Т. 4. Первый полутом: Русская эстетика XIX века. С. 657.

15 Там же.

16 Стасов В.В. Двадцать пять лет русского искусства, с. 655—656

17 Стасов В.В. Двадцать пять лет русского искусства, с. 654.

18 Танеев С.И. Разные выписки и заметки по философии. Архив ГМЗЧ, фонд С.И. Танеева, ВЗ, № 40, № 41, Va (стр. 1–5).

тера русского народа, эти и многие другие причины делают то, что Ваша музыка часто носит особый характер, непохожий на европейский»¹⁹. Эти рассуждения о выражении национального в художественном творчестве близки пониманию А.С. Хомякова: «Художник не творит собственно своею силою: духовная сила народа творит в художнике»²⁰. Нечто подобное утверждал и русский философ С.Н. Булгаков — современник Танеева: «Национальность опознается в интуитивном переживании действительности. <...> Национальный дух не исчерпывается никакими своими обнаружениями, не сливается с ними, не окостеневает в них»²¹. Иначе говоря, национальный дух есть начало живое и творческое, имеющее отношение к душе, стремящейся к источнику вечной жизни и спасения.

Танеев, в отличие от материалистического понимания реализма Стасовым, утверждает, что «без добросовестного и искреннего отношения к духовной стороне своей природы человек не может сделаться ни нравственным, ни счастливым» (Письмо Ю.И. Сабанеевой от 1897 года)²². «Высокие стремления человека»²³ — важнейший для Танеева индикатор русского национального характера. Поэтому в качестве основного ценностного критерия русского искусства им выдвигается прежде всего этос — направленность к «внутреннему человеку».

Во-вторых, для Танеева национальное — главное измерение в композиторском самосознании. Он ищет русский почерк, признаки того, что подразумевается под фразой «мыслить по-русски».

Основная цель творчески-экспериментаторской работы с народными песнями для Танеева — не столько точно сохранить в своей интер-

претации мелодический первоисточник, сколько приобрести творческую чуткость к народным стилистым чертам, народно-музыкальному языку в таких его проявлениях, как текучие построения, неквадратная метрика, отсутствие нарочитых тематических контрастов, широта дыхания и свобода мелодического развития, распевание слова. Речь идёт о протяжной лирической песне. Танеев ощутил, что мелодическое протяжное, или распевное, начало есть важнейшее отличительное свойство русского мышления. В письме П.И. Чайковскому он пишет: «<...> русские мелодии должны быть положены в основу музыкального образования» (от 18 сентября 1880 года)²⁴. Постепенное внедрение в музыкальное сознание композиторов национального мелодического материала, по мнению Танеева, может способствовать рождению русского стил.

В-третьих, в эстетической концепции Танеева, в отличие от стасовской, преемственность в творчестве отечественных композиторов всего действительно ценного в европейской музыке есть необходимость. Внимание со стороны композиторов к сокровищнице европейского прошлого декларируется как «прямой путь вперёд».

«Опыт вековой мудрости европейских музыкантов» нужен, как считал Танеев, ради поиска лучшего для русского искусства. Он изучал европейскую музыку, но не ради копирования. И не мечтал стать европейским композитором. Он почитал западную классическую музыку, потому что любил русскую...

Танеев, понимая под педагогической деятельностью, или «деятельностью учительства», передачу опыта, полученного от предшествующих поколений, опирался на знания, приобретённые от великих Учителей — средневековых песнопевцев, нидерландских полифонистов — вплоть до П.И. Чайковского. Об этом пишет Н.К. Метнер в своей книге «Музы и мода»: «Прежние преподаватели музыкальной теории, преподавая нам законы нашего искусства (с помощью правил), как бы передавали нам попросту некое завещание великих музыкантов прошлого»²⁵. Многие из ярчайших представителей русской школы

19 Танеев С.И. Чайковский П.И. Письма / сост. и ред. В.А. Жданова. Гос. литературный музей. М.: Госкультпросветиздат, 1951. С. 148.

20 Хомяков А.С. О возможности русской художественной школы (1847) // Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1861. С. 414.

21 Булгаков С.Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. М., 1911. Т. II. С. 284.

22 Танеев С.И. Материалы и документы. Т.1. Переписка и воспоминания / С.И. Танеев/ подгот. акад. Б.В. Асафьевым; ред.: В.А. Киселев, Т.Н. Ливанова, В.В. Протопопов. М., 1952. С. 311.

23 Выражение С.И. Танеева из письма к П.И. Чайковскому от 06.08.1880.

24 Письма П.И. Чайковского и С.И. Танеева / под ред. М.И. Чайковского. М.: Изд-во П. Юргенсон, 1916. С. 58.

25 Метнер Н.К. Муза и мода (защита основ музыкального искусства). Париж: Ymca-press, 1978. С. 63.

композиторов, исполнителей, учёных, будучи учениками Танеева, стали носителями заветов «Мирового учителя» (определение А.К. Глазунова).

Танеев, исполняя одно из величайших заданий русского музыкального искусства — поиск пути, спасающего его от «разложения[я] музыкальной формы», «измельчании[я] строения отдельных частей и упад[ка] общей композиции»²⁶ («Подвижной контрапункт строгого письма»)²⁷, разработал концепцию, согласно которой русские композиторы могут, «с одной стороны, способствовать росту европейского дерева, а с другой — воспитывать собственные ростки.< ...> По этим двум дорогам шел Глинка <...> моя мысль заключается в том, что русский оттенок в музыке с течением времени будет получать всё более и более определённый характер, и из него выработается стиль существенно отличный от европейского» (из письма Чайковскому от 18 августа 1880 года)²⁸.

На первый взгляд, Танеев допускает некое противоречие: с одной стороны, он критикует русских композиторов, которые «сочиняют в европейском стиле», с другой — полагает, что они «должны у европейцев учиться». На самом деле в понимании Танеева специфическим качеством русского стиля должно быть гармоничное сочетание национально-русского и европейского начал, возможное, например, в форме «русской фуги» или «православной кантаты».

В свое время Глинка был «почти убеждён, что можно связать фугу западную с условиями нашей музыки узами законного брака»²⁹. Двадцатитрёхлетний Танеев уверенно разделяет эту мысль и призывает соотечественников: «Усвоим себе опыт древних контрапунктистов и возьмём на себя трудную, но славную задачу. Кто знает, может быть, следующему поколению мы завещаем новые формы, новую музыку. ... Начать с элементарных контрапунктических форм, пере-

ходить к более сложным, выработать форму русской фуги, и тогда до сложных инструментальных форм один шаг. Европейцам на это понадобилось несколько столетий, нам время значительно сократится. Мы знаем дорогу, мы знаем цель, мы можем беспрепятственно пользоваться опытом европейцев»³⁰. Таким образом, Танеев воспринимал себя практически преемником дела, начатого Глинкой, который оставил «программу» создания национальной музыки.

Современный философ С.С. Хоружий, характеризуя русскую классическую культуру, отмечает, что в XIX веке пришло осознание необходимости «свести воедино все компоненты "лоскутной культуры", взятые из множества культурных миров, умственных и духовных течений»³¹. Задачей русского синтеза было «успешное претворение "чужого" в "свое", заемного и лоскутного в органичное и творческое»³². Несомненно, эта задача полностью соответствует той, что ставил перед русскими композиторами Танеев. Последним объясняется его стремление постигнуть основы средневековой монодии, контрапункта, полифонии Баха, музыки Моцарта, Бетховена, историю церковного пения. Он стремился отыскать для русской музыки прочный фундамент всечеловеческого опыта интонационного строительства. В европейской культуре, как и вообще во всем, он искал вечную константу, подлинное, духовно насущное, онтологически значимое и необходимое.

Лишь на первый взгляд кажется парадоксальным ограждение Танеева в контексте динамичной культуры рубежа XIX—XX веков вглубь истории. «Несовременность» как свойство танеевской музы выражает исключительную отзывчивость композитора к сфере Вечного, которая всегда, во все времена выглядит с позиции сиюминутных запросов несвоевременной, абстрактной, далекой от жизненной эмпирики. Прислушаемся же к словам композитора, для которого важнейшим

26 Об этих изменениях Танеев пишет, например, Чайковскому в августе 1880 года, Н.М. Амени 8 ноября 1903 года, а также в своем дневнике 15 марта 1896 года и во Введении труда «Подвижной контрапункт строгого письма».

27 Танеев С.И. Подвижной контрапункт строгого письма; ред. С.С. Богатырёв. М., 1959. С. 10.

28 Письма П.И. Чайковского и С.И. Танеева / под ред. М.И. Чайковского. М.: Изд-во П. Юргенсон, 1916. С. 58.

29 Письма М.И. Глинки к К.А. Булгакову // Русский Архив. 1869. № 12. С. 280.

30 Танеев С.И. Из памятной книжки. 1875, 1877, 1879 гг. // История русской музыки в исследованиях и материалах: Сергей Иванович Танеев. Личность, творчество и документы его жизни. К 10-летию со дня смерти. 1915–1925 / под ред. проф. К.А. Кузнецова. Труды Гос. Ин-та муз. науки. Т. 2. М.; Л.: Музсектор Гисиздата, 1925. С. 74.

31 Хоружий С.С. Рождение русского философского гуманизма: спор славянофилов и западников. URL: http://www.antropolog.ru/doc/persons/Horujy/Chorujj_432

32 Там же.

индикатором искусства стали «высокие стремления человека». В письме А.С. Аренскому Танеев писал: «Цель [творчества] — возвыситься над тем, что люди считают важным и существенным и что на самом деле ничтожно и пошло, познать и создавать истинно великое, истинно прекрасное. Достигнуть этой цели есть высшее счастье, какое только доступно человеку»³³.

В отличие от многих художников Серебряного века, он, не боясь казаться «старомодным», обращался к известным формам, казавшимся на пороге XX в. «устаревшими», открывая в них некие универсальные принципы, обеспечивающие преемственное развитие культуры.

Вот как Л.Л. Сабанеев описывал историческое значение фигуры Танеева в эпоху грандиозных потрясений в музыке: «Мы вошли в стадию, когда все ценности стремятся к переоценке <...>. На наших глазах устаревают со страшной, томительной быстротой те “достижения”, которым мы поклонялись. Вчера небывало новое сегодня становилось старым, тусклым, будничным, “вчерашним днем”. Музыка, подобно какому-то спорту, обратилась в ристалище скорости и развивается в неведомом направлении равноускоренным темпом <...>. Мудрец Танеев оказывается еще раз правым, его спокойное отношение к вечной красоте еще раз оправдывается <...> музыкальное человечество вновь испытывает тоску о прекрасной музыкальной звуковой форме»³⁴. Этим суждениям Сабанеева почти сто лет. Тяга к красоте музыки, как и искусства в целом, к красоте идеи и смыслов ощутима теперь еще острее.

Многие проблемы, которые поднимались Танеевым, при их осмыслении оказываются насущными и в наше время, когда коронавирусная пандемия ввергла нас в беспрецедентную ситуацию неопределенности будущего, от-далённости мира, дефицита большой реальности³⁵.

Так прислушаемся же к мудрости Танеева, который видел спасение человека в сохранении тра-

диции, передаче высоты искусства из поколения в поколение, благодаря которой осуществляется трансляция глубинной трансцендентной связи культурного опыта во времени.

Список использованной литературы

1. Булгаков С.Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. М., 1911. Т. II.
2. Метнер Н.К. Муза и мода (защита основ музыкального искусства). Париж: Умса-press, 1978.
3. Письма М.И. Глинки к К.А. Булгакову // Русский Архивъ. 1869. № 12.
4. Письма П.И. Чайковского и С.И. Танеева / под ред. М.И. Чайковского. М.: Изд-во П. Юргенсон, 1916.
5. Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Танееве. М.: Классика-XXI, 2003.
6. Стасов В.В. Двадцать пять лет русского искусства // История эстетики. Памятники эстетической мысли. М., 1969. Т. 4. Первый полумом: Русская эстетика XIX века. С. 653–658.
7. Танеев С.И. Из памятной книжки. 1875, 1877, 1879 гг. // История русской музыки в исследованиях и материалах: Сергей Иванович Танеев. Личность, творчество и документы его жизни. К 10-летию со дня смерти. 1915–1925 / под ред. проф. К.А. Кузнецова. Труды Гос. Ин-та муз. науки. Т. 2. М.; Л.: Музсектор Гсиздата, 1925. С. 73–77.
8. Танеев С.И. Материалы и документы. Т.1. Переписка и воспоминания / С.И. Танеев/ подгот. акад. Б.В. Асафьевым; ред.: В.А. Киселев, Т.Н. Ливанова, В.В. Протопопов. М., 1952.
9. Танеев С.И. Подвижной контрапункт строго письма; ред. С.С. Богатырёв. М., 1959.
10. Танеев С.И. Чайковский П.И. Письма / сост. и ред. В.А. Жданова. Гос. литературный музей. М.: Госкультпросветиздат, 1951.
11. Хомяков А.С. О возможности русской художественной школы (1847) // Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1861.
12. Хоружий С.С. Рождение русского философского гуманизма: спор славянофилов и западников. URL: http://www.antropolog.ru/doc/persons/Horuji/Choruji_432

33 Танеев С.И. Материалы и документы. Т.1. Переписка и воспоминания / С.И. Танеев/ подгот. акад. Б.В. Асафьевым; ред.: В.А. Киселев, Т.Н. Ливанова, В.В. Протопопов. М., 1952. С. 96.

34 Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Танееве. М.: Классика-XXI, 2003. С. 38.

35 Мучительность ситуации усиливает технически-машинная, информационная зависимость.

THE PROBLEM OF CONTINUITY IN S.I. TANEYEV'S VIEWS ON THE FUTURE OF RUSSIAN MUSIC

Lukina Galima Uralovna,

DSc of Art Studies, Vice-Director for Scientific Work of the State Institute for Art Studies,
Professor, Head of the Department of Theory and History of Music of the Russian State
Specialized Academy of Arts (Moscow, Russia),
Galima96@list.ru

Abstract

The author of the article comprehends the epistolary work of S.I. Taneyev (1856-1915) in terms the search for universal principles that ensure the continuity of the development of culture. The article presents unique archival sources that allow discovering new facets of the creative heritage of the outstanding Russian composer, scientist and teacher. Sergei Ivanovich in his notes, diaries, letters seems to be addressing us, people of the 21st century, suggesting how to save ourselves and the world, art, culture.

Keywords

S.I. Taneyev, Culture, the problem of continuity, civilizational attitudes, the highest aspirations of the human spirit, salvation of a person, preservation of traditions, transcendental connection of cultural experience.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/ИИ.2022.39.4.003

РАЗРАБОТКА ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ИЗУЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТРУДАХ ЗАПАДНЫХ СОЦИОЛОГОВ XX ВЕКА *

Горлова Ирина Ивановна,
доктор философских наук, профессор, директор
Южного филиала Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева.
ул. Красная, 28, г. Краснодар, 350063, ii.gorlova@gmail.com

Зорин Александр Львович,
доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник
отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности
Южного филиала Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева.
ул. Красная, 28, г. Краснодар, 350063, azor115@rambler.ru

Аннотация

Анализируются наиболее значимые социологические учения XX в., представленные понимающей социологией М. Вебера, коммуникативной теорией К. Дейча, структурным функционализмом Т. Парсонса и неофункционализмом, а также концепцией гражданства Ю. Хабермаса, этнологическим структурализмом К. Леви-Строса и теорией

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева» по теме 25 «Укрепление и развитие гражданской идентичности региональных сообществ как составная часть проекта российской государственности».

структуризации Э. Гидденса, которые показали свою востребованность и плодотворность в процессе концептуализации понятия «гражданская идентичность» на современном этапе развития научного знания.

Ключевые слова

Социальное взаимодействие, межкультурная коммуникация, диалог культур, ориентация на другого, гражданство, самоидентификация.

Несмотря на то, что с начала нынешнего столетия исследования феномена идентичности постоянно находятся в центре внимания ученых, представляющих широкий спектр гуманитарных дисциплин, четкого понимания, как осуществить его однозначную концептуализацию до сих пор не наблюдается. Более того, отмечается «признание дискурсивной природы идентичности..., соперничества разных способов классификации и навязывания разных нарративов об идентичности»¹. И это не случайно, поскольку современные изыскания в данной области опираются на разные подходы к трактовке данного феномена, его структуры, функций, механизмов формирования и условий становления.

В одной из статей² мы осуществили анализ методологии изучения феномена идентичности, разработанной в рамках психоанализа и социальной психологии. Данная работа, являющаяся продолжением вышеуказанной статьи, будет посвящена методологическим подходам к исследованию идентичности в социологии XX в.

Первой фигурой, достойной внимания, на наш взгляд, является выдающийся немецкий ученый М. Вебер, который считается создателем «понимающей» социологии. Одной из его заслуг является разработка теории социального действия, исходным пунктом которой становится утверждение, что «социальным» является «то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других» людей³. В соответ-

ствии с этим структура социального действия непременно характеризуется двумя компонентами: 1) *субъективной мотивацией*, без учета которой нельзя говорить ни о каком человеческом действии, и 2) *ориентацией на других*, без которой действие не может рассматриваться как социальное. Но чтобы понять мотивы действия других людей, нужно быть в состоянии поставить себя на их место, т.е. уподобиться им или отождествить себя с ними. Таким образом, понимание напрямую сопряжено с отождествлением индивида с другим или другими, которое, в свою очередь, основывается на ожиданиях «экспектации», что другой или другие готовы проделать то же самое.

С одной стороны, Вебер требовал пристального изучения фактов с помощью эмпирических исследований и использования каузального объяснения; но, с другой, — он признавал принцип отнесения к ценности и построение идеальных типов социума. При этом немецкий социолог подчеркивал, что мы можем руководствоваться ценностными суждениями, лишь в том случае, «если они представляются нам значимыми, проистекающими из высших ценностей жизни, если они формируются в борьбе с противостоящими им жизненными явлениями»⁴. Как сторонник нормативно-ценностного подхода в социологии ученый сосредоточивает свое внимание на вопросах культурного взаимодействия социальных групп, на способах сближения их ценностей и путях выработки единых представлений (массовых субъективных убеждений и субъективной веры). Нормативно-ценностная концепция интеграции Вебера концентрирует свое внимание на проблемах взаимодействия культур, «выработке общих ценностей, норм поведения

1 Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис, 2010. №2. С. 91.

2 Горлова И.И., Зорин А.Л. Разработка основ теории идентичности в психоанализе и социальной психологии // Культурное наследие России, 2021. №. 4. С. 79-85.

3 Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 626.

4 Там же. С. 350.

и представлений», а также «массовых субъективных убеждений»⁵.

У немецкого социолога можно также найти очень важный, но редко воспроизводимый тезис о том, что наличие общей цели, объединяющей людей в нацию, выливается в конечном счете в стремление создать собственное государство. При этом в понимание государства он вводит как и в другие свои концепции нормативно-ценностный аспект. «Если мы зададим вопрос, — пишет Вебер, — что в эмпирической действительности соответствует идее государства, то обнаружим бесконечное множество диффузных и дискретных действий, и пассивных реакций, фактически и юридически упорядоченных связей, либо единичных по своему характеру, либо регулярно повторяющихся; [а также — И.Г.] связей между людьми, объединенными верой в действительно значимые нормы»⁶. Кроме того, идеи, содержащиеся в работах немецкого ученого, помогают структурировать эмпирический материал и выявить те направления анализа, которые могут способствовать адекватному рассмотрению связей гражданской идентичности и межэтнических установок, присутствующих в коммуникативном процессе.

Создание всеохватывающей и глубоко разработанной коммуникативной концепции, связано прежде всего с научными изысканиями К. Дейча, в которых ученый приходит к выводу, что объединению социальных групп на межнациональном и межкультурном уровне (а, следовательно, процессу их идентификации) способствует увеличение объемов и разнообразия связей, контактов и обменов между ними. Важно то, что созданный ученым коммуникативный подход, ориентирует исследователей на включение в рассмотрение разнообразных контактов между людьми. Дейч стал также разработчиком информационной концепции наций, которые являются сообществами, скрепляющими входящих в них чле-

нов «общими представлениями» и «общей любовью к своим соседям»⁷.

Функциональная, а затем неофункциональная концепции, которые были созданы соответственно Б. Малиновским и А. Редклифом-Брауном (в 20-х — 30-х гг. прошлого столетия, а также Т. Парсонсом и его последователями в 50-х и 60-х гг.), основываются на положениях, утверждающих, что фундаментальные предпосылки интеграции определяются местом и ролью этнополитических факторов, стимулирующих социальные взаимодействия, а также теми функциями, которые обуславливают жизненно важные интересы участников интеграции, и вытекающие из них ценностные предпочтения.

Создатель структурного функционализма Т. Парсонс выбрал весьма своеобразную стратегию разработки своей теории, пытаясь взять и синтезировать все рациональное, что, по его мнению, имелось в концепциях, разработанных его предшественниками. Это, в конечном счете, должно было снять непримиримость таких альтернатив, «волютаризм — детерминизм», «субъективизм — объективизм», «номинализм — реализм». «Поскольку для американского социолога важнейшей была проблема порядка, то анализ упорядоченной структуры общества стал иметь для него первостепенное значение, а всякого рода изменения — второстепенное»⁸.

Исходя из того, что социальная система есть не что иное, как совокупность взаимодействующих акторов, Парсонс выделяет ее четыре основных функции: 1) адаптацию, 2) целедостижение, 3) интеграцию и 4) поддержание ценностного образца. На основе этих функций им вычленяются четыре структуры социальной системы, наиболее значимой среди которых является сфера культуры. «В этой сфере создается и сохраняется нормированная культурная традиция, разделяемая в той или иной степени всеми членами общества и передаваемая от поколения к поколению через процесс обучения, а не через биологическую

5 Weber M. *Economy and Society*. New York: Bedminster Press, 1968. P. 389.

6 Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen: Mohr, 1968. S. 200.

7 Deutsch K. *Nationalism and Its Alternatives*, New York: Knopf. 1969. P. 3

8 Зорин А.Л. *История социологии. Современный период. Курс лекций. Часть II*. Краснодар: Типография Краснодарского государственного университета культуры и искусств, 2011. С. 6.

наследственность. В нее включаются организованные системы структурированного, или *институционализованного*, взаимодействия между большим числом индивидов»⁹. Применительно к теме нашего исследования в этом пассаже подчеркивается, что социальная идентичность входящих в состав общества индивидов определяется культурными традициями, передающимися из поколения в поколение посредством обучения, которое носит институционализированный характер. Особо выделяется роль культурной компоненты в деле интеграции социума и способности его воспроизводить свои структуры на протяжении долгого периода.

Одной из важных тем исследований, проводимых Парсонсом, были изменения, наблюдаемые в институте гражданства в XX в. Анализируя эволюцию, касающуюся членства в «социетальном сообществе», американский социолог формулирует заключение о том, что на смену «подданству», характерному для традиционного общества, в современном западном обществе приходит «гражданство» в качестве нового типа «социетального членства людей». Этот процесс, согласно Парсонсу, включал в себя три фазы. «На первой фазе произошло создание юридических или гражданских рамок, совершенно по-новому определивших пограничные отношения между социетальным сообществом и правительством или «государством»»¹⁰. Что касается второй фазы развития гражданства, то она по большей части была связана с принятием участия граждан в общественных делах. С другой стороны, параллельно шел процесс принятия на себя ответственности обществом за благосостояние граждан, за то, чтобы им был обеспечен некий прожиточный минимум, получен доступ к образованию и здравоохранению. Этот процесс подвел к развитию третьей фазы гражданства, где доминирует «социальный» компонент. При этом наблюдается следующая закономерность: «Если гражданские права и избирательное право дают возможность автономно реализовать свой гражданский статус, то социальный компонент связан с созданием реальных условий для лучшего пользования этими

правами»¹¹. Применяя эту периодизацию к развитию института гражданства в России, можно сказать, что страна находится все еще на первой фазе, поскольку в российском обществе не утвердился приоритет прав и свобод личности, а государство, будучи по многим параметрам бюрократическим, не достигло той степени зрелости, когда оно готово было бы стать на защиту указанных в Конституции прав и свобод.

В 60-е гг. прошлого века структурный функционализм Парсонса подвергся суровой критике не только извне, но также изнутри, со стороны Дж. Александера и П. Коломи, которые модифицировали его концепцию и назвали ее неофункционализмом. Базовыми методологическими принципами неофункционализма, имеющими существенное значение, в том числе и для разработки проблем идентичности, стали: 1) отказ от однофакторного детерминизма и утверждение плюралистического характера взаимодействия всех элементов социальной структуры; 2) обращение одинакового внимания как на действие (изменчивость), так и на упорядоченность (устойчивость); 3) сохранение интереса к интеграции, но не как к своего рода свершившемуся факту, а как к некоей *возможности*; 4) исследование проблемы равновесия (устойчивости) систем в более широком плане, чем это делалось прежде; 5) сосредоточение внимания не только на состоянии уравниваемости систем, но и на присущих им конфликтных состояниях¹².

Как отмечает Л.М. Дробижева, функциональный и неофункциональный подходы к социальной интеграции вносят существенный вклад в более глубокое понимание механизмов ее формирования, подчеркивая, что в первую очередь общие интересы способствуют объединению социально и этнически различающихся людей посредством смягчения их предубеждений друг против друга.

В прояснении специфики гражданской идентичности важную методологическую роль играет анализ понятия гражданства, проведенный немецким философом и социологом Ю. Хабермасом. По его мнению, гражданство берет свое начало

9 Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. С. 554-555.

10 Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 36

11 Там же. С. 37

12 Александер Дж., Коломи П. Неофункционализм сегодня: восстанавливая теоретическую традицию // Социологические исследования, 1992. № 10. С. 117-118.

с политического самоопределения и суверенитета народа, и в этом смысле оно по сути дела не зависит от этнической идентичности. В отличие от национальной принадлежности (в этническом смысле), которая имеет в своей основе общность происхождения, общие традиции и язык, гражданскую идентичность характеризует наличие политической целостности и суверенитета народа. Гражданство, согласно немецкому социологу, приобретает демократическим путем на основе свободного волеизъявления, а не наследуется фактом рождения и не может быть передано в качестве некоторого родового состояния. При этом понимание гражданства у Хабермаса, предстает более широким в смысловом отношении, чем традиционное «юридическое подданство», т.е. как просто принадлежность конкретных лиц к определенному государству. Характерными чертами гражданства в его современном понимании, согласно немецкому социологу, являются свободное и добровольное членство индивидов, выражающее их принадлежность к государству или более широкому политическому сообществу, непременно связанное с правом на собственный выбор и самоопределение, предполагающее более или менее постоянное участие в общественно полезной деятельности при наличии самых разнообразных форм реализации гражданских прав.

В этой связи Хабермасом представлены две модели гражданства — коммунитаристски-этичская (описанная впервые Аристотелем) и либеральная (у истоков которой стоял Дж. Локк). Согласно первой модели, индивиды интегрируются в политическое сообщество как части в целое, что находит свое выражение не в отношениях индивидуального членства, а в коллективных практиках самоопределения, в процессе которых каждый осуществляет свои усилия по поддержанию общественного консенсуса и коллективного единства. Особенность второй (либеральной) модели состоит в том, что обретение идентичности со стороны граждан осуществляется не на основе неких этнически-культурных сходств, но «в практике граждан, которые активно используют свои демократические права на участие и коммуникацию»¹³. Стало быть, согласно второй модели гражданство оказывается напрямую связанным и подкреплен-

ным «социальным участием в разнообразных видах общественно полезной активности, наличием множества моделей и форм актуализации гражданских прав»¹⁴. Это означает, что превращение индивида в гражданина возможно лишь путем осуществления (реализации) повседневных гражданских практик, коренным образом отличающихся от подданныхческих.

В методологическом плане при исследовании разных видов идентичности неопределимую помощь могут оказать труды представителей социологического конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана¹⁵, в которых обосновывается мысль о том, что в значительной степени человек сам конструирует окружающую его социальную действительность на основе собственной мотивации, присущих ему интеллектуальных и личностных возможностей и, наконец, свойственной ему пассивности. Заслуга этих ученых состоит в том, что они раздвинули границы личностной активности индивидов в процессе их социализации, особо подчеркивая, что последняя в подлинном смысле творческий процесс, посредством которого человек создает не только некий субъективный образ мира, но и в какой-то мере творит саму окружающую его реальность. И, более того, его личностной индивидуальностью определяются границы его активности в области социализации и вариативность этого процесса.

С другой стороны, не меньшей методологической значимостью обладают исследования в области социальных представлений, проведенные французским психологом и социологом С. Московичи. Опираясь на труды Г. Лебона, этот ученый продолжает исследовать механизмы массового внушения и эмоционального заражения, в результате действия которых личность полностью нивелирует свои индивидуальные свойства и без остатка растворяется в массе, утрачивая волю к критическому мышлению и способность нести ответственность за свои действия. По мнению Московичи, «основной характерной чертой толп является слияние индивидов в единые разум и чувство, которые затушевывают личностные

13 Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность : Московские лекции и интервью. М. : КАМІ, 1995. С. 214.

14 Там же. С. 36

15 Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995; Бергер П. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М.: Аспент Пресс, 1996.

различия и снижают интеллектуальные способности. Каждый стремится походить на ближнего, с которым он общается. Это скопление своей массой увлекает его за собой, как морской прилив уносит гальку. При этом все равно, каков бы ни был социальный класс, образование и культура участвующих»¹⁶. Это не что иное, как состояние полной утраты собственной идентичности, аннигиляции собственного «Я», которое грозит полным разрушением личности.

Значительно расширяет методологические возможности гуманитарного познания, в частности, что касается проблем идентичности, этнологический структурализм К. Леви-Строса, который по праву называют философией гуманистического рационализма. Французский ученый исходит из постулата, гласящего, что человека нельзя понять, абстрагируясь от его связи с человечеством. Но чтобы увидеть человечество в его целостности, необходимо на него посмотреть как бы издали, т.е. обозреть весь пройденный им путь исторического развития. А сам вектор направленности человеческой истории можно уяснить, только посредством соединения различных временных точек, каковыми являются прошлое, настоящее и будущее. «Интерес... к прошлому, — подчеркивает в этой связи Леви-Строс, — на самом деле есть лишь интерес к настоящему; прочно связывая настоящее с прошлым, мы надеемся придать ему большую устойчивость, укрепить настоящее, с тем и чтобы помешать его бегу и превращению в прошлое»¹⁷. И чем больше людей включено в коммуникативное пространство, тем глубже они «заглядывают» в историю и тем самым включаются в связь времен.

Французский структуралист неоднократно указывал на то, что «...никакая часть человечества не может понять себя иначе, как через понимание других народов»¹⁸. Отсюда лучшим средством преодоления нетерпимости в отношении народов друг к другу является межкультурный диалог и их стремление и желание быть полезными в ситуации сопоставления, разнообразия

и взаимодействия. Именно в этом межкультурном диалоге формируются знание и умение, способствующие переходу культур от разделяющей их отчужденности к интегративной вовлеченности, но не как к некоему безликому общему, а как, говоря словами В.С. Соловьева, к «единораздельной целостности». При встрече с незнакомой культурой, люди фиксируют только ее наиболее общие родовые признаки, и поэтому им поначалу все в ней видится единообразным. Этим объясняется то, почему лики китайцев, японцев и африканских или австралийских аборигенов на первых порах кажутся европейцам однообразными, т.е. все они предстают как бы «на одно лицо». Но по мере приобщения к их культурам и развития межкультурных связей постепенно открываются детали, которых ранее не замечали. При этом в ходе познания друг друга и сближения с людьми разных рас и национальностей все сильнее обозначаются их внутрисоциальные особенности и, напротив, все больше отмечается общее в их столь не сходных на первый взгляд культурах. Исходя из этого французским антропологом и социологом постулируется следующая закономерность: в межкультурном диалоге, происходящем между сильно различающимися сообществами, постепенное осознание сходств во внешних отношениях с другой культурой находится в обратно пропорциональном отношении к осознанию различий в их внутрикультурной среде. Короче говоря, если культуры по существу не различаются, то они никогда не имеют тяготения друг к другу.

Таким образом, в структурной антропологии Леви-Строса «межкультурная коммуникация является не только способом самоидентификации, но и дифференциальной интеграции народов. Сближаясь через диалог и социальное взаимодействие, культуры не только лучше узнают друг друга, но и самоидентифицируют себя, пробуждая друг в друге стремление к миру и сотворчеству»¹⁹. Напротив, насильственное стирание культурных различий даже между близкими

16 Москвичи С. Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. С. 108.

17 Леви-Строс К. Мифологии: Человек голый. М.: Флюид, 2007. С. 575.

18 Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С. 16.

19 Иносов В.И. Структурализм как гуманизм: идеи социального примирения и развития в концепции культуры Клода Леви-Строса // Материалы Междунар. науч. конф. «Разнообразие и идентичность: гуманистические основания всемирного наследия и мультикультурного развития», 26-27 нояб. 2009 г. отв. ред.: В.И. Ионесов, Г. Тромпф. Самара: ООО «Изд-во ВЕК#21», 2010. С. 105.

друг к другу по крови и менталитету народами и потеря одним из них идентичности силу идеологических или политических причин могут привести к серьезным конфликтам и даже войнам. Когда между соседними культурами стирание различий доходит до критических значений, т.е. когда, иначе говоря, возникает «кризис различий», культура, которая чувствует себя ущемленной, встает на борьбу за свою идентичность и может защищать себя, используя все возможные способы, в том числе и вооруженное сопротивление и военные действия. И все это делается народом для того, чтобы обрести вновь различия и собственную культурную идентичность. Несмотря на то, что антропологический структурализм Леви-Строса, подвергался жесткой критике, особенно в отечественной философии и социологии, ряд идей, содержащихся в этой доктрине, бесспорно являются в методологическом плане плодотворными: это — мысль о необходимости диалога между носителями разных культур, разработка теории культурной коммуникации как способе преодоления онтологического раскола и одиночества, а также защита культурного разнообразия при подчеркивании приоритета различий над единообразием. Не случайно поэтому французского этнолога и антрополога по праву считают подлинным создателем современного мультикультурализма.

Большой вклад в понимание того, как формируется идентичность человека в современном обществе, внес британский социолог Э. Гидденс. Широкою известность ему принесла книга «Устройство общества», в которой была разработана теория структуризации. Под структуриацией ученый подразумевает процесс оформления социальных систем, т.е. процесс оформления общества, где формальными составляющими выступают социальное действие и социальная структура, включающая в себя социальные институты. Важным элементом теории структуризации, по Гидденсу, является рутинизация. «Рутинизация, — пишет он, — обеспечивает целостность личности социального деятеля в процессе его (ее) повседневной деятельности, а также является важной составляющей институтов общества...»²⁰. На основе этого в традицион-

ном обществе почиталось прошлое и древние обычаи, которые аккумулировали в себе опыт предшествующих поколений и помогали воспроизводить его. В современном же обществе эпохи modernity общественные институты отличаются своим динамизмом, который разрывает традиционно существовавшие связи и отношения. Это коренным образом преобразует природу повседневной жизни людей и связанные с ней практики. В результате некогда целостный мир фрагментируется, все становится шатким и неустойчивым, подверженным постоянному риску. И это оказывает существенное влияние на конструирование индивидом своей идентичности, а точнее, самоидентичности. Эпоха modernity характеризуется тем, что «Я» индивида становится непрочным, хрупким и ломким, расколотым и фрагментированным, подверженным нарциссизму. Последний, однако, не следует смешивать в обыденным самолюбованием. Нарциссизм современного индивида характеризуется тем, что тот относит все внешние события к нуждам и желаниям его самого, будучи озабоченным лишь вопросом о том, «что сие означает для меня». Это влечет за собой постоянный и гипертрофированный поиск самоидентичности, но данный поиск становится фрустрированным, ибо постоянная озабоченность тем, «кто я есть», становится проявлением нарциссической поглощенности собой, а не реально осуществляемым поиском установления взаимосвязей с окружающим миром.

Сфокусированность индивида на личном свободном выборе порождает в его сознании проблему экзистенциального сомнения и ощущение онтологической ненадежности и нестабильности. Для того чтобы подавить это экзистенциальное сомнение и установить онтологическую безопасность, индивид стремится создать свой собственный «стиль жизни», который уже оказывается основанным не на его свободном выборе, как это ему, может быть, кажется, а на стандартах, навязываемых СМИ, которые предлагают способы деятельности и поведения посредством советов и инструкций ангажированных экспертов, в пику непосредственной передаче опыта от одного поколения к другому в семье, как это было в традиционном обществе.

Описание процессов формирования идентичности (самоидентичности) индивида в современную эпоху, как оно представлено в концепции

20 Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический проект, 2005. С. 111.

Гидденса, по мнению О.И. Якушиной, содержит в себе четыре момента. «Во-первых, унификация и фрагментация, поскольку рефлексивный проект “Я” инкорпорирует многочисленные контекстуальные события и формы опосредованного опыта, через которые должен быть начерчен “курс дальнейшего продвижения”. Во-вторых, бессилие и присвоение: варианты стиля жизни, которые стали доступными, предлагают множество возможностей для присвоения, но и порождают чувство бессилия. В-третьих, авторитет и неопределенность: в условиях, когда нет никаких конечных авторитетов, рефлексивный проект “Я”, чтобы справиться с состоянием неопределенности, должен самостоятельно опираться на то, что им будет выбрано как авторитетное в данный конкретный момент. В-четвертых, персонализированный опыт: нарратив “Я” должен быть сконструирован в условиях, в которых на отдельного индивида влияют стандартизирующие образцы»²¹. Концепция Гидденса является важным методологическим подспорьем для исследователей, занимающихся рассматриваемой нами проблемой, ибо в ней высвечена вся противоречивость процесса формирования идентичности индивида в современную эпоху.

В заключение следует отметить, что в ходе работы был рассмотрен широкий спектр концепций, разработанных западными социологами XX в., в которых с разных методологических позиций была исследована проблема формирования гражданской идентичности и связанные с ней трудности. Проанализированы основные понятия, которыми оперировали наиболее крупные ученые этого периода. Особое внимание было сосредоточено на теории социального действия и концепции идеального типа Вебера, которые остаются весьма актуальными для разработки проблем гражданской идентичности. Выявлена специфика методологии, применяемой представителями структурного функционализма (Парсонс) и его последователями и одновременно критиками в лице неофункционалистов. Проанализирован методологический потенциал, концепции социального конструктивизма, представители (Бергер и Лукман) которого выдвинули тезис

о том, что окружающая человека социальная действительность во многом творится им самим на основе свойственных ему интеллектуальных возможностей, а значит, и его идентичность является продуктом его собственной деятельности. Было подчеркнуто, что Московичи, напротив, сосредоточил свое внимание на тех факторах, которые способствуют утрате человеком своей идентичности и полной аннигиляции его личности. Завершается анализ концепциями постмодернистского толка, созданными К. Леви-Стросом и Э. Гидденсом, которые подчеркивали, что в эпоху постмодерна индивидуальное «Я» становится ломким, хрупким, непрочным, в результате чего идентичность личности оказывается фрагментированной, неустойчивой, подверженной постоянным изменениям, навязанным стандартами, которые пропагандируются через СМИ и интернет-сообщества.

Список использованной литературы

1. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис, 2010. №2. С. 90–105.
2. Горлова И.И., Зорин А.Л. Разработка основ теории идентичности в психоанализе и социальной психологии // Культурное наследие России, 2021. №. 4. С. 79–85.
3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808с.
4. Weber M. Economy and Society. New York: Bedminster Press, 1968. 520 p.
5. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen : Mohr, 1968. 688 s.
6. Deutsch K. Nationalism and Its Alternatives, New York: Knopf. 1969. 200 p.
7. Зорин А.Л. История социологии. Современный период. Курс лекций. Часть II. Краснодар: Типография Краснодарского государственного университета культуры и искусств, 2011. 118 с.
8. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
9. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997. 269 с.
10. Александер Дж., Коломи П. Неофункционализм сегодня: восстанавливая теоретическую традицию // Социологические исследования, 1992. № 10. С. 112–120.
11. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность : Московские лекции и интервью. М. : КАМІ, 1995. 252 с.

21 Якушина О.И. Идентичность в социологической теории Э. Гидденса // Современные проблемы науки и образования, 2014. № 2.; URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=12685> (дата обращения: 25.04.2021).

12. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
13. Бергер П. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М.: Аспент Пресс, 1996. 168 с.
14. Московичи С. Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. 478 с.
15. Леви-Строс К. Мифологии: Человек голый. М.: Флюид, 2007. 784 с.
16. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
17. Иносов В.И. Структурализм как гуманизм: идеи социального примирения и развития в концепции культуры Клода Леви-Строса // Материалы Междунар. науч. конф. «Разнообразие и идентичность: гуманистические основания всемирного наследия и мультикультурного развития», 26–27 нояб. 2009 г. отв. ред.: В.И. Иносов, Г. Тромпф. Самара: ООО «Изд-во ВЕК#21», 2010. С. 74–125.
18. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М. : Академический проект, 2005. 528 с.
19. Якушина О.И. Идентичность в социологической теории Э. Гидденса // Современные проблемы науки и образования, 2014. № 2.; URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=12685> (дата обращения: 25.03.2022).

**DEVELOPMENT OF THEORETICAL
AND METHODOLOGICAL FUNDAMENTALS
OF THE STUDY OF CIVIC IDENTITY IN THE WORKS
OF WESTERN SOCIOLOGISTS
OF THE TWENTIETH CENTURY**

Gorlova Irina Ivanovna,

DSc in Philosophy, Prof., Director, Southern Branch,
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnaya st., 28, Krasnodar, Russia, 350063, ii.gorlova@gmail.com

Zorin Aleksandr Lvovich,

DSc in Philosophy, Prof., Leading researcher of the department
for learning of the cultural heritage and expert activity, Southern Branch,
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnaya st., 28, Krasnodar, Russia, 350063, azor115@rambler.ru

Abstract

The article analyzes the most significant sociological teachings of the twentieth century, represented by the understanding sociology of M. Weber, the communicative theory of K. Deutsch, T. Parsons' structural functionalism and neofunctionalism, as well as the concept of citizenship of J. Habermas, K. Levi-Strauss' ethnological structuralism and E. Giddens' theory of structuration, which have shown their relevance and fruitfulness in the process of conceptualizing the concept of "civil identity" on the contemporary stage of the development of scientific knowledge.

Keywords

Social interaction, intercultural communication, dialogue of cultures, orientation to the other, citizenship, self-identification.

RAR
УДК 7.01
ББК 85
DOI 10.34685/ИИ.2022.39.4.004

«ВОЗВЫШЕННОЕ» ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОИКОВ: КЛЮЧЕВЫЕ СМЫСЛЫ И НОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ

Горелова Юлия Робертовна,

кандидат исторических наук, ученый секретарь,
Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева,
Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина,
Андрианова, д. 28, г. Омск, Россия, 644077,
gorelovaj@mail.ru,

Петренко Ольга Владимировна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева,
Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина,
Андрианова, д. 28, г. Омск, Россия, 644077,
olgap26g12@mail.ru,

Гефнер Ольга Викторовна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент,
Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева,
Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина,
Андрианова, д. 28, г. Омск, Россия, 644077,
ovgefner@gmail.co

Аннотация

В статье раскрывается проблема современного понимания эстетической категории «возвышенное» в контексте различных философско-эстетических представлений мыслителей прошлого и настоящего. Выделяются основные смысловые блоки, анализируется динамика ключевых смыслов и содержательного наполнения категории. Выявляются смыслы эстетических ценностей как культурных стереотипов восприятия и оценки городских пространств.

Ключевые слова

Эстетические категории, возвышенное, идеалы и ценности, восприятие современного города.

Окружающее человека пространство всегда было и является объектом его осознанной или неосознанной рефлексии. Попытки осмыс-

лить свои взаимоотношения с красотой, сферой прекрасного и возвышенного, в определенный момент положили начало новой сфере науч-

ного познания — эстетике. Впоследствии, как любая область научного знания, эстетика выработала свой категориальный аппарат, свою методологию, историографию. С развитием интеллектуальной мысли и деятельности (науки и философии), в зависимости от соответствующего культурно-исторического контекста меняются эстетические каноны как часть мировоззренческой сферы. Стремление к культурной толерантности нередко перерастает в привычку к аксиологической всеядности. «Возвышенное» и «прекрасное» теряют свою однозначную ценность и привлекательность, их смыслы размываются, утрачивая, порой, связь со своими истоками, приближаясь к границам «ужасного», «безобразного» и «низменного». Согласимся Г.П. Выжлецовым, что в период постнеклассической рациональности 1980-х — 2010-х гг. эстетика оказалась под влиянием постмодернистской культуры, «в которой функционируют не сами по себе ценности и/или их антиподы, а ценностные противоположности — взаимосвязанные, взаимопроникающие и взаимопереходящие друг в друга», что «добро и зло, красота и безобразие, искусство и его суррогаты незримо меняются здесь местами»¹. Наблюдается смена векторов восприятия ключевых категорий эстетики, особенно ярко это проявляется в представлениях жителей современных городов. Отмеченное делает актуальным изучение понимания горожанами дуальных понятий эстетики «прекрасное–безобразное», «возвышенное–низменное».

Ранее мы уже обращались к восприятию категории «прекрасное» современниками — омичами². В ходе исследования были выделены основные смысловые блоки, прослежена динамика смыслов эстетических ценностей как современных культурных стереотипов восприятия и оценки городских пространств. Анализ историографии проблемы, позволил сделать вывод о том, что интересующие нас эстетические категории чаще всего рассма-

триваются в историко-философском контексте, при анализе парадигмальных мировоззренческих сдвигов (П.Н. Кондрашева, А.А. Артемова, Я.И. Хачикян, И.П. Никитина, и др.), с точки зрения оценки современного искусства (В.В. Бычков, Н.С. Филоненко, Р.П. Мусат, М.В. Коваль, и др.). В исследованиях по изучению социально-психологических особенностей восприятия городской среды наблюдаются лишь отдельные отсылки к вечным эстетическим ценностям и категориям (С.Э. Габидулина, Д.Н. Сазонов, О.С. Шемелина, О.Е. Ванина, Ю.Р. Горелова, Т.В. Иванова, Ю.А. Пидодня). Взаимосвязь понятий «прекрасное–безобразное», «возвышенное–низменное» и восприятия окружающего пространства не привлекает пристального внимания исследователей-практиков. В данной статье предлагаем обратиться к анализу смыслового и содержательного наполнения горожанами понятия «возвышенное», на примере динамики представлений жителей современного крупного Западно-Сибирского города Омска с 2016 по 2021 гг.

Специфика объекта и предмета обусловила междисциплинарность исследования. Опираясь на теорию, понятийный аппарат и ключевые методы эстетики, авторы активно использовали потенциал культурологии для определения диапазона смысловых оттенков представлений о возвышенном, особенно на современном этапе. Для выявления приоритетов в восприятии категории «возвышенное» современниками применялись социологические методы анкетирования и опроса. «Возвышенное» рассматривается как эстетическая категория, характеризующая предмет или явление как обладающее внутренней значительностью, ценностью, поражающее своим величием, грандиозностью, таящее в себе огромные потенциальные силы, превосходящие человеческие масштабы³. В искусстве возвышенное находит отражение в масштабных, монументальных, пафосных формах, интенсивных, ярких средствах выразительности. Противоположной категорией является «низменное».

Эстетические теории и концепции играют особую роль в духовном и материальном бытовании социума, в восприятии прекрасного–безобразного и возвышенного–низменного

1 Выжлецов Г.П. Предмет и начало эстетического знания в истории культуры // Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2014. – №3. – С. 91.

2 Горелова Ю.Р. Аксиология городской культуры: категория «прекрасное» в оценке городских пространств современными горожанами // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2021. – №2(31). – С. 16–24.

3 Возвышенное // Эстетика: словарь / под общ. ред. А. А. Беляева и др. – М.: Политиздат, 1989. – С.43.

как в профессиональном (сознании философов, культурологов, деятелей искусства и т.д.), так и в массовом сознании. Философы изучают значимые для современников вопросы и проблемы, чутко улавливают и стимулируют перемены в мировоззрении общества, создавая в рамках своих концепций определенные системы критериев оценки культурных явлений и феноменов. Кратко осветим динамику философско-эстетических представлений о категории «возвышенное».

Первые определения «возвышенного» появились в эпоху Античности. Греческий оратор и писатель Цицилий Калактийский (I в. до н.э.) в трактате «О Возвышенном» определил его как стилистическую фигуру риторики — особых правил и техник ораторской речи. Другой автор I–III вв., некий Псевдо-Лонгин, в одноименном трактате рассматривал возвышенное уже как эстетическую категорию, как нечто далекое от обыденности, мнимых мирских благ, обладающее духовным величием, поднимающее человека до божественного⁴. К «низменному» же относились животные чувства человека, поступки, определяемые инстинктами, эгоистические проявления.

В Средневековье на теоретическом уровне проблема «возвышенного» не рассматривалась. «Возвышенное» ассоциировалось с Богом, который, как объект духовного созерцания, рождал у верующего человека чувства восторга и страха, всеохватывающей радости и содрогания, экстаза и муки⁵. Низменными же объявлялись поступки, противоречащие заповедям, греховные. Гуманизм эпохи Возрождения трактует возвышенное как яркое проявление подлинной человеческой сущности, превозносит в человеке титаническое, дерзновенное, творческое начало.

В Новое время сложились два подхода к «возвышенному». Первый основан на противопоставлении «возвышенного» и «прекрасного». Он представлен в работе английского публициста Э. Берка «Философское исследование о проис-

хождении наших идей возвышенного и прекрасного» (1757)⁶. Источниками этих идей, по Берку, являются огромность, трудность, бесконечность, великолепие, его порождает неизвестность, неопределенность, страх. «Возвышенное» базируется на чувстве неудовольствия, а «прекрасное» — на чувстве удовольствия.

Немецкий философ А. Шопенгауэр в работе «Мир как воля и представление» (1818) противопоставляет прекрасное и возвышенное, связывает чувство возвышенного с созерцанием различных объектов и явлений, сильных, могущественных, способных причинить вред человеку, с удовольствием, испытываемым наблюдателем от соприкосновения с подобными проявлениями природы.

И. Кант в своих трудах, частности «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (1766), разводит эти категории, но в отличие от предыдущих мыслителей, все же воспринимает «возвышенное» скорее, как позитивную, нежели, как негативную ценность. По Канту, возвышенное не является имманентным свойством объекта, оно субъективно, коренится в нашей душе, касается идей разума. Он признает, что, во-первых, категория «возвышенного» связана с духовной природой человека; во-вторых, эта категория неразрывна связана с этическим принципом и развитием лучших человеческих качеств; в-третьих, с ней связаны такие человеческие ценности, как могущество и свобода.

Другой подход, характерный для эстетики Нового времени, состоит в сближении возвышенного и прекрасного. Французские эстетики XIX в. А. Сурио, Н. Жоффруа понимали «возвышенное» как высшую степень прекрасного. Немецкий философ Г. Гегель рассматривал возвышенное как один из этапов развития абсолютного духа, период мировой истории, соответствующий романтической стадии развития искусства, когда духовное начало превалирует над чувственным материалом и его формой⁷.

В философии К. Маркса «возвышенное» носит социальный характер, его основой является творческая и деятельностная природа человека,

4 Возвышенное // Эстетика: словарь / под общ. ред. А. А. Беляева и др. – М.: Политиздат, 1989. – С.44.

5 Бычков В.В. Возвышенное // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / председ. науч.-ред. совета В.С. Степин: [электронное издание] – М.: Мысль, 2000 -2001. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01169f50ac69a638678d4d16> (дата обращения 7.06.2021).

6 Берк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного: пер. с англ. – М.: Искусство, 1979. – 237 с.

7 Борев Ю.Б. Эстетика: Учебник. – М: Высшая школа, 2002. С.57.

величие и достоинство, а этический идеал — героический подвиг человека во имя человечества, борьба за прогрессивные идеалы.

Мыслители XX — начала XXI в. пытаются модернизировать классический опыта понимания данной категории. Так, в эстетической теории немецкого мыслителя Т. Адорно «возвышенное», в духе кантовского подхода рассматривается как торжество человеческого духа над превосходящими его силами, природными и социальными феноменами. По Ж.-Ф. Лиотару, это представление непредставимого, чувство, включающее в себя сочетание удовольствия от того, что разум превосходит всякое представление, и сожаление от того, что воображение не в силах соответствовать понятию⁸. Американскими исследователями П. Миллером, Л. Марксом, Д. Найем разрабатывалась концепция «техно-возвышенного», которая является, фактически, метаморфозой кантовского подхода с заменой объекта возвышенного с природы на индустриальные творения человека, которые, с одной стороны, доминируют над ним, заставляют трепетать и испытывать страх, а с другой — вызывают чувство гордости и восхищение гением человечества, его силой, умом и изобретательностью⁹.

Категория «возвышенного» очень часто соотносилась философами с категорией «прекрасного», что измеряло ее некими чувственно-воспринимаемыми, визуальными параметрами, такими, как «красота», «масштаб» и др. «Возвышенное» всегда определялось посредством определенных эмоциональных состояний, таких, как благоговение, изумление, восторг, или даже страх. Кроме того, эта категория неразрывно связано со сферой этического, а также воспринималось как что-то значимое и ценное. Но самое главное, «возвышенное» всегда трактовалось как нечто выходящее за пределы обыденного, нечто, превосходящее человека, грандиозное, мощное, величественное. Таким образом, в понимании «возвышенного» можно выделить три основных

смысловых блока. Первый блок связан с самой сутью «возвышенного» и определяет его положение по отношению к этому миру. Второй блок этико-аксиологический, в него входят смыслы, связанные с базовыми психоэмоциональными реакциями, этической сферой, сферой отношений. Третий блок опирается на визуально воспринимаемые характеристики.

Для выявления смыслов понимания категории возвышенного жителями современного города в 2016/2017 и 2021 гг. были проведены опросы омичей. В соответствии со спецификой целей и задач исследования применялся метод квотной выборки с учетом половозрастных критериев и на основании параметров генеральной совокупности¹⁰. Всего было опрошено 745 человек. Метод открытого вопроса, позволил выявить многообразие смысловых оттенков в восприятии данной категории. Респонденты раскрывали свое понимание «возвышенного» тремя определениями, размышляли над тем, какие омские городские пространства (места и объекты) и почему вызывают у них возвышенные чувства.

В ходе первого этапа исследования полученные определения «возвышенного» были разделены на три больших блока, упомянутых выше. Специфика ответов позволила выделить промежуточные подблоки. Первый, сущностный, блок включил такие подблоки, как «степень возвышенности», «соответствие канону», «смысл/ценность», «запредельность», «сила воздействия» и стабильность. Второй блок, эмоциональных характеристик был подразделен на категории «оценки» (нейтрально положительные); «чувств» («радость и счастье», «умиротворение и воодушевление», «интерес», «безопасность», «любовь»); «этики» (благочестие). Третий блок, блок визуальных характеристик составили подблоки: «красота» (визуальная привлекательность); «выразительность/яркость/своеобразие»; «роскошь»; «чистота», «гармония (соразмерность)».

Блок сущностных характеристик составили 60% ответов, второй — 19%, третий блок — 20%, раздел другое — 1%. Как видно, лидирующие

8 Дон А. С. Кризис современного искусства в контексте диалога Ж.-Ф. Лиотара и Ж. Бодрийара // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2009. – № 7. – Ч. II. – С. 61.

9 Федорова К.Е. Техно-возвышенное как эстетический феномен современной культуры (на материале медиаискусства): автореф. дис. ...канд. филос. наук. – СПб, 2014. С.7.

10 Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. на территории Омской области. О России языком цифр / Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области. – Омск, 2012. – 15 с.

позиции в восприятии «возвышенного» занял первый блок, набрав на 1/3 ответов больше, чем первые два блока. Таким образом, ключевым фактором для определения категории «возвышенного» на современном этапе является его особая соотношенность с материальным и духовным миром.

«Возвышенное» горожане определяют, как феномен, напрямую связанный с «превосходной степенью». Особое место в восприятии категории занимает ее «запредельность», соответствие канону и сила воздействия. Визуальная привлекательность и эмоции выступают в качестве дополнительных характеристик. Наибольшее значение имеют этические представления, чувства и, наконец, визуальная красота.

Выявим особенности восприятия «возвышенного» горожанами в каждом отмеченном нами блоках и подблоках. Начнем с лидера. В блоке сущностных характеристик (1319 выборов), как отмечено выше, на первое место выходит определение возвышенного в «превосходной степени» (591 выбор, 45% в блоке) как идеального (142), высокого (106), величественного (59) и великолепного (55), торжественного (36), превосходного (27), а также замечательного, лучшего, совершенного, отличного, блестящего, бесподобного, гениального, и т.д. «Запредельность» (397, 30%) описана прилагательными: неземное (125), божественное (76), святое (33), чудесное (27), а также недостижимое, волшебное, невероятное, необыкновенное, космическое, сакральное и т.д. Подблок «соответствие канону» (124, 9% в блоке) занимает третье место по количеству выборов, описывает «возвышенное» как священное (37), культурное (14), ровное, натуральное, достойное, образцовое, уважаемое, качественное, добродетельное, нравственное, благочестивое, близкое к идеалу, грамотное, честное, свободное, человеческое и даже как интеллектуальное. По «силе воздействия» (117 выборов, 9%) категория трактуется определениями: великое (23), подавляющее (20), легкое (15), воздушное (14), завораживающее, грандиозное, большое, впечатляющее, масштабное, мощное, доминирующее. «Смысл и ценность» (83, 6%) возвышенного отмечены прилагательными: вечное, доброе, важное, душевное, значительное, одушевленное, нематериальное, старинное, бесценное, личное, экзистенциальное и идейное. Стабильность категории, как чего-то понятного, надежного,

неразрушающегося и простого, подчеркнута только в 7 ответах.

Ответы, вошедшие в третий блок визуальной привлекательности (всего 450 выборов) подблок «красота» составил 45% в блоке. Больше всего ответов пришлось на определения «красивое» (58) и прекрасное (55), а также «утонченное» (37). Эстетичность отмечена лишь в 13 выборах. На втором месте в блоке — подблок «чистоты» (109 выборов, 24%), характеризующий «возвышенное» как чистое, светлое, небесное, и т.д. Третье место заняли представления подблока «выразительность» (63, 14% в блоке): яркое, живописное, особенное, и др. Подблок «гармония /соразмерность» (55, 11%) большинством выборов определил возвышенное как гармоничное (39), остальные ответы содержали также прилагательные: целостное, мелодичное, природное, пропорциональное, и др. Интересно, что респонденты на самое последнее место в блоке ставят характеристику внешней «роскоши» интересующей нас категории как дорогое, шикарное, престижное, элитарное, и т.д. (в подблоке 24 выбора, всего 5% в блоке).

В блоке эмоциональных характеристик возвышенного (409 выборов) на первое место вышел этический подблок «благочестие» (357, 87% в блоке). Респонденты определяют категорию как нечто благородное (147), духовное и одухотворенное (117 и 63), облагороженное, возвышенное и т.д. Второе место занимают определения подблоков чувств: «любви» (171, 42%) — вдохновляющее, волнительное, удивительное, романтическое, восхитительное, т.д.; «безопасности» (41, 10%) — спокойное и успокаивающее, открытое, безопасное; «умиротворения» (30, 7%) — чувственное, приподнятое, умиротворяющее; «радости и счастья» (17, 4%) — приятное, лучезарное, радостное, счастливое. Оценочный подблок выбрали лишь 14 раз (3%), возвышенному дали нейтрально-положительную характеристику как чему-то крутому, сентиментальному, эмоциональному и сложному.

В раздел «другое» (30 выборов) вошли ответы, которые мы не смогли отнести к предложенным блокам, но характеризующие особенности в понимании «возвышенного» простыми жителями. Горожане определяют категорию как нечто первое, далекое, атмосферное, высокочастотное, новое, нестандартное, неясное и приподнятое географически.

Второй этап исследования включал формализацию и анализ вопросов, направленных на выявление того, как респонденты оценивают городские пространства Омска с точки зрения категории «возвышенного» (какие пространства и какова причина выбора). Ответы (всего 942 выбора) были разделены на две большие категории «места/пространства» и «объекты». Именно анализ этих данных позволил выявить влияние ключевых эстетических ценностей на оценку конкретных городских пространств.

Безусловными лидерами, характеризующимися прилагательным «возвышенное», стали культовые сооружения и учреждения культуры (по 286 выборов и 30% от общего количества).

Величественный и красивый Успенский собор (148, 52% от раздела) заслужил это определение за свою одухотворенность, внешнюю привлекательность, красоту архитектуры. Он был охарактеризован как «визитная карточка» Омска, красивое культовое сооружение, часть историко-культурного наследия города. Респонденты называли возвышенным также Свято-Никольский Казачий собор (24, 3%), восстановленный в 2016 г. к 300-летию Омска Воскресенский собор, «гармоничный» Храм всех Святых (на Куйбышева, 75/1), Христорождественский собор (на Степанца, 5), Свято-Никола-Казанский собор (на Труда, 34) и др.

Среди учреждений культуры, описанных интересующей нас категорией, на первом месте стоят театры, на втором — музеи, на третьем — Омская филармония и орган зал, на четвертом — библиотеки и учебные заведения. Самым «возвышенным» респонденты считают Омский академический театр драмы (99, 35% в разделе), так как это — старейший театр Омска, вдохновляющий своим эстетическим внешним видом, красотой архитектурного замысла, историко-культурным наследием, являющийся, местом высокой культуры и духовности, местом культурного просвещения и духовного обогащения.

Возвышенными названы объекты и места центральной части Омска в целом (Омская крепость, Пожарная каланча, Тарские ворота), центральные улицы и площади города (в частности ул. Ленина и Любинский проспект, Соборная площадь), парки и скверы (Парк победы, Птичья гавань), а также мемориальные комплексы участникам Великой отечественной войны (в Парке Победы, «Вечный огонь» на Ленина и др.). Причинами выбора стали визуальная привлекательность и историко-культурная значимость.

В заключении отметим основные выводы, к которым мы пришли в ходе исследования. Современные горожане подобно французским эстетикам XIX в., воспринимают «возвышенное» как высшую степень прекрасного, определяя его как превосходное (лучшее и т.п.), идеальное, высокое, величественное, великолепное, и при этом «красивое» и «утонченное». В духе размышлений античной философии (в частности работ Псевдо-Лонгина), наши современники акцентируют внимание на такой характеристике «возвышенного», как некоторая отчужденность от мира обыденности, запредельность этому миру, величие, поднимающее человека в сферы божественного, определяя его как «запредельное», «божественное», «святое». Горожанам также свойственно отмечать, что «возвышенное» обладает особой силой воздействия. В определении категории «возвышенного» на первое место выходят сущностные характеристики, отражающие его особую соотношенность с духовным и материальным миром. Визуальная привлекательность и эмоции выступают в качестве дополнительных характеристик. Ключевыми в них становятся этические представления, чувства и, наконец, визуальная красота. Показательно, что «возвышенное» воспринимается нашими современниками как фактор оценки окружающих объектов и пространств, а эстетический аспект играет значимую роль в системе их ценностей

THE «SUBLIME» THROUGH THE EYES OF OUR CONTEMPORARIES: KEY MEANINGS AND NEW CONTENT

Yulia Gorelova,

PhD, Academic Secretary

Siberian Branch of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage
named after D.S. Likhachev, Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin,
Andrianova, 28, Omsk, Russia, 644077,
gorelovaj@mail.ru,

Petrenko Olga Vladimirovna,

PhD, Senior Researcher

Siberian Branch of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage
named after D.S. Likhachev, Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin,
Andrianova, 28, Omsk, Russia, 644077,
olgap26g12@mail.ru,

Gefner Olga Viktorovna,

PhD, senior researcher, associate professor,

Siberian Branch of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage
named after D.S. Likhachev, Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin,
Andrianova, 28, Omsk, Russia, 644077,
ovgefner@gmail.com

Abstract

The paper reveals the problem of modern understanding of the aesthetic category "sublime" in the context of different philosophical and aesthetic ideas of thinkers of the past and present. The article defines the basic semantic blocks, analyzes the dynamics of key meanings and substantial filling of the category. The author reveals the meanings of aesthetic values as cultural stereotypes of perception and evaluation of urban spaces.

Keywords

Aesthetic categories, sublime, ideals and values, perception of a modern city.

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

RAR
УДК 008
ББК 71.06
DOI 10.34685/NI.2022.39.4.005

НАГРАДНОЙ ПОРТСИГАР ОТ РЕВВОЕНСОВЕТА 12-ОЙ АРМИИ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ БИФУРКАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КУЛЬТУРЕ

Михайлов Ашраф Борисович,
основатель коллекции ООО «Янгиль-Арт»,
ул. старая Басманная, дом 34, Москва, Россия, 105066,
ORCID ID 0000-0001-6678-212X
Researcher ID GQY-6760-2022
yangilart@list.ru

Мостицкая Наталья Дмитриевна,
доктор культурологии, доцент, зав. аспирантурой
Государственный институт искусствознания,
пер. Козицкий, дом 5, Москва, Россия, 125375,
ORCID ID 0000-0001-8774-0375
Researcher ID ABD-2486-2020
mozt@rambler.ru

Аннотация

Авторы подробно изучают семантическую составляющую уникального артефакта - золотого наградного портсигара с изображением первого советского герба работы С.В. Чехонина, который был вручен Н.В. Лисовским и С.И. Араловым от Реввоенсовета 12 армии участнику освободительных боев за Киев С. Беккеру в 1920 году. Артефакт рассматривается как памятный знак-подарок в контексте становления наградной системы как элемента сакрализации новой идеологии. Новизна исследования заключается в акцентировании внимания на философско-религиозном аспекте рассмотрения наградной системы как репрезентации сакральной символики новой религиозности. Используя в качестве методологической модели концепции Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, А.В. Луначарского, Д.В. Пивоварова о религиозной сущности культуры, авторы приходят к выводу, о том, что в период Гражданской войны происходило становление

системы сакрализации рабоче-крестьянской идеологии как культовой идеи, которая впоследствии будет положена в основание культуры Советской России. Большинство артефактов, используемых в качестве наградных знаков, транслируют новую идеологию, что наиболее ярко представлено в семиотике наградного портсигара.

Ключевые слова

Портсигар, система сакрализации, репрезентант, бифуркационные изменения, духовная связь.

В условиях современных глобальных преобразований в мире тема бифуркационных изменений в культуре становится одной из самых актуальных и обсуждаемых не только в научно-исследовательской коммуникации¹, но и во многих СМИ, поскольку стремительные изменения политической и социокультурной ситуации требуют оперативного реагирования на новые «вызовы» истории. В этом контексте обращение к теме репрезентации исторического события продиктовано потребностью изучения опыта прошлых лет, получившего новое прочтение через призму современных трансформаций.

В истории человеческих сообществ яркими точками выделяются бифуркационные изменения, которые чаще всего связывают с революционными преобразованиями в государстве, социуме, когда происходит изменение в системе управления, во власти, формируются новые принципы иерархического устройства социальной системы и т.д. Так, в исследовании современного философа-культуролога Н.А. Хренова отмечено, что «смена культур развертывалась как бифуркация, т.е. взрыв, в результате которого произошло смешение разных тенденций и установок»². В период октябрьских событий большевики внедрили идею социалистически-коммунистической утопии в сознание массы, но на уровне массового сознания эта утопия

трансформировалась в религиозную³. И в этой ситуации революционного хаоса, интерес к которому очень высок в современной науке⁴, произошла серьезная трансформация семиотической системы культуры. И как следствие, возникла потребность в создании сакральных символов и артефактов, необходимых для трансформации сознания человека в рамках новой культуры, поскольку новые символы «религии большевиков» должны были повлиять на процесс формирования индивидуальной семиосферы человека⁵.

В такие периоды истории появляются неожиданные артефакты, репрезентирующие сам процесс поиска новых форм, символов, знаков, отражающих сущностные идеи, лежащие в основе революционных преобразований⁶. Именно такого рода артефакт и является предметом исследования в данной статье. Предполагается рассмотреть формы репрезентации базовых ценностей революционного периода в семантике портсигара.

Наградной портсигар, датированный 1920 годом, представляет собой образец наградной

1 Гагкуев Р.Г., Ганин А.В., Голдин В.И., Кондрашин В.В., Михайлов В.В., Пученков А.С. Гражданская война в России спустя столетие // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2020. № 4. С.5-37; Голдин В.И. На путях познания Гражданской войны в России: ключевые проблемы и историческая память / Новейшая история России. 2021. Т.11. № 2. С. 518-527.

2 Хренов Н.А. Визуальная коммуникация: культурологическое исследование. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. С.134

3 Бердяев, Н.А. Новое религиозное сознание и общественность / [Составление и комментарии В. В. Сапова]. М.: Канон+, 1999.

4 Mann, Steven R. (1997). The Reaction to Chaos. Complexity, Global Politics, and National Security. Washington: Edited by David S. Alberts and Thomas J. Czerwinski. National Defense University, D.C. C.62-69

5 Салихова Э.А., Мурсалимова Ю.Р. Коммуникативная актуальность фразеорефлексов в религиозной картине мира // Вестник славянских культур. 2021. №59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-aktualnost-frazeoreflektsov-v-religioznoy-kartine-mira> (дата обращения: 01.09.2022). С. 269.

6 Mostitskaya, N. (2020) Lockdown as a way to establish new cultural traditions in the context of the festive and the routine based on the Izoizolyacia facebook community. Proceedings of the 4th International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education "Advances in Social Science, Education and Humanities Research". 346-350.

системы, сложившейся в период революционных изменений в России в 1917–1922 годов. В исследованиях Запария В.В. и Шуняка Д.В. наградная система рассматривается как метод поощрения и управления или «высшая форма поощрения»⁷. То есть ценность награды определяется, прежде всего, посредством символики принадлежности к государственной общности, пассионарному ядру, близости к властным структурам. Более того, награда присуждается за единичный и яркий поступок или самоотверженный труд, который получает статус подвига и транслируется в качестве эталонного в целях укрепления общей идеологии. Человек через призму такого рода подвига идеализируется системой и становится новым «образцом», примером для подражания. При этом учтем замечание, высказанное В.М. Барановым в монографическом исследовании правовых форм поощрения о том, что поощрение призвано направить волю награжденного человека на выполнение общепольного для социума дела, поощрение также рассматривается как стимул (О.Ю. Кокурина) и, фактически, мотивирует на служение новой власти. Можно сказать, что через действие поощрения происходит одобрение жизненного вектора человека, который видит смысл своей деятельности в служении общей идее. Момент награждения фактически конструируется как своеобразная праздничная синергия, усиливающая значимость коллективных ценностей для всех участников торжественного события⁸. Поэтому особый интерес могут представлять визуализированные в артефакте формы репрезентации такого рода синергии, как своеобразного резонансного события, в котором выстраиваются духовные связи одаривающих и одариваемого. В трудах Н.А. Хренова указано, что праздничный ритуал выстраивается вокруг некоторого жертвоприношения⁹, в центре кото-

рого находится сакральный предмет или награда. На наш взгляд, такого рода праздник получает форму религиозного обряда, призванного создать общий коллективный дух, духовную связь участников события, по сути, его можно трактовать как политически-религиозное праздничное событие. Раскрывая понятие «сакральный» и «духовная связь», которыми предполагается оперировать в статье как методологически определяющими, обратимся к тексту Д.В. Пивоварова, В.И. Жуковского о концептах сакрализации¹⁰. Понятие «духовной связи» раскрывается в контексте определения религии, которая, по мнению исследователей, есть «восстановление духовной связи» с неким Абсолютным началом. При этом в качестве Абсолюта может выступать любой культ, в том числе культ избранного народа, культ избранного класса и т.д. В этом случае задачей культа становится создание целостной иерархической системы поклонения идеалообразующей идее или идеологии. Выбирая идеологию, управляющая группа людей выстраивает систему сакрализации, благодаря которой популяризуется данная идеология и становится определяющей для процесса создания культурных ценностей и всей системы государственных взаимодействий. «Система сакрализации» — это, по сути, технология, позволяющая распространять влияние идеологической парадигмы на весь социум, тем самым создавая систему управления социумом. Структура системы сакрализации описывается Пивоваровым Д.В. и Жуковским В.И. как пятиэлементная модель, где каждый элемент конструкции ориентирован на тот или иной вид чувственного восприятия человека. При этом все пять технологических элементов, воспринимаемые человеком одновременно в своеобразном резонансе, способны кардинально менять его ценностные ориентиры. В эту модель входят: текстовое изложение идеологии; символически-знаковое изображение базовых идей; эмоционально-художественное воплощение идей в произведениях искусства; примеры эталонных личностей, совершающих подвиг самоотречения ради этих идей, некоторая коллективная общность людей, исповедующих общую идеологию и празднично-ритуальные, соборные встречи, где проявляется единомыслие

7 Запарий В.В., Шуняков Д.В. Награды и наградная система: определения и характеристики // Бакунинские чтения. С.335. //URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/64199/1/ubich_2018_1_035.pdf

8 Смирнов, Е.А., Пигров К.С., Н.Л. Юдин К метафизике праздничности. М.: ЮНИТИ-ДАНА, ЭЛИТ, 2011.

9 Хренов Н.А. Праздничный ритуал как архетип переходной ситуации в истории/ в кн. Социальная психология зрелищного общения: теория и история. М. Издательство Юрайт, 2019. С. 217

10 Zhukovsky, Vladimir I., Pivovarov Daniil V.(2014) Concept of sacral and system of sacralization // Journal of SFU. Humanitarian sciences. . №7. 1216-1221

всех членов группы, исповедующих данную идеологию. Так, об отдельных элементах целостной системы как части единого ритуала также говорит и В. Тернер¹¹, фактически подтверждая идею создания сложно составного обряда, трансформирующего ценности человека. В структуре этой модели наградная система представляет собой систему знаков, необходимых для построения нового социального культа. В России этот культ был связан с рабоче-крестьянским классом, а значит и идея свободы, труда, революционной одержимости (в период революции) должна была, так или иначе, отразиться в наградных предметах. Обозначив в названии статьи понятие «бифуркации», мы, таким образом, указываем на гипотезу, полагая, что в переломные исторические эпохи наиболее очевидным становится процесс сакрализации новых ценностей, осуществляемый путем проб и ошибок.

Запарий В.В. и Шуняков Д.В. отмечают, что предметы, выполняющие функцию награды, приспособлены «для публичной демонстрации»¹². Это замечание подтверждает наш тезис о том, что награда является сакральным знаком, указанием на торжественное событие политического праздника¹³, а соответственно данный знак должен быть активным, т.е. включенным в повседневную культуру¹⁴.

Церемониал награждения, сопутствующий формированию новых ценностей и новых героев напоминает сакральное таинство, поскольку он строго ритуализирован и максимально тор-

жественен¹⁵. При этом в современной практике присуждения государственных наград сформирован целый институт, обеспечивающий документальную процедуру, прописывающую все этапы подачи документов для награды и финальное удостоверение, сопутствующее награждённому знаку. Не случайно многие исследователи (Гончаров А.И., Трофимов Е.В., Демин А.Л., Смыслов О.С.) сходятся во мнении, что наградная система это деятельность «уполномоченных органов публичной власти по учреждению и применению наград»¹⁶. В революционный период, конечно, такой формализации еще не существовало, поскольку шел процесс становления новой государственности, чем и ценны стихийные формы наград, которые репрезентируют динамику формирования базовых ценностей культуры и становления новой духовной общности.

В послереволюционный период, когда ещё не сложилась единая наградная система Советского государства, за особые заслуги перед Родиной герои в виде поощрения получали оружие, ценные вещи и предметы личного пользования. Самыми популярными подарками было оружие, деньги, но также и зафиксирован случай, когда боец был поощрен штанами (этот реальный случай экранизирован в фильме «Офицеры»). Не менее популярной формой награды были портсигары с неременной дарственной надписью (документально подтверждены факты награждения портсигарами Николаем II особо активных работников). В основе практики поощрения также была идея «памятного подарка», при этом, как пишет американский исследователь Марк Фортни, в памяти сохранится именно то, что связано с воображением и другими памятными событиями, а, следовательно, награждение за определенное событие усилит значимость подарка для человека и станет частью его памяти и индивидуальной семиосферы. Более того, такое «интеллектуальное

11 Turner, Victor W. (1975) *Dramas, fields, and metaphors: symbolic action in human society*. Ithaca N.Y.: Cornell University Press.

12 Запарий В.В., Шуняков Д.В. Награды и наградная система: определения и характеристики // Бакунинские чтения. С. 336 // URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/64199/1/ubich_2018_1_035.pdf

13 Лаврикова, И.Н. Политический праздник: культурно-философская интерпретация. Научная монография. Saarbrücken, Germany: LAP, 2012.

14 Курбатов В. П., Верещагина И. М. Значение праздничной символики // Концепт. 2015. № 05 (май). С.91-95. // URL: <http://e-kon-sept.ru/2015/15147.htm>; Привалова В.М. Ритуалы культуры как процесс знаково-символической инициации сознания // Известия Самарского центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. т.19, № 4, С. 104-112.

15 Щедрина О.М. Модель семиотико-аффективной сакрализации в свете концепций Ю. М. Лотмана и С. Н. Зенкина // Скиф. 2019. №7 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-semiotiko-afektivnoy-sakralizatsii-v-svete-kontseptsii-yu-m-lotmana-i-s-n-zenkina> (дата обращения: 01.09.2022).

16 Запарий В.В., Шуняков Д.В. Награды и наградная система: определения и характеристики // Бакунинские чтения С. 340. // URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/64199/1/ubich_2018_1_035.pdf

восприятие»¹⁷ позволяет через взаимодействие с артефактом погружаться в хронотоп события, меняя для себя ход времени¹⁸. Согласно А. Геннепу, такое мифологическое время можно назвать «обрядом перехода»¹⁹, или праздничным хронотопом, на который указывает символика наградного предмета.

Рассуждая о том, почему именно портсигар становится знаком отличия в период формирования наградной системы, рассмотрим данный предмет в контексте архаических традиций. Функционал портсигара предполагает хранение сигарет, сигар, предназначенных для, казалось бы, бытового «перекура», но, в то же время, истоки этой практики содержатся в древнейших религиозных ритуалах. Никотин, как основное содержимое табака, стимулируя нервную систему, вызывает эйфорию. Применение наркотических средств распространено в языческих архаических религиозных ритуалах для усиления коммуникативной синергии, объединения людей, способствующее укреплению духовной связи с некоторым условным Абсолютом как нематериальной сущностью. В данном случае правомерно рассматривать процесс курения как сакральный ритуал «трубка мира», стимулирующий духовное сближение курящих собеседников, сокращение коммуникативной дистанции между ними, и как следствие появление ощущения социального единства, сплоченности. Практики «воскурения» ароматических веществ известны и в христианской традиции, в частности одним из первых даров младенцу Христу преподнесли ладан. Восточные маги-волхвы в своем даре ладан соотносили с символом Первосвященства, в то время как золото символизировало дар Царю, а смирна (масло) — дар смертному Человеку²⁰. Для поколения

революционеров, воспитанных в христианской системе образования, в рамках которой изучение Библии было обязательно, данная знаковая символика была хорошо знакома. Любопытно, что в представленном нами портсигаре совмещена символика золота и аромата (запах никотина), т. е. символическая отсылка к статусам царя и священника. Конечно, здесь предлагается рассмотреть эту тему исключительно как гипотезу о заимствовании символических коннотаций, поскольку в обширной литературе, посвященной наградной системе данная тема не встречается. Но, фактически, золотой портсигар, является репрезентантом высокого государственного статуса владельца, свидетельствует о его принадлежности к малому кругу избранных — своеобразной «жреческой касте» новой государственности.

В 1920 году портсигар был вручен начальнику управления формирования 12-ой армии Семену Ивановичу Беккеру от имени Реввоенсовета 12-ой армии за блестяще проведенную военную операцию в Киеве. Этому предшествовали с 2017 года события острых конфликтов в борьбе за власть и изменение национально-государственного устройства между различными политическими, национальными и социальными группами. А в мае 1920 года РККА готовилась к проведению Киевской операции, целью которой было уничтожение главных сил Войска Польского. В ходе боевых действий советско-польской войны особенно сильно отличилась 12-ая армия. Она вела операцию в населенных пунктах Мозырь, Овруч, Коростень и Белокоровичи. Во время Киевской операции 12-ая армия сначала форсировала Днепр, а затем заняла Киев и Коростень. События завершились установлением советской власти и образованием Украинской ССР на большей части территории современной Украины.

Несомненно, взятие Киева было бифуркационным переходом в ситуации ведения военных действий, направленных на создание новой государственности. Поэтому надпись на портсигаре, представляет собой важный исторический документ, репрезентирующий наиболее значимые моменты истории Советского государства. Во внутренней части портсигара имеется гравировка в виде личных (!) подписей члена Реввоенсовета 12-ой армии С. И. Аралова, командарма Н. В. Лисовского и выполнена дарственная надпись: «Научпроформу XII тов. Беккеру за умелое формирование и пополнение частей армии

17 Fortney, Mark (2022) Evans on intellectual attention and memory demonstratives. *Analytic Philosophy*, Volume 63, Issue 2, С. 118. //https://doi.org/10.1111/phib.12222 (дата обращения: 30.08.2022)

18 Kristie, Miller, James, Norton (2021) If Time Can Pass, Time Can Pass at Different Rates. *Analytic Philosophy*, Volume 62, Issue 1 p. i-iv, 21-32

19 19.Gennep, Arnold van (1961) *The Rites of Passage*. Chicago: University of Chicago Press. С.15

20 Байбурова Р.М. Современное прочтение рождественского вертепа // *Художественная культура*. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-prochtenie-rozhdestvenskogo-vertepa>

в самые серьезные моменты переживания фронта от Реввоенсовета XII» (Илл. 1.).

Илл. 1. Золотой портсигар, 1910 г.

В первые годы Советской власти Реввоенсовет являлся высшим коллегиальным органом управления Вооружёнными силами РСФСР и СССР, объединившим в себе функции Высшего военного совета и Наркомвоенмора. Именно Реввоенсовет руководил боевыми действиями на всех фронтах, устанавливал и изменял структуры органов военного руководства и утверждал важнейшие документы, связанные с развитием Вооружённых сил. На портсигаре присутствует гравировка личных подписей военачальников — членов реввоенсовета, которые фактически входили в состав малой группы людей — первых лиц государства, от которых зависели серьезные решения и стратегические перспективы существования Советской государственности.

О военачальниках С.И. Аралове и Н.В. Лисовском подробный рассказ был представлен в газете «Слово» 11 и 13 выпуск за 2021 год журналистом-историком Никитой Сидоровым. Семён Иванович Аралов — выдающийся советский военный и государственный деятель, который имел опыт и в русской императорской армии. Родился Семён Иванович 30 декабря 1880 года в разорившейся купеческой семье, в возрасте 25-и лет был отправлен на русско-японскую войну, позднее активно

участвовал в жизни РСДРП. С началом Первой мировой войны был призван в армию, получив должность командира. Уже в 1915 году Аралов получил свой первый орден Российской Империи. В 1918 году Семён Иванович Аралов присоединился к красногвардейцам и в этом же году возглавил Регистрационное управление Полевого штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии — орган, ставший предшественником Главного разведывательного управления Генерального штаба вооружённых сил Российской Федерации — ГРУ.

Впоследствии Аралов рекомендовался на пост члена Реввоенсовета 12-ой армии, которая на момент его прибытия фактически существовала лишь на бумаге. С этого момента Аралов — непосредственный участник Гражданской войны на Украине, внёсший значимую роль в успех Киевской операции.

Николай Васильевич Лисовский, чья подпись также на гравировке портсигара, личность не менее выдающаяся. Советский военачальник, один из красных командармов Гражданской войны, родился он в семье священника, родителей потерял рано, сначала шёл по стопам отца, но отказался от сана священника и в 1905 году стал юнкером Виленского пехотного училища, начав свою армейскую карьеру. Будучи очень способным учеником, лучшим в своём выпуске Николай Васильевич был произведен в офицерский чин подпоручика указом государя-императора Николая II. Во время Первой мировой войны Лисовский воевал в должностях командира роты и батальона, старшего адъютанта штаба дивизии, а затем возглавил штаб 101-ой пехотной дивизии. С февраля 1918 года Николай Васильевич Лисовский служил в Красной армии. Во время советско-польской войны 1920 года он возглавлял штаб 3-й армии Западного фронта, участвовавшей в знаменитом походе войск Западного фронта Тухачевского на Варшаву. Во время Киевской операции командовал войсками 12-ой армии, за что Николая Васильевича очень ценили его соратники Семён Иванович Аралов и Михаил Васильевич Фрунзе, так как войска не только смогли взять Киев, но и заставили отступить польских интервентов.

Семен Иванович Беккер — советский военачальник, дивинтендант, родился в декабре 1894 года в еврейской семье. Во время Первой мировой войны, в 1914 году, был призван в Русскую Императорскую армию. В октябре 1917 года вступил

в ВКП(б), а в 1918 добровольно пошел в Красную армию. В ходе Гражданской войны Семён Иванович проявил себя, выполняя функции начальника команды разведчиков 1-ого Интернационального батальона, командира роты и батальона, коменданта города Клинцы, начальника экспедиционного отряда 12-ой армии, коменданта города Гадяч и уезда. В 1920-ом году он комендант Киева, начальник отряда частей особого назначения, командир сводной бригады Управления формирований 12-ой армии, комендант города Конотопа и уезда, начальник Управления формирований 12-ой армии. Именно за успехи в формировании 12-ой армии и впоследствии блестяще проведенную Киевскую операцию Семён Иванович Беккер и был награжден золотым портсигаром.

Своеобразная «сакральность» портсигара проявилась и в том, что на его крышку поместили изображение первого герба молодого Советского государства (единственный на сегодняшний момент сохранившийся экземпляр) (Илл. 2.).

Илл. 2. Золотой портсигар, 1910 г.

Серп и молот на фоне красного щита, обрамлённого золотыми колосьями: изображение этого варианта герба было разработано Сергеем Васильевичем Чехониным — известным художником, разделявшим большевицкие взгляды и способным передать через символику дух и идеи молодого государства. Эксперт по культурным ценностям, уполномоченный Министерством культуры,

член Геральдического совета при Президенте РФ Левин С.С., проводя экспертизу предмета, отметил, что «образец герба РСФСР 1918–1920 гг., помещённый на портсигаре киевской работы и врученный начальнику управления формирований XII армии С. И. Беккеру от имени Реввоенсовета XII армии 21 ноября 1920 г., представляет собой уникальный источник для изучения первого герба Советской России 1918–1920 гг.».

Символика серпа и молота непосредственно свидетельствует о зарождающейся сакральной знаковой системы, отражающей идею избранности рабоче-крестьянского класса, культивируемую Советской властью.

Но есть и еще важный момент, который раскрывает нюансы процесса формирования сакральной символики. Сам портсигар был предположительно выполнен в 1910-х годах лучшими киевскими ювелирами рубежа XIX-XX веков. Поверхность портсигара имитирует золотой самородок, декорированный вставками драгоценных камней. (Илл. 3.)

Илл. 3. Золотой портсигар, 1910 г.

По мнению российского эксперта ювелирных предметов искусства, старшего научного сотрудника музеев Кремля — Т.Н. Мунтян, этот предмет создан мастером, по уровню искусности превосходящего творения мастерской гениального Фаберже. Следовательно, здесь речь идет о предмете, который был изначально выполнен

для очень состоятельных персон, относящихся к элите Имперской России, а поэтому он и был выбран членами Реввоенсовета как основа для создания новой знаковой системы, которая свидетельствовала о победе новой идеологии. Таким образом, символическая репрезентация победы Советской армии над армией Царской России и союзников нашла место и в выборе предмета, который изначально свидетельствовал об избранности и богатстве приближенной к власти персоны, теперь становится знаком победителя в борьбе с империей.

Резюмируя основные тезисы, отметим, что представленный в статье наградной портсигар является уникальным предметом искусства, имеющим историческое и мемориальное значение. Именно в бифуркационный период истории очевидной становится технология сакрализации новой знаковой системы Советской государственности, которая впоследствии стала основанием для формирования наградной системы. Поиск новых знаков отчетливо можно наблюдать на выборе предметов, используемых в качестве подарков, наград и поощрений. А данный золотой портсигар помимо «сакральности», а, как следствие и «легитимности» новой власти еще репрезентирует идею элитарности новой «касты» управленцев, новых героев и эталонных личностей, своей жизнью демонстрирующих принципы новой ценностной системы (культово-религиозной рабоче-крестьянской), новой социальной синергии, которая была положена в основу построения Советской культуры.

Список использованной литературы

1. Gennep, Arnold van (1961) *The Rites of Passage*. Chicago: University of Chicago Press.
2. Turner, Victor W. (1975) *Dramas, fields, and metaphors : symbolic action in human society*. Ithaca N.Y.: Cornell University Press .
3. Zhukovsky, Vladimir I., Pivovarov Daniil V.(2014) Concept of sacral and system of sacralization // *Journal of SFU. Humanitarian sciences*. . №7. 1216–1221
4. Бердяев, Н.А. Новое религиозное сознание и общественность/ [Составление и комментарии В. В. Сапова]. М.: Канон+, 1999.
5. Запарий В.В., Шуняков Д.В. Награды и наградная система: определения и характеристики//Бакунинские чтения. С.333- 345// URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/64199/1/ubich_2018_1_035.pdf
6. Привалова В.М. Ритуалы культуры как процесс знаково-символической инициации сознания//Известия Самарского центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. т.19, № 4, С. 104–112
7. Смирнов, Е.А., Пигров К.С., Н.Л. Юдин К метафизике праздничности. М.: ЮНИТИ-ДАНА, ЭЛИТ, 2011.
8. Хренов Н.А. Визуальная коммуникация: культурологическое исследование. М.; СПб.: Центр гуманитарный инициатив, 2019.
9. Хренов Н.А. Праздничный ритуал как архетип переходной ситуации в истории/ в кн. Социальная психология зрелищного общения: теория и история. М. Издательство Юрайт, 2019.
10. Щедрина О.М. Модель семиотико-аффективной сакрализации в свете концепций Ю.М. Лотмана и С.Н. Зенкина // Скиф. 2019. №7 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-semiotiko-affektivnoy-sakralizatsii-v-svete-kontseptsiy-yu-m-lotmana-i-s-n-zenkina> (дата обращения: 01.09.2022).

12TH ARMY REVVOENSOVIET AWARD CIGARETTE CASE AS AN EXAMPLE OF BIFURCATIONAL CHANGES IN CULTURE

Mikhailov Ashraf Borisovich,

Founder of the Yangil Art collection,
St. Staraya Basmannaya, 34, Moscow, Russia, 105066,
ORCID ID 0000-0001-6678-212X
Researcher ID GQY-6760-2022
yangilart@list.ru

Mostitskaya Natalya Dmitrievna,

DSc, Associate Professor, Head. Postgraduate
Federal State-Financed Scientific Institution
«State Institute for Art Studies», per. Kozitsky, house 5, Moscow, Russia, 125375,
ORCID ID 0000-0001-8774-0375
Researcher ID ABD-2486-2020
mozt@rambler.ru

Abstract

The authors are studying in detail the semantic component of a unique artifact - a golden premium cigarette case with the image of the first Soviet coat of arms, work of Sergei V. Chekhonin, which was awarded to Nikolai V. Lisovsky and Semen I. Aralov by the Revolutionary Military Council of the 12th Army to S. Becker, a participant in the liberation battles for Kyiv in 1920. The artifact is being looked at as a memorable sign-gift in the context of the formation of the reward system as an element of the sacralization of the new ideology. The novelty of the study lies in the focus on the philosophical and religious aspect when investigating the reward system as a representation of the sacred symbolism of the new religiosity. Using the concepts of Nikolai A. Berdyaev, Sergei N. Bulgakov, Anatoly V. Lunacharsky, Daniil V. Pivovarov, about the religious essence of culture as a methodological model, the authors arrive at the conclusion that during the period of the Civil War, the formation of a system of sacralization of the worker-peasant ideology as a cult idea was taking place, which would later be laid at the foundation of the culture of Soviet Russia. Most of the artifacts used as the signal of rewarding convey a new ideology, which is most clearly manifested in the semiotics of a premium cigarette case.

Keywords

Cigarette case, sacralization system, representative, bifurcation changes, spiritual connection.

RAR

УДК 93/94

ББК 63.4

DOI 10.34685/NI.2022.39.4.006

ТРЁХЧАСТНЫЕ КОМПОЗИЦИИ С ОЛЕНЯМИ И ДРЕВОМ ЖИЗНИ

Дударев Сергей Леонидович

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Кубани,
Почетный работник сферы образования РФ,
г. Армавир, Россия, 352900,
dudarev51@mail.ru

Керцева Галина Николаевна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института истории и археологии РСО-Алания,
gal.volnaya@yandex.ru

Аннотация

Анализируется культовый предмет начала раннежелезного века, найденный в пос. Мостовском Краснодарского края, состоящий из железной пластины с композицией из бронзовых фигур, отражающей древнюю картину мира обитателей северо-западных предгорий Северного Кавказа

Ключевые слова

Раннежелезный век, картина мира, древо жизни, космогония.

В пос. Мостовском Краснодарского края местными жителями была случайно обнаружена железная пластина длиной приблизительно 30 см. Она не дошла до нас в сохранности и разломана на три части. Ее левая часть имеет ручку, с помощью которой предмет переносился. К пластине, по-видимому, прилиты объёмные бронзовые фигурки двух оленей: самки и самца, между которыми расположены две очковидные двойные спирали, закреплённые с помощью бронзовых скоб (Илл.1.). У животных схожая стилизация. У самца по сторонам от головы изображены ветвистые рога, направленные вперёд. Они не дошли до нас полностью. Правый рог отломан, но сохранился и присутствует на фото. Левый также отломан и утрачен, но сохранились его нижние ответвления. Концы рогов заострены. У самки изображены торчащие вверх заострённые уши подтреугольной формы. Длинные морды обоих

оленей направлены вперёд, у самца морда слегка закруглена на конце. У обоих животных изображён короткий горизонтально торчащий хвостик. У самки шея прямая расположена вертикально, у самца она выгнута вперёд.

Животные и спирали изготовлены из круглого в сечении бронзового прута, но расплюсченного в области рогов и скакательного сустава

Илл.1. Зооморфная композиция с оленями из пос. Мостовского.

задних ног. Прут начинается с головы животного и заканчивается заострённым хвостом, он дважды зигзагообразно изогнут в области перехода головы в шею, а потом шеи в туловище. Отдельно к пруту, изображающему голову и туловище животного прикреплены из других прутов ноги животного, а также уши у самки и рога у самца. Двойные спирали также скручивались из бронзового прута.

Подобная горизонтальная композиция с оленями оригинальна. Зато в Грузии в погребении № 357 Жинвальского могильника (III в. н.э.) известна бронзовая фибула в виде фигурки оленя¹ (Илл.2.), где присутствуют все элементы рассмотренной нами композиции. Она представлена в нашей статье с двух сторон, как она дана в разновременных публикациях грузинских коллег². Кроме того, данная фигурка оленя стилистически близка изображениям из пос. Мостовской. Однако моделировка у фигурки рельефная. У оленя заострённые уши, выделены, острые окончания веточек рогов, выделен скакательный сустав. К фибуле прикреплены две цепочки, на концах которых находятся очевидные подвески. В данной связи, на наш взгляд, находка из пос. Мостовского представляет предмет вторичного использования. Представленные на железном пруте бронзовые фигурки оленей и очковидные сдвоенные спирали могли быть взяты из частей бронзовых фибул и использованы для изготовления рассматриваемой композиции.

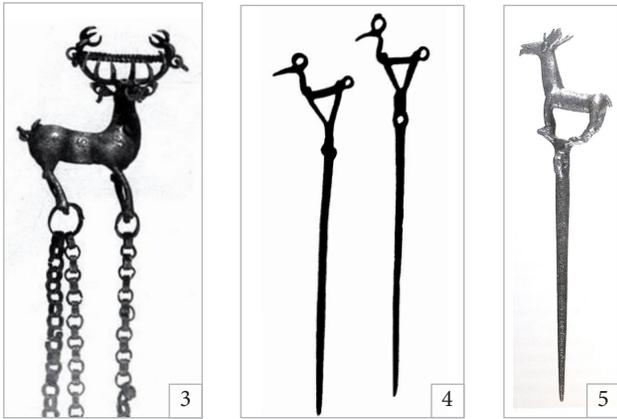
Бронзовая фибула-брошь с изображением оленя известна из погр. 199 (конец III — начало IV в. н.э.) могильника в Душети³ (Илл.3.). Олень повернут направо; голова рога повернуты анфас. В то время как шея туловище и ноги в профиль. Фигура животного очень пластично смоделирована, голова несколько схематизирована.

Илл.2. Бронзовая фибула из Жинвальского могильника: а. По Рамишвили Р.М., и др., 1982; б. По Georgien..., 2001.

- 1 Рамишвили Р.М., Рчеулишвили Г.Г., Маргвелашвили М.Г., Чихладзе В.В., Глonti М.Г., Циклаури Д.К., Робакидзе Ц.Ш., Циклаури И.Д., Церетели К.Б., Чиковани Г.Ч. Основные результаты работ Жинвальской археологической экспедиции // Полевые археологические исследования в 1980 году (краткие сообщения). Тбилиси, 1982. С.52-57. Табл.LXXXIII,8.
- 2 Georgien. Schätze aus dem Land des Goldenen Vlies. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum Bochum 2001. S.447.
- 3 Georgien. Schätze aus dem Land des Goldenen Vlies. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum Bochum 2001. Taf.431.

К удлиненной морде прикреплено кольцо. Рога разделены на семь отростков с обеих сторон; две половины рогов соединены между собой перемычкой. На концах этой перемычки были прикреплены двойные цепочки, одна из которых сохранилась. Живот и задние бедра украшены солнечными символами. Обратная часть обработана чисто; корпус выдолблен. Сзади к задней ножке прикреплен крючок в качестве держателя для иглы сделанный из железа, он находится на вытянутой вверх задней ноге. На кольцах,

Илл. 3. Бронзовая фибула-брошь с изображением оленя из погр. 199 могильника в Душети.

Илл.4. Булавки с изображениями козлов из Боржоми.

Илл.5. Булавка с изображением оленя из могильника Рвели.

прикреплённых к передней и задней ногам, висят бронзовые цепи, одна на передней и две на задней; они заканчиваются тонкими листовыми подвесками. Эта фигура по своей конструкции соответствует фибуле, которую носили в качестве нагрудного украшения. Подобные броши можно найти только в Восточной Грузии в горах и предгорьях, в верхних долинах Алазани, Лори (армянская область, граничащая с Грузией), Арагви и Ксани. Они характерны для материальной культуры того времени, которое непосредственно предшествовало введению христианства в Грузии. С христианизацией Грузии около 330 года н.э. этот вид мелкой пластики перестаёт существовать.

Фигурки копытных животных, выполненные из бронзового круглого в сечении прута, известны в Грузии начиная с XV в. до н.э. Например, бронзовые фигурки копытных на булавках: козлов из Боржоми (Илл.4.) или оленя из долины Боржоми (могильник у с. Рвели (погр.9) (Шида Картли) (Илл.5.)⁴.

Аналогичные фигурки животных, в том числе и оленей мы встречаем в святилище Шилда 2 половины II тысячелетия до н.э. (Илл.6.) вблизи городища Нелкари (Кварельский район)⁵,

в Мцхете⁶. Для таких фигурок животных характерна цилиндрическая моделировка туловища, которая сложилась на территории Ближнего Востока и Закавказья в эпоху бронзы. Мы часто видим такие изображения животных в луристанском искусстве, в кобанской культуре. С изображением из пос. Мостовского эти фигурки роднит способ цилиндрической моделировки туловища, выгнутая вперёд шея.

Илл.6. Фигурки оленей из святилища Шилда.

В Грузии профильные фигурки оленей достаточно часто встречаются на подвесках из цепочек. Например, такие подвески мы видим в кладе середины VIII — VII в. до н.э. в с. Чабарухи недалеко от Пасанаури (Восточная Грузия) (Илл.7.), на правом берегу реки Арагви⁷. Здесь же была найдена очковидная спираль из бронзы⁸. Цепь состоит из продолговатых колец. Четыре схематические фигуры оленей, которые в значительной степени соответствуют друг другу⁹. Самые ранние параллели с этими фигурами оленей можно найти на могильном поле Самтавро; поэтому их также называют "оленьями типа Самтавро". Аналогичные фигурки встречаются в районе Шида Картли и Пасанаури, но также и в так называемом Казбекском кладе¹⁰.

4 Там же. S.304. №155; S. 303. №154.

5 Майсурадзе В.Г., Панцхава Л.Н. Святилище Шилда. Тбилиси, 1984. (на груз. яз.). С.109. Табл. XXI-XXIII.

6 Мцхета. Итоги археологических исследований. Т.П. Тбилиси, 1978. Рис.109, 261.

7 Schätze aus dem Land des Goldenen Vlies. Ausstellungskatalog des Deutschen Bergbau-Museums Bochum. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2001.S.121.

8 Там же. Taf. 113. Kat. № 226.

9 Там же. Taf. 111. Kat. №227.

10 Tallgren A.M. Caucasian monuments. The Kasbek Treasure. — ESA, vol. 5. Fig.30, 33; Кол. Комарова. Фотоархив ИИМК.

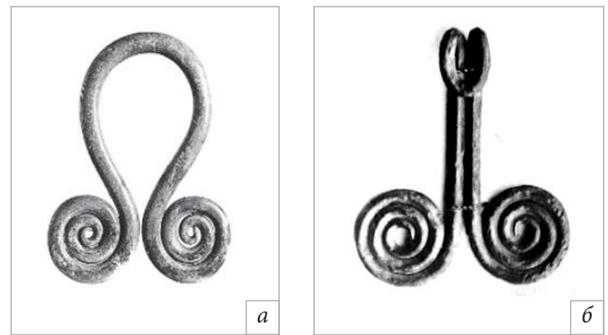
Илл.7. Бронзовая цепь с подвесками в виде оленей из Чабарухи.

Если обратиться к семантике изображений оленя, то согласно зафиксированным в Грузии материалам, владыка, или ангел зверей представляется в образе самки оленя белого цвета или с белым пятном на лбу, необычного размера, со светящимися рогами, перевитыми или вывернутыми рогами, пятнистой шкурой. Это животное сторожит стадо и если охотник не сможет отличить его от других животных и убьёт его, то гибель охотника неминуема. У грузин Дали как хозяйка зверей, их пастырь появляется в образе белого оленя или лани. Она связана с культом плодородия. Сын Дали является солярным символом. Рыжеволосость Дали также связывает её с солнечными культами. В Сванетии существовал ритуал, посвящённый Дали как утренней звезде. На рассвете охотник произносил молитву: «Слава тебе, утренняя звезда. Слава Дали, Афсату слава»¹¹.

Беря образ оленя шире, обратим внимание на то, что в верованиях древних кавказцев олень воплощал образ солнечного божества, его рога символизировали священное древо жизни. Это животное было связано с культом плодородия, земледелия, а также являлось символом воды преисподней, так и воды дождевой. Иными сло-

вами, олень имел космическое, солярное, небесное, а также хтоническое значение¹².

Поэтому не случайно сочетание фигурки оленя с солярными символами в виде двойной спирали, которые в археологической литературе получили название «очковидные привески» Они хорошо известны в эпоху поздней бронзы — раннего железа как в Закавказье, в частности в Грузии в могильниках Шида Картли и Имеретии (Илл.8, а, б.), в том числе на южном склоне гор Центрального Кавказа, так и на Северном Кавказе, особенно в памятниках кобанской культуры (Глийский, Верхне-Кобанский¹³, Сержень-Юртовский¹⁴, и др. могильники).

Илл.8. Очковидная спираль из бронзы: а. Шида Картли (по Schätze aus dem Land...)¹⁵; б. Имеретия (Кол. Комарова)¹⁶

К.Х. Кушнарева прослеживала мотив двойной спирали в ювелирном искусстве Шумера, которое оказало сильное воздействие на более поздние культуры Передней Азии и Кавказа. Данный мотив встречается на Южном Кавказе,

11 Вирсаладзе Е.В. Грузинский охотничий миф и поэзия. М., 1976. С. 33, 113, 102, 132-133.

12 Кривицкий В.В. Религиозные представления населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы и раннего железа по памятникам прикладного искусства. Санкт-Петербург, 2012. С.41.

13 Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М., 1977. С.148, рис.105.; Он же. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-пресс, 2002. 512 с.

14 Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант//САИ В2-5. М., 1982. С.160, табл. XXIV, 32-34; Она же. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996. С.23, рис.7, 12.

15 Schätze aus dem Land..., рис. 113. Kat. Nr , 226.

16 Имеретия (Кол. Комарова). Фотоархив ИИМК.Q.505.28.

Илл.9. Великентский сосуд IV—III тыс. до н.э.

где он известен как в наскальных изображениях, так и на крупных глиняных сосудах, а также на культовых очагах (Шенгавит, Караз, Кикети, Амиранис-гора, Кюль-тепе и др.). Позднее двойная спираль с петлей посередине, которая на древнем Востоке была бесспорным культовым символом и встречается на многих украшениях (серьги, подвески, диадемы), получает широкое распространение на всей территории Кавказа Их эквивалентом могут являться сдвоенные концентрические окружности на великентских сосудах IV—III тыс. до н.э. (Илл.9.). Такие спирали известны в Закавказье в памятниках VIII—VII вв. до н.э. (Ахтала, Маралын-дереси и др.). Исследователи еще во второй половине XX в. обратили внимание на то, что двуспиральные фигуры помещались на некоторых восточногрузинских мечах эпохи поздней бронзы — раннего железного века, что должно было придать им сверхъестественную силу¹⁷. Этот факт хорошо подтвердился в обобщающих трудах К.Н. Пицхелаури, который опубликовал серию данных мечей¹⁸. В свое время Н.Е. Урушадзе высказала мнение, что спираль является одной из производных от знака солнца, огня с унаследованным принципом движения.

Мотив двойной спирали известен также на навершиях каменных колон из древнего Двина (Илл.10.), поясных пряжках середины I тыс. до н.э.

Илл.10. Навершие колонны. Двин.

Илл.11. Внутренний срединный столб аварского дома.

с территории Центрального Кавказа (Гори) (Илл.12.). Он выявлен и в этнографическом материале — например, на внутренних срединных столбах старого аварского дома (Илл.11.), женских аварских украшениях (Илл.13.) и др.¹⁹ М.Г. Гаджиев высказался в пользу того, что мы имеем дело, возможно, с идеограммами, оберегами, а центральную фигуру этих композиций «можно интерпретировать и как древо жизни, и как антропо- или зооморфное существо»²⁰. Р.Г. Магомедов полагает, что композиция из двойных спиралей связана с идеей

17 Кушнарева К.Х. Древнейшие памятники Двина. Ереван, 1977. С.90-91.

18 Picchelauri K. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien// Arcaologie in Eurasien. Band 4. 1997. Taf. 45, 601,605-607; 46, 611-617, 619-620.

19 Кривицкий В.В. Указ. соч. С.30.

20 Гаджиев М.Г. К изучению искусства ранних земледельцев Дагестана // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала, 1990. С.22.

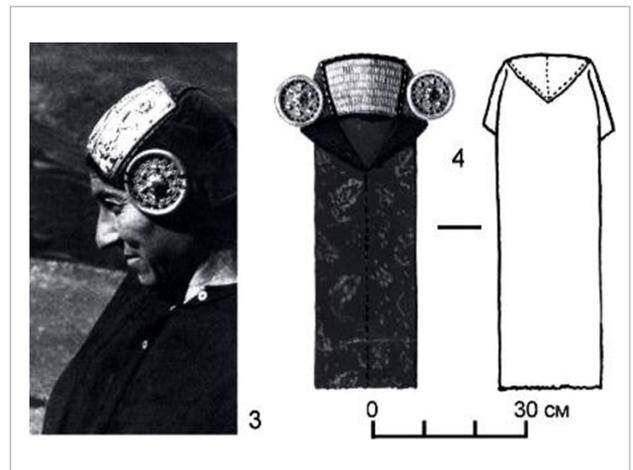

Илл.12. Пряжка середины I тысячелетия до н.э. Музей Гори.

«древа жизни»²¹. Такая композиция воплотилась и в головном уборе древнего населения Дагестана. Бронзовые двухлопастные подвески в 1,5 оборота были характерны на Северо-Восточном Кавказе для памятников гинчинской культуры эпохи средней бронзы²². Данные подвески, пришивались к головному убору, поскольку их невозможно носить в ушах. Позднее подобный головной убор сохранился в материалах Бежтинского могильника VIII—X вв. Аналогичная идея двойных подвесок существует в традиционном головном уборе чохто, по сторонам — два диска в виде чеканных из серебра розеток», которые «могли представлять собой двоичный символ богини»²³. Этот головной убор сохранялся до 30-х гг. XX в. у аваро-андоцезских народов, традиционно проживавших в труднодоступных высокогорных районах и сохранивших архаичный пласт материальной и духовной культуры (Илл.14.).

Илл.13. Аварка в традиционном головном уборе.

Илл.14. Чохто с круглыми пластинчатыми привесками (по М.Д. Сагитовой).

21 Магомедов Р.Г. О сосудах со знаками в системе трехчастных композиций великентской культуры // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20-25 апреля 2020 г. / отв. ред. М.С. Гаджиев. Махачкала, 2020. С.122.

22 Сагитова М.Д. Чохто: этнографический и археологический аспекты изучения // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23-28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012. С.374.

23 Голан А. Миф и символ. М., 1993. Рис. 364,1.

Таким образом, мы видим примеры создания трёхчленной горизонтальной композиции. В центре может находиться «столб», «дерево», «божество», а по бокам круглые элементы: волюты на колонах, концентрические окружности или спирали на поясных пряжках или головных уборах.

Симметричная композиция с двумя оленями, направленными к центру известна на золотой диадеме из кургана Хохлач (Илл.15.). В центре, над женским бюстом, возвышалось древо жизни с фигурками оленей по сторонам. Далее с двух сторон симметрично располагались ещё по два дерева со стоящими перед ними горным козлом и оленем, замыкали композицию деревья, по одному на каждом конце. Сохранились

Илл.15. Курган Хохлач. Золотая диадема.

только центральная сцена и часть фриза с правой стороны²⁴.

На Кавказе с его древними традициями такая композиция сохраняется в традиционном женском костюме и элементах традиционного жилища довольно долго²⁵.

Предполагаем, что рассмотренная композиция из пос. Мостовского, относится к кругу горнокавказских культур начала эпохи раннего железа, поскольку изображения оленей весьма схематичны, что придает им архаический вид, в отличие от более реалистичных фигурок оленей середины I тысячелетия до н.э. — начала I тысячелетия н.э. Предмет, на наш взгляд, отражает образ вселенной, древнюю «картину мира» в представлениях обитателей северо-западных предгорий Северного Кавказа, в центре которой находились древо жизни, мировое древо (его эквивалентом во многих мифологиях была мировая гора), структурировавшее и связывавшее мироздание, и божества в образе оленей, олицетворявшие космические силы и подателей земных благ. Предмет с данной композицией, возможно, использовался при культовых церемониях, празднествах, и был переносным (наличие боковой ручки), что предполагало его употребление

вне того сакрального пространства, в котором он мог содержаться постоянно.

Список использованной литературы

1. Вирсаладзе Е.В. Грузинский охотничий миф и поэзия. М., 1976. 360 с.
2. Гаджиев М.Г. К изучению искусства ранних земледельцев Дагестана // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала, 1990. С. 11–29.
3. Голан А. Миф и символ. М., 1993. 375 с.
4. Засецкая И.П. Магия золотой диадемы из кургана Хохлач. СПб., 2015. 64 с.
5. Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ В2–5. М., 1982.
6. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.
7. Кривицкий В.В. Религиозные представления населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы и раннего железа по памятникам прикладного искусства. Санкт-Петербург, 2012.
8. Кушнарева К.Х. Древнейшие памятники Двина. Ереван, 1977.
9. Магомедов Р.Г. О сосудах со знаками в системе трехчастных композиций великентской культуры // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20–25 апреля 2020 г. / отв. ред. М.С. Гаджиев. Махачкала, 2020. С.122.
10. Майсурадзе В.Г., Панцхава Л.Н. Святилище Шилда. Тбилиси, 1984. (на груз. яз.). 115 с.
11. Мцхета. Итоги археологических исследований. Т. II. Тбилиси, 1978. 115 с.
12. Рамишвили Р.М., Рчеулишвили Г.Г., Маргвелашвили М.Г., Чихладзе В.В., Глonti М.Г., Циклаури Д.К., Робакидзе Ц.Ш., Циклаури И.Д., Церетели К.Б., Чиковани Г.Ч. Основные результаты работ Жинвальской археологической экспедиции // Полевые археологические исследования в 1980 году (краткие сообщения). Тбилиси, 1982. С.52–57.
13. Сагитова М.Д. Чохто: этнографический и археологический аспекты изучения // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Круп-

24 Засецкая И.П. Магия золотой диадемы из кургана Хохлач. СПб., 2015. С.11–12. ил. 5; 6 а.

25 Благодарим М.Д. Сагитову за информацию об этнографических и археологических параллелях, связанных с древом жизни.

новские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012. С.374.

14. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М., 1977.

15. Техов Б.В. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-пресс, 2002. 512 с.

16. Georgien. Schätze aus dem Land des Goldenen Vlies. Bochum: Deutsches Bergbaumuseum Bochum 2001. 472 p.

17. Picchelaury K. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien//Arcaologie in Eurasien. Band 4. 1997. 87 s., 116 taf.

18. Schätze aus dem Land des Goldenen Vlies. Ausstellungskatalog des Deutschen Bergbaumuseums Bochum. Bochum: Deutsches Bergbaumuseum, 2001. 476 s.

19. Tallgren A.M. Caucasian monuments. The Kasbek Treasure. — ESA. 1930, vol. 5.

20. Кол. Комарова. Фотоархив ИИМК.

THREE-PART COMPOSITIONS WITH DEER AND TREE OF LIFE

Dudarev Sergey Leonidovich,

DSc, professor, honored worker Sciences of the Kuban, Honorary Worker spheres of education of the Russian Federation, Armavir, Russia, 352900?
dudarev51@mail.ru

Kertseva Galina Nikolaevna,

PhD, Senior Researcher Institute of History and Archeology North Ossetia-Alania,
gal.volnaya@yandex.ru

Abstract

The authors analyze the cult object of the early Iron Age, accidentally found in the village Mostovsky, Krasnodar Territory, and consisting of an iron plate with a composition of bronze figures - deer - male and female, and two spectacle-shaped double spirals, reflecting the image of the universe, the ancient "picture of the world", with the tree of life, the world tree in the center of it, which structured and connected the universe, and deities in the form of deer, personifying cosmic forces and givers of earthly blessings in the views of the inhabitants of the northwestern foothills of the North Caucasus.

Keywords

The beginning of the early Iron Age, the picture of the world, the tree of life, cosmic forces.

RAR

УДК 930.85

ББК 63.2

DOI 10.34685/NI.2022.39.4.007

ИССЛЕДОВАНИЕ БУМАГИ ПАРТЕСНЫХ СБОРНИКОВ XVII—XVIII ВЕКОВ НА ПРИМЕРЕ РУКОПИСЕЙ СИНОДАЛЬНОГО УЧИЛИЩА ЦЕРКОВНОГО ПЕНИЯ*

Александрина Александра Валентиновна,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Отдела рукописей
и старопечатных книг ГИМ,
Красная пл., д.1, Москва, Россия, 109012,
aleksandraalexandrina@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена партесным сборникам XVII—XVIII вв. Синодального училища церковного пения, которые вошли в одну из крупнейших музыкальных коллекций рукописей — Синодальное певческое собрание, хранящееся в Отделе рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея (ГИМ). Несмотря на то, что партес, как явление музыкальной культуры Руси XVII—XVIII вв., нередко становится предметом исследований, вопрос датировки подобных сборников остается малоизученным. Исследование водяных знаков — филиграней бумаги позволило автору сделать вывод, что многие сборники этого времени являются конволютами, составленными из произведений, записанных в разное время, изначально существовавших как отдельные единицы, и лишь спустя несколько десятилетий собранных под одним переплетом.

Ключевые слова

Синодальное училище церковного пения, С.В. Смоленский, Синодальное певческое собрание ГИМ, партесные концерты, сборник-конволют, филиграния.

Синодальное училище церковного пения — уникальное учреждение России XIX—XX вв., выросшее из четырехклассного духовно-учебного заведения в первую в России высшую школу церковно-певческого искусства. История Синодального училища и Синодального хора подробно освещена в первых двух томах серии «Русская духовная музыка в документах

и материалах»¹. В них приведены исследова-

1 Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. I. Синодальный хор и училище церковного пения: Воспоминания. Дневники. Письма. / Гос. ин-т искусствознания; Гос. центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки; Сост. вступит. ст. и коммент. С. Г. Зверевой, А. А. Наумова, М. П. Рахмановой. М.: Языки славянской культуры, 1998. 688 с., 30 илл.

* Статья подготовлена в рамках исследования, выполняемого при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 19-012-00174\19 Русская духовная музыка эпохи барокко: инципитный каталог).

ния по истории Синодального училища и хора, опубликована подборка статей, посвященных их деятельности, архивные материалы, дневники, воспоминания и мемуары людей, непосредственно связанных с училищем и хором. Во втором томе серии рассказана история уникальной певческой библиотеки или древлехранилища училища², начало которой положил выдающийся русский ученый-медиевист, дирижер и педагог, директор училища с 1889 по 1901 г. Степан Васильевич Смоленский. За 12 лет своего пребывания во главе Синодального училища С.В. Смоленский собрал превосходную библиотеку крюковых и нотных рукописей, насчитывающую более 1100 номеров. Первоначально библиотека создавалась для училищного курса изучения истории русского церковного пения³. Однако значение ее вышло далеко за рамки учебного курса. Сам Смоленский, привлекая своих учеников и единомышленников, вел огромную исследовательскую работу, описывал и каталогизировал рукописи собрания. Благодаря собранному певческому рукописям, при директорстве Смоленского училище стало центром научных исследований русского церковного пения. После ухода С.В. Смоленского с поста директора училища, библиотека продолжала пополняться ценными нотными и крюковыми материалами и привлекать внимание ученых вплоть до закрытия училища в 1918 г.

В марте 1922 года большинство рукописей нотной библиотеки поступило в Государственный исторический музей, образовав одно из круп-

нейших в стране музыкальных собраний — Синодальное певческое собрание. На сегодняшний день в собрании находится более двух с половиной тысяч единиц хранения, которые представляют собой крюковые рукописи различных распевов XV—XIX вв. (в том числе старообрядческие) и партии многоголосных сборников, содержащие от 3-х до 48-и голосов, с партесными концертами и «службами Божиими» композиторов XVII—XVIII вв. (В. Титова, Н. Дилецкого и многих других), а также хоровыми гармонизациями древних распевов. Интерес ученых и музыкантов к рукописям бывшего Синодального училища церковного пения не ослабевает и в настоящее время Синодальное певческое собрание продолжает служить источником многочисленных исследовательских работ⁴.

Древние крюковые рукописи сохранились во многих собраниях крупнейших архивов России (РГБ, РНБ, ГИМ, БАН и др.). Их исследуют музыковеды, историки-медиевисты и филологи; музыканты-практики исполняют расшифрованные и восстановленные песнопения в концертах и на конференциях. Синодальное певческое собрание ГИМ уникально тем, что наряду со средневековыми крюковыми рукописями оно включает в себя крупнейшее в России собрание многоголосных гармонизаций различных распевов и сборников партесных концертов и служб XVII — XVIII вв., большинство из которых представляют собой комплекты, состоящие из отдельно переплетенных партий.

На сегодняшний день Синодальное певческое собрание содержит более 80 комплектов партий с партесными концертами и «службами Божиими». Изучая сохранившиеся партии сборников, современные ученые восстанавливают партитуры концертов, открывают неизвестные произведения выдающихся русских авторов XVII—XVIII вв., выявляют новые имена композиторов, раскрывают традиции крупнейших певческих центров России, ре-

(вклейки после страницы 416 и в конце книги). Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. II. Синодальный хор и училище церковного пения: Исследования. Документы. Периодика. Кн. 1. / Гос. ин-т искусствознания; Гос. центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки; Сост. вступит. ст. и коммент. С. Г. Зверевой, А. А. Наумова, М. П. Рахмановой. М.: Языки славянской культуры, 2002. 680 с.

2 Во вступительной статье С. Г. Зверевой раскрывается история певческой библиотеки училища и даются ссылки на документы, посвященные ее формированию. См.: Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. II... С. 277-284.

3 Смоленский С. В. О собрании русских древнепевческих рукописей в Московском Синодальном училище церковного пения: Краткое предварительное сообщение // Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. II... С. 219.

4 Об историческом и современном значении певческого собрания Синодального училища см.: Заболотная Н. В. Певческие рукописи в Синодальных и Епархиальных собраниях Государственного исторического музея // Музыкальная археография—2013: Сборник статей (Материалы международной научно-практической конференции). М: РАМ им. Гнесиных, 2013. С. 149–161.

пертуары различных хоров, временные рамки распространения партеса. Рассмотрение всех этих аспектов невозможно без изучения времени создания сборников, однако этот вопрос остается малоизученным. Для наиболее верного определения времени написания партесных сборников необходимо тщательно исследовать палеографические особенности рукописей, в частности бумагу, на которой записан каждый концерт или служба. О необходимости пристального внимания к бумаге, а точнее к ее водяным знакам — филиграням для датировки рукописей писал еще в XIX в. выдающийся ученый-историк Н. П. Лихачев в своем монументальном труде «Палеографическое значение бумажных водяных знаков»⁵. Более полувека назад С. А. Клепиков предложил методику использования водяных знаков в недатированных рукописях и печатных книгах⁶, однако, как сетовала Т. В. Дианова, вплоть до конца XX века лишь «единичные специалисты» уделяют изучению филиграней свое время⁷.

В современных музыковедческих работах датировки партесных сборников основываются в основном на упоминании имен царствующих особ в текстах концертов, на записях, присутствующих на листах рукописей и переплетах, либо на составе сборников, в частности на включении концертов композиторов того или иного времени⁸. Это нередко вводит исследователей в заблуждение при датировке всего сборника. Как показало наше исследование, многие партесные рукописи XVII — XVIII вв. представляют собой не единовременно выполненные сборники, а конволюты, составленные из произведений, записанных на отдельных листах или тетрадях в разное время и позднее собранных под одним перепле-

том. Этот факт помог, в частности, структурировать списки различных авторских концертов, которые переписывались и помещались в партесные сборники в течение многих десятилетий. Музыкальный анализ этих произведений показал, что нередко с течением времени они приобретали значительные разночтения в списках, а следовательно, для нахождения наиболее достоверных и близких к авторскому вариантам текстов, необходимо установить наиболее ранние из сохранившихся копий⁹.

В коллекции Синодального певческого собрания ГИМ стиль партесного многоголосия представлен в рукописях 2 пол. XVII — кон. XVIII вв. Самый ранний сборник, хранящийся в собрании, датируется 1660-ми гг. (№ 114/1–3), самый поздний — 1780–1790-ми гг. (№ 248/1–6). Многие сборники представляют собой конволюты с разницей времени написания отдельных концертов в несколько десятков лет. Как правило, такие сборники составлялись в сер. — 2 пол. XVIII в., а концерты, объединенные в них, могли быть записаны в 1-й пол. XVIII в. и даже в кон. XVII в. Ярким примером такого сборника-конволюта является № 360/1–8, составленный в сер. XVIII в., содержащий 8- и 6-голосные произведения, большинство из которых были записаны в 1720-е годы с включением служб, записанных в 1700-е и в 1710-е гг., и дополненный стихирами и славниками Дванадцатых праздников в сер. XVIII в. уже после составления и переплетения партий¹⁰.

Семнадцатый век представлен в Синодаль-

5 Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб, 1899. Ч. 1–3.

6 Клепиков С. А. Использование филиграней с недатированными рукописными и печатными книгами XIII–XVI веков // Советские архивы. М., 1968. № 6. С. 50–57.

7 Дианова Филиграния XVII века по старопечатным книгам Украины и Литвы: Каталог/ Сост.: Т. В. Дианова. М., 1993. С. 3.

8 См., напр.: Плотникова Н. Ю. Певческая культура Великого Новгорода (по материалам партесных рукописей XVIII века) // Новгородский исторический сборник. Вып. 13 (23). Великий Новгород, 2013. С. 343.

9 См.: Александрина А. В., Булычева А. В. Концерты Василия Титова Дванадцатым праздникам: сверхцикл русского барокко // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. Вып. 36. — М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2019. — С. 112–130. Александрина А. В., Булычева А. В. Многохорные причастные стихи в партесном стиле: творения Василия Титова, иеродьякона Исавра и неизвестных авторов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. Вып. 37. — М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2020. — С. 81–99.

10 Александрина А. В. Особенности формирования партесных сборников конца XVII — середины XVIII веков // Библиотекосведение. М., 2021. № 3. С. 279–288.

ном певческом собрании четырьмя сборниками: № 110/1–7, 114/1–3, 1417/1–4, 1428 и отдельными концертами, записанными в посл. четв. XVII века, включенными в сборники-конволюты. Также в собрании есть несколько сборников рубежа XVII—XVIII вв.

Все сборники XVII — нач. XVIII вв. написаны на привозной, в основном голландской бумаге, сюжеты филиграней которой характерны для русских рукописей этого времени. Это «Герб Амстердама» нескольких композиционных разновидностей с различными контрамарками, «Голова шута с 7-зубцовым воротником», также с различными контрамарками, «Герб Семь провинций» с литерами и контрамарками. Наибольшее количество (почти два десятка) различных филиграней встречается в сборнике-конволюте 2 пол. XVII в., переплетенном в конце того же века (№ 1417/1–4), бытовавшем в Москве, о чем говорит запись в партии дисканта: «Книга Марьяинского попа Григорья что в Стретенском монастыре» (№ 1417/1, л. 1). Помимо перечисленных выше сюжетов бумажных знаков в нем встречаются: «Лилия» / «Перевязь в гербовом щите» с подвеской «WR»; «Агнец» в гербовом щите под короной // «PI»; несколько вариантов знака «Голова шута с 5-зубцовым воротником». Бумага, использованная для написания этого сборника, имеет датировку с разницей производства около 40 лет, следовательно, возникает предположение, что перед нами конволют. Изучение смены почерков внутри сборника подтверждает эту версию. Однако даже если разница времени производства бумаги, использованной в сборнике не столь велика, не исключена вероятность того, что сборник является конволютом. Так, в сборнике рубежа XVII — XVIII вв. № 712/1–7 «Служба Божия на 8 голосов» Симеона Пекалицкого и «Служба Божия Препорциальная» Николая Дилецкого написаны на бумаге первого десятилетия XVIII в. (2 вида знака «Герб Амстердама»), а службы, концерты и причастны на Пасху Василия Титова написаны на бумаге кон. XVII в. (водяные знаки — «Герб Амстердама» нескольких видов и «герб Семь провинций»). Несмотря на близость датировок разных знаков бумаги сборника, он также является конволютом. На это указывают разные почерки, которыми написаны произведения Титова, Пекалицкого и Дилецкого, а также различная бумага, используемая для их написания. Кроме

того, загрязненность начальных листов служб Дилецкого и Титова внутри сборника характерна для листов, которые в отсутствии переплета исполняли роль обложки. Вероятно, изначально партесные сочинения, включенные в № 712/1–7, существовали в виде отдельных тетрадей-книжиц без переплета. Этот сборник принадлежал Новгородскому Архиерейскому дому¹¹. Он был собран под один переплет только в сер. XVIII в., на что указывает водяной знак защитных листов: «БКС» / «Герб Сиверса» (сходный: *Участкина*, № 116–1752 г.). Исследование бумаги партесных рукописей Синодального певческого собрания показало, что подобные сборники были характерны для Новгородского архиерейского дома (см., напр., № 360/1–8, № 710/1–11, № 712/1–7 и др.). Все они были собраны и переплетены в сер. — 3 четв. XVIII в., а содержащиеся в них концерты композиторов Титова, Дилецкого и др., были записаны в конце XVII — начале XVIII вв., что говорит о популярности этих произведений на протяжении многих десятилетий в Новгородском архиерейском доме. Помета, сделанная одним из певчих на защитном листе партии первого тенора (№ 712/4) указывает на то, что эти сочинения исполнялись в данном певческом центре вплоть до начала XIX века: «Тенор первой поет сего голоса певчей Егор Иванов Салтыков с 1795-го года до 1802 года месяца генваря 31 дня». Дальнейшее изучение водяных знаков бумаги партесных сборников поможет раскрыть особенности репертуара различных певческих центров XVIII — XIX вв., и пролить свет на историю составления подобных рукописей-конволютов.

Преобладающий сюжет водяного знака партесных сборников первых двух десятилетий XVIII в. из Синодального певческого собрания — «Герб Амстердама». Этот очень популярный знак XVIII в. встречается во множестве разновидностей с различными литерами под знаком и контрамарками, при этом, в большинстве случаев, в каждом комплекте партий, как и в XVII в., используются свои, не повторяющиеся в других комплектах варианты знаков. В каждом сборнике этого времени в среднем находится 5–7 вариантов

11 Плотникова Н. Ю. Певческая культура Великого Новгорода (по материалам партесных рукописей XVIII века) // Новгородский исторический сборник. Вып. 13 (23). Великий Новгород, 2013. С. 335–347.

знака «Герб Амстердама». Реже встречается бумага со знаком «Герб Семь провинций» и «Голова шута с 7-зубцовым воротником». Многие сборники 1700–1720-х гг., также, как и более ранние сборники, переплетены в сер. — 3 четв. XVIII в. В основном это рукописи Новгородского архиерейского дома, но встречаются подобные сборники иных певческих центров. Например, сборник 4-голосных партесных сочинений нач. XVIII в. № 860/1–3¹², переплетенный в середине века, принадлежал Ярославскому кафедральному Успенскому собору, о чем имеется запись на первых защитных листах каждой партии.

Начиная с 1730-х гг. в певческих сборниках, наряду с привозной бумагой эпизодически появляется бумага русских фабрик, которая к середине XVIII в. полностью ее вытесняет. Первая русская бумага, использованная в партесных сборниках Синодального певческого собрания — это бумага фабрики Турунтаевского¹³ (Вологодская губерния) в рукописи, поступившей из Вологды; бумага фабрик И.М. Полуярославцева и В.М. Короткого¹⁴ (Московская губерния), и Тимофея Филатова

Карамышева¹⁵ (Калужская губерния) в рукописях, поступивших из Ярославского кафедрального Успенского собора. В дальнейшем последняя фабрика переходит во владение Афанасия Гончарова¹⁶. К середине XVIII в. наиболее часто встречающаяся бумага в партесных сборниках принадлежит Ярославской Большой мануфактуре Затрапезновых и Яковлевых и углическим фабрикам Переяславцевых, а также фабрике Гончарова. Бумага фабрики Турунтаевского встречается в единственной рукописи с партесным многоголосием из Синодального певческого собрания 1730-х гг. Эта рукопись поступила в Синодальное училище в дар от Е.И. Мякишева из Вологды и представляет собой партию Баса из сборника «Служб Божиих» и концертов на 3 голоса. В партесных рукописях 1730-х гг. других регионов России водяные знаки этой фабрики не встречаются. Согласно исследованиям В. А. Есиповой, бумага фабрики Турунтаевского в это время была распространена на севере России и активно использовалась в Сибири¹⁷. Таким образом, исходя из сведений о поступлении сборника № 425 из Вологды и опираясь на исследование бумаги, можно сделать предположение о его северном происхождении. Возможно, две оставшиеся партии сборника также сохранились, но находятся в других архивах страны (как, например, произошло с партиями сборника 4-голосных сочинений, три из которых хранятся в Москве, а одна в Санкт-Петербурге: ГИМ № 860/1–3 и РНБ, Q I 503) и, в случае обнаружения аналогичных по содержанию партий, использование идентичной бумаги будет подтверждением их существования как единого сборника. Дальнейшее нахождение и изучение рукописей, написанных на бумаге этой фабрики, поможет также выявить

12 Четвертая партия сборника хранится в Отделе рукописей РНБ, под шифром Q I 503. Водяные знаки бумаги, оформление и содержание рукописи аналогичны рукописям из Синодального певческого собрания. Сборник датируется нач. XVIII в., переплетен в сер. XVIII в. Филигранные: 1) «Герб Семь провинций» // «CDG» (сходный: Churchill, № 118 – 1707, в альбоме / «А»), нет контрамарки); 2) «Герб Амстердама» // «CS» (близкий: Дианова, «Герб Амстердама», № 1336 – 1709 г.); 3) «Герб Амстердама» / «IB» (лигатура) // «IB» (сходный: Дианова, «Герб Амстердама», № 369 – 1701, 1702 гг.); 4) «Герб Амстердама» / «IB» (близкий: Дианова, «Герб Амстердама», № 379 – 1707 г.); 5) «Герб Амстердама» / «CVH (лигатура)» // «I VILLEDARY» (сходный: Churchill, № 41 – 1706 г., в альбоме // «I UILLEDARY»); 6) переплетные листы: «Герб Ярославской губернии» (тип 3) // «ЯӨЗ» (большая форма) (Клепиков I, № 786 – 1748 г., сходный: Участкина, № 21 – 1747 г.).

13 Син. певч. № 425. Филигрань: «РФ» (лигатура) // «ФТ» (лигатура) «ИШ» (лигатура) (сходный: Клепиков II, № 706 – 1735, 1737 гг.).

14 Син. певч. № 1257/1-8. Филигранные: «РФ» (лигатура в орнаментальном картуше) // «I MD (лигатура)» (сходный: Клепиков I, № 264 – 1735 г. и сходный: Участкина, № 494 – 1738 г., № 541 – 1738 г.); «К РФ(лигатура) К» в круге // «Георгий Победоносец» в круге (сходный: Участкина, № 227 – 1730 г. и сходный Тромонин, № 448 – 1731 г.).

15 Син. певч. № 861/1-2. Филигрань: «РӨ» (в картуше под двуглавым орлом) // «ТФ» (в картуше под 4-лепестковым цветком) (сходный: Клепиков, I, № 537 – 1728–1734 гг. и сходный: Участкина, № 562 – 1730 г.).

16 Кукушкина М.В. Филигранные на бумаге русских фабрик XVIII – нач. XIX вв. (Обзор собрания П.А. Картавова) // Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела БАН. Выпуск II, XIX – XX века. М.–Л., 1958 г. С. 296–297.

17 Есипова В.А. Бумага сибирских делопроизводственных документов XVIII в.: Материалы для датировки // Археологический ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 64–78.

репертуар партесного многоголосия русского севера и Сибири 1730-х гг.

В 1760–1780-х гг. бумага Вологодской фабрики Турунтаевских встречается в нескольких сборниках Синодального певческого собрания с партесным многоголосием. Необходимо отметить, что большинство из них также бытовало в северных регионах России. Это: № 88/1–8 (конволют XVIII в.) и № 428/1–7 (1772 г.) из Верховажского Успенского собора Архангелогородской губернии, № 705/1–8 (1780-е гг.) «Череповского собора», № 469/1–8 (конволют 1750–1770-х гг., со вставкой 1710-х гг.) из Макариево-Унженского монастыря Костромской губернии и № 714/1–4 (1760–1770-х гг.) без сведений о месте бытования. Основная же часть партесных рукописей сер. — 2 пол. XVIII в. написана на бумаге, произведенной в центральных регионах России. На большей части бумаги в виде водяного знака помещены либо год выделки бумаги, либо литеры, обозначающие инициалы владельца или местонахождение фабрики, либо, согласно указу Елизаветы Петровны 1744 г. и последующим указам Екатерины II, все эти сведения¹⁸.

Наибольшее количество партесных сборников Синодального певческого собрания датируется 1750–1770-е гг. Большинство из них содержит несколько видов бумаги. Независимо от места происхождения и бытования рукописей, основным поставщиком бумаги для их написания являлась Ярославская Большая мануфактура. При этом, в отличие от более ранних рукописей, собранных из отдельных тетрадей и, как правило, имеющих общий водяной знак в различных партиях для записи одного и того же концерта или службы¹⁹, в рукописях втор. пол. XVIII в. отсутствует закономерность в расположении бумаги внутри сборника. Например, в 12-голосном комплекте Служб Божиих и концертов, принадлежащих Костромскому Ипатьевскому монастырю (№ 1318/1–12), использовано несколько видов бумаги местного производства: 1) «Герб Ярославской губернии» (тип 3) // «ЯМСЯ» (Клепиков I, № 771–1765 г. и сходный: *Участкина*, № 26–1765–1777 гг.); 2) «Герб Ярославской губернии» // «ЯМАЗ» (средняя форма)

(*Кукушкина*, № 93–1761–1763 гг. и № 94–1762 г.); 3) «РФД» // «З» [лилия (пятилепестковая)] (близкий: *Участкина*, № 189–1778 г., сходный: *Клепиков*, I, № 493 — [втор. пол. XVIII в.]); 4) «Герб Ярославской губернии» (тип 5) // «ЯМСЯ» (*Клепиков*, I, № 773 — [1779 г.], сходный: *Участкина*, № 31–1784 г.); 6) «ЯМ» // «СЯ» (*Клепиков*, I, № 766–1764, 1774 гг.). При этом в одной партии встретился только 1-й знак, в другой 1-й и 4-й, в третьей 1-й, 2-й, 3-й и 4-й, в четвертой только 6-й и т.д. Однако, иногда в сборнике, можно обнаружить концерт или службу, записанную на бумаге с повторяющимся в различных партиях знаком, который больше в сборнике не встречается и отличается по времени производства от остальной бумаги сборника. Как правило, это служит сигналом, что это сборник-конволют с включением произведения, записанного ранее (или позднее). Так, № 716/1–7 представляет собой сборник-конволют 8-голосных сочинений кон. XVII в. и сер. XVIII в.: службы № 1, 2 во всех партиях написаны на идентичной бумаге кон. XVII в. с филигранью «Голова шута с 7-мизубцовым воротником» // «IDM» (сходный: *Дианова* «Голова шута», № 327–1689, 1691–1693 гг.); службы № 3, 4, «погребение на 8 голосов» и «концерты на 8 голосов» имеют несколько видов бумаги сер. XVIII в. со знаками: 1) «ГУБР» // «ФСМП» (малая форма) (*Клепиков I*, № 218–1749, 1754 гг. и сходный: *Участкина*, № 317–1749 г.); 2) «Pro Patria» / «АГБ» (вместо льва) // [вензель Гончарова] (*Клепиков I*, № 24–1749 г. и сходный: *Участкина*, № 693, 694–1756 г.); 3) «Герб Ярославской губернии» (тип 3) // «ЯМАЗ» (большая форма) (*Клепиков I*, № 749–1756 г.); 4) «СК» // «1748 ГОДУ» (сходный: *Участкина*, № 406–1750 г.); 5) «Р/Ф» (лигатура в орнаментальном картуше) // «ВЕ» (близкий: *Лихачев*, № 3591–1747 г.; сходный: *Участкина*, № 535–1749 г.); 6) «Герб Ярославской губернии» (тип 3) // «ЯМЗ» (большая форма) (близкий: *Клепиков II*, № 1070–1756 г. и сходный: *Участкина*, № 24–1757 г.); и, наконец, концерт «Хвалите Господа со небес...» написан на бумаге рубежа XVII — XVIII вв. со знаками «Герб Амстердама» // «СРГ» (сходный: *Дианова* «Герб Амстердама», № 126в — 1697–1700 гг.) и «Голова шута с 7-зубцовым воротником» / «СВН» (лигатура) // «I VILLE-DARY» (сходный: *Дианова* «Голова шута», № 355–1694, 1696–1699 гг.). Такую же ситуацию можно увидеть и в сборниках, в которых использована близкая по времени производства бумага. Так, № 330/1–6 представляет собой Сборник 6-голосных

18 Кукушкина М.В. Филигранные на бумаге русских фабрик XVIII – нач. XIX вв... С. 288 – 290.

19 Эта особенность сборников 1 пол. XVIII в. подробно рассмотрена автором в работе «Особенности формирования партесных сборников конца XVII – середины XVIII веков».

Илл. 1. ГИМ, Синодальное певческое собрание № 716/4. Сборник-конволют 8-голосных сочинений конца XVII в. и середины XVIII в. Партия Дисканта 2. л. 4 об.-5.

Илл. 2. ГИМ, Синодальное певческое собрание № 716/4. Сборник-конволют 8-голосных сочинений конца XVII в. и середины XVIII в. Партия Дисканта 2. 17 об.-18.

концертов, записанных на различной бумаге 1760-х гг. Филигрani: 1) «Pro Patria» // «ЯЕ» (вензель) (сходный: Лихачев, № 3572–1764 г.); 2) «ЯМ» // «АЗ» (Клепиков I, № 747–1760, 1762, 1765–1766 гг.); 3) «Герб Ярославской губернии» (тип 3) // «ЯМАЗ» (средняя форма) (Кукушкина, № 93–1761–1763 гг. и № 94–1762 г.); 4) «Герб Ярославской губернии» (тип 3) // «ЯМСЯ» (Клепиков I, № 771–1765 г.). И лишь концерт № 17 «Всинебснаго таинства проповедателя Филиппа...» во всех партиях записан на более ранней бумаге, которая больше в сборнике не встречается: «ГУБР» // «ФСМП» (малая форма) (сходный: Участкина, № 317–1749 г.). Таким образом, сборник № 330/1–6, как и сборник № 716/1–7 (см. выше) является конволютом. (Илл. 1, 2.)

В заключении этого краткого обзора хочется еще раз отметить важность исследования водяных знаков партесных сборников XVII — XVIII вв. для наиболее точной датировки каждого записанного в них концерта или службы, для определения самых ранних, а значит и наиболее близких к авторским замыслам списков произведений, для выявления места бытования сборников, репертуара различных певческих центров, а также для лучшего понимания профессиональных интересов певчих прошлого.

Список использованной литературы

1. Александрина А.В. Особенности формирования партесных сборников конца XVII — середины XVIII веков // Библиотекосведение. М., 2021. № 3. С. 279–288.

2. Александрина А.В., Булычева А.В. Концерты Василия Титова Дванадцатым праздникам: сверхцикл русского барокко // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. Вып. 36. — М., 2019. С. 112–130.

3. Александрина А.В., Булычева А.В. Многохорные причастные стихи в партесном стиле: творения Василия Титова, иеродьякона Исавра и неизвестных авторов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. Вып. 37. — М., 2020. С. 81–99.

4. Дианова Т.В. Филигрani XVII века по старопечатным книгам Украины и Литвы: Каталог/Сост.: Т.В. Дианова. М., 1993. 192 с.

5. Есипова В.А. Бумага сибирских делопроизводственных документов XVIII в.: Материалы для датировки // Археографический ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 64–78.

6. Заболотная Н.В. Певческие рукописи в Синодальных и Епархиальных собраниях Государственного исторического музея // Музыкальная археография–2013: Сборник статей (Материалы международной научно-практической конференции). М., 2013. 312 с., ил. С. 149–161.

7. Клепиков С.А. Использование филиграней с недатированными рукописными и печатными книгами XIII–XVI веков // Советские архивы. М., 1968. № 6. С. 50–57.

8. Кукушкина М.В. Филигрani на бумаге русских фабрик XVIII — нач. XIX вв. (Обзор собрания П.А. Картавова) // Исторический очерк и об-

зор фондов рукописного отдела БАН. Выпуск II, XIX — XX века. М.—Л., 1958 г. С. 285–371.

9. Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб, 1899. Ч. 1–3.

10. Плотникова Н.Ю. Певческая культура Великого Новгорода (по материалам партесных рукописей XVIII века) // Новгородский исторический сборник. Вып. 13 (23). Великий Новгород, 2013. С. 335–347.

11. Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. I. Синодальный хор и училище церковного пения: Воспоминания. Дневники. Письма. М., 1998. 688 с., 30 илл. (вклейки после страницы 416 и в конце книги).

12. Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. II. Синодальный хор и училище церковного пения: Исследования. Документы. Периодика. Кн. 1. М., 2002. 680 с.

13. Смоленский С. В. О собрании русских древнепевческих рукописей в Московском Синодальном училище церковного пения: Краткое предварительное сообщение // Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. II. Синодальный хор и училище церковного пения: Исследования. Документы. Периодика. Кн. 1. М., 2002. С. 218–258.

Альбомы филигрanei

1. Дианова «Герб Амстердама» — Дианова Т.В. Филигрanei XVII — XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998;

2. Дианова «Голова шута» — Дианова Т.В. Филигрanei XVII — XVIII вв. «Голова шута»: Каталог. М. 1997;

3. Клепиков I — Клепиков С.А. Филигрanei и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII — XX веков. М., 1959;

4. Клепиков II — Клепиков С.А. Филигрanei на бумаге русского производства XVIII — нач. XX века. М., 1978;

5. Кукушкина — Кукушкина М.В. Филигрanei на бумаге русских фабрик XVIII — нач. XIX вв. (Обзор собрания П.А. Картавова) // Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела БАН. Выпуск II, XIX — XX века. М.—Л., 1958 г. С. 285–371.

6. Лихачёв — Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1–3.

7. Тромонин — Тромонин К. Знаки писчей бумаги: Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать когда написаны или напечатаны какия либо книги, грамматы, рисунки, картинки и другия старинныя и нестаринныя дела, на которых не означено годов. Собрал и издал Корнилий Тромонин. М., 1844. Альбом издан С.А. Клепиковым: Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia. Hilversum, 1965. Ch. XI;

8. Учаскина — Uchastkina Z.V. A History of Russian hand paper-mills and their watermarks// Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia. Hilversum. 1962. Ch. IX;

9. Churchill — Churchill W.A. Watermarks in paper in Holland, England, France etc. in the XVII and XVIII centuries and their interconnection. Amsterdam, 1935.

STUDY OF THE PAPER OF THE PARTES COLLECTIONS OF THE 17TH—18TH CENTURIES. ON THE EXAMPLE OF THE MANUSCRIPTS OF THE SYNODAL SCHOOL OF CHURCH SINGING

Aleksandrina Aleksandra Valentinovna,

Ph.D. in History,

senior researcher fellow Of the Department of manuscripts
and old printed books of the State historical museum,
Krasnaya Pl., 1, 109012, Moscow, Russian Federation,
aleksandraalexandrina@gmail.com

Abstract

The article is devoted to partes collections of the 17th-18th centuries Synodal School of Church Singing, which are included in one of the largest musical collections of manuscripts — the Synodal Singing Collection, stored in the Department of Manuscripts and Early Printed Books of the State Historical Museum (SIM). Despite the fact that the partes, as a phenomenon of the musical culture of Russia in the 17th-18th centuries, often becomes the subject of research, the issue of dating such manuscripts remains poorly understood. The study of watermarks — paper filigrees allowed the author to conclude, that many manuscripts of this time are convolutes composed of works recorded at different times, originally existing as separate units, and only several decades later collected under one cover.

Keywords

Synodal School of Church Singing, S.V. Smolensky, Synodal Singing Assembly, partes concerts, convolute collection, watermarks.

RAR

УДК 7.01

ББК 85.100,57

DOI 10.34685/NI.2022.39.4.008

ПРОБЛЕМАТИКА ГАРМОНИЗАЦИИ ЦВЕТОВЫХ СОЧЕТАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕРЬЕРЕ

Парукова Екатерина Вячеславовна,

магистр наук, профессиональный творческий работник,
эксперт в области изобразительного искусства,
член РОО «Профессиональный союз художников России,
член РОО ТС «Евразийский художественный союз»
секция «Классическая живопись»,
ул. Чкалова, д. 44, г. Витебск, Республика Беларусь, 210041,
timkanpi666@mail.ru

Аннотация

Предметом исследования является цвет и гармония цветовых сочетаний в современном интерьере. Автор подробно рассматривает принципы построения гармоничного сочетания цветов, затрагивает вопрос визуального восприятия, оказывающий влияние на выбор определенного цветового решения. Подчеркнута необходимость применения принципов цветовой гармонии для решения поставленных задач, которые будут отвечать современным требованиям и необходимой эстетической значимостью пространственной среды.

Ключевые слова

Цвет, колорит, эстетика цвета, цветовая гармония, дизайн, оформление интерьера, восприятие цвета.

Сложно переоценить значение цвета в жизни человека. Проблема цвета, цветовой гармонии, воздействие цвета на человека всегда привлекала людей. Тысячелетиями люди познавали цвета, взаимодействовали с ними, осмыслили их и интерпретировали.

Каждый цвет оказывает влияние на человеческое мышление, чувственное и психофизиологическое восприятие действительности. Своеобразный характер использования цвета в виде цветных плоскостей, красочных орнаментальных инкрустаций либо декоративных росписей, в тех или иных цветовых сочетаниях оформились в различные эпохи и нашли свое воплощение в различных интерьерных стилях.

В настоящее время цвет стал активным средством улучшения пространственной среды,

где все большее значение приобретает цветовое оформление интерьера, ориентированное на художественно-образное осмысление предметного мира через его духовное освоение¹. Внутреннее пространство, в котором живет и работает человек, на сегодняшний день, должно выполнять не только функциональные задачи, но и благоприятно воздействовать на психологическое состояние и сознание человека, отвечать эстетическим требованиям, посредством гармоничного цветового решения интерьера, стимулировать к работе или создать среду для отдыха и развлечения.

1 Браэм Г. Психология цвета, пер. с нем. М.В. Крапивкиной. М.: АСТ: Астрель, 2009. С. 156.

С другой стороны, в погоне за уникальностью и неповторимостью интерьерного решения, происходит некоторая усталость от цветового многообразия, небольшая притупленность восприятия и подсознательно укрепляющаяся вера в скрытую силу цветов. Поэтому, дизайнер должен быть не просто «модным», а учитывать архетипические установки человека, в противном случае успех интерьерного пространственного решения будет недостаточно долговечным.

В связи с этим, актуальность данного исследования заключается в определении принципов гармонизации цветовых сочетаний, которые будут отвечать современным требованиям по созданию и реализации эстетически значимой пространственной среды, оригинальных и выразительных жилых и общественных интерьеров.

В разное время вопросами цветовой гармонии занимались Гете И.В., Майер Т., Максвелл Д., Рунге Ф., Крымов Н.П., Волков Н.Н., Кандинский В.В., Матюшин М.В. и многие другие. Касаюсь вопроса гармонизации цвета Гете И.В. отмечал, что цвет, как физиологическое явление, нужно рассматривать, прежде всего, со стороны природы. Каждый цвет производит на человека особое впечатление, и тем «раскрывает свою сущность глазу и душевному настроению»². В зависимости от аспектов рассмотрения вопроса, цвету дается различное определение. Так, с точки зрения изобразительного искусства цвет — это важнейшее средство композиции, с точки зрения дизайнера — это инструмент субъективного характера³. Современная наука определяет цвет как свойство света вызывать зрительное ощущение в соответствии со спектральным составом излучаемого или отражаемого источника⁴.

Весьма важно отметить, что воздействие цвета на человека происходит через визуальное восприятие. Большое значение в изучение визуального восприятия внес И. Иттен. Он считал, что цветовое видение, возникающее в глазах и в сознании человека, обладает своим содержанием

и смыслом, а цветовое воздействие — это не что иное, как психофизиологическая реальность цвета⁵. В свою очередь цвет и цветовое воздействие могут быть идентичны только при гармоничном созвучии.

При оформлении интерьера цвет играет решающую роль. В интерьере мы имеем дело с искусственной, специально созданной средой со своими особыми законами гармонизации. Использование цвета, сочетаний цветов и оттенков, способны изменить визуальное восприятие любого помещения. Поэтому, в различных функциональных зонах жилых помещений, используемая цветовая палитра должна отражать соответствующий эмоциональный строй. Цвет в помещениях может содействовать или препятствовать функциональным процессам, и характер психофизиологического воздействия и эмоционального восприятия в интерьере совсем другой, нежели во внешней, природной среде, в которой цветовой фон всегда гармоничен⁶.

При оценке эстетического воздействия цвета используется понятие колорит — закономерное сочетание цветов по цветовому тону, насыщенности и светлоте объектов дизайна, на основе принципов гармонии цветовых сочетаний. Цветовая гармония, в свою очередь, определяется как колористически закономерная взаимосвязь цветов⁷. Принцип гармонии прежде всего относится к эстетике цвета, воплощающей в себе художественное начало и является обязательной и первичной целью в оформлении интерьера. В отношении к цвету гармония означает уравновешенность цветовых тонов с их светлотой и насыщенностью. Основное условие гармонии — способность вызывать эстетическую реакцию на увиденное, эстетическое удовлетворение, радость встречи с прекрасным и совершенным⁸.

Говоря о цветовой гармонии, подразумевается оценка впечатления от взаимодействия двух или более цветов. В свою очередь стоит подчеркнуть, что понятие цветовой гармонии

2 Месяц С.В. Иоганн Вольфганг Гете и его учение о цвете (часть первая). М.: Кругъ, 2012. С. 397.
3 Панксов Г.И. Живопись. Форма, цвет, изображение: учеб. пособие для студ. высш. худ. учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2007. С. 81.
4 Медведев В.Ю. Цветоведение. Колористика: учеб. пос. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2005. С. 11.

5 Иттен И. Искусство цвета. 14-е издание. М., 2018 г. С. 19.
6 Степанов Н.Н. Цвет в интерьере. К.: Вища шк. Головное изд-во, 1985. С. 18.
7 Медведев В.Ю. Указ. соч. С. 41.
8 Степанов Н.Н. Цвет в интерьере. К.: Вища шк. Головное изд-во, 1985. С. 69.

принадлежит не только области субъективных чувств, она также относится к области объективных закономерностей.

В отличие от понятия гармоничного сочетания цветов, то есть цветов собственных, ничем не обусловленных, принцип гармонии цветов в интерьере предполагает гармонизацию конкретной цветопредметной среды с учетом ее многосторонних связей и взаимной обусловленности. Так, Миронова Л.Н. приводит такие признаки цветовой гармонии, как единство цветового тона, единство противоположностей, меру цветовых контрастов и насыщенности, пропорциональность, равновесие, легкость восприятия цветовых соотношений, принципы которых работают на гармонизацию цветовых сочетаний при оформлении интерьера с объективной точки рассмотрения вопроса⁹. Ярким примером несоблюдения этих принципов можно представить, выполнив все стены помещения с постоянным пребыванием людей насыщенно красными. Подобным образом можно добиться большого эмоционального эффекта, однако вскоре возникнет ощущение зрительного дискомфорта, и цвет, поначалу показавшийся привлекательным, станет раздражающим для восприятия.

Значительное влияние при выборе цветового решения имеют отношения между цветовой реальностью и цветовым воздействием, другими словами, между тем, что воспринимается глазом, и тем, что возникает в сознании человека¹⁰. В психологии хорошо известно, что воспринимаемый цвет может вызывать у человека как психическое, так и физиологическое воздействие. Восприятие цветовых образов в известной степени зависит и от субъективных предпочтений. Таким образом, в гармоничных цветовых сочетаниях невозможно применение психологически негативных цветов, вызывающих чувство отвращения, это противоречит самой природе гармоничного цветового восприятия.

Очень много исследований посвящено ассоциативной связи цвета с разными уровнями психологического восприятия и влиянию, которое оказывает сила цвета на человеческое мышление и чувственное восприятие действительности.

9 Миронова Л.Н. Цвет в изобразительном искусстве: Пособие для учителей. 3-е изд.. Мн.: Беларусь, 2005. С. 109.

10 Иттен И. Искусство цвета. 14-е издание. М., 2018 г. С. 15.

Гармоничное сочетание цветовых отношений, влияет на эстетическое восприятие интерьера и может вызвать определенные ассоциации. Так, Кандинский В.В., в своей теории восприятия цвета, утверждал, что любой цвет и форма, которой он ограничен, оказывают специфическое воздействие и рожают определенные эмоциональные ассоциации, которые в свою очередь могут быть позитивные и негативные¹¹. Эмоции всегда тесно связаны с ассоциативным восприятием действительности, поэтому каждый цвет имеет определенное психоэмоциональное воздействие, и человек выбирает для себя предпочтительные цвета и соответственно, отвергает нежелательные¹².

Базыма Б.А. в своей монографии «Психология цвета: Теория и практика» раскрывает природу цвета и, на основе анализа цветовых предпочтений, приводит психологические данные, которые позволяют отождествить цвета с эмоционально-физиологическим восприятием. Таким образом, красный цвет характеризуется как — возбуждающий, согревающий, активный; желтый — тонизирующий и бодрящий; синий цвет и, в какой-то мере, зеленый — релаксирующий и успокаивающий, и наиболее предпочтительный предыдущим двум цветам¹³.

Главная задача цвета в интерьере — гармонизировать пространственную среду. Анализ существующих на сегодняшний день теорий цветовых гармоний позволяет выделить основные типы цветовых гармоний, к которым можно отнести все многообразие цветовых решений¹⁴:

- Однотоновая гармония — строится на сочетании цветов одного цветового тона, при наличии различий по светлоте и насыщенности;
- Гармония родственных цветов (нюансная) — основывается на наличии в них одного и того же главного цвета;
- Комплементарная (полярная) гармония — построена на противопоставлении двух главных

11 Кандинский В.В. О духовном искусстве. М.: БуксМАрт, 2020. С. 63.

12 Голубева О.Л. Основы композиции. Учеб. Пособие. 2-е изд. М.: Изд. дом «Искусство», 2004. С. 19.

13 Базыма Б.А. Психология цвета: Теория и практика. Изд. Речь, 2005. С. 38.

14 Буймистру Т.А. Колористика: цвет – ключ к красоте и гармонии. М.: Издательство «Ниола-Пресс», 2010. С. 75.

цветов, которые в свою очередь могут быть как дополнительными, так и контрастными.

Таким образом, на основе данных типов, можно сформулировать основные принципы построения цветовых гармоний:

— принцип одинаковости цветов (однотонные гармонии);

— принцип соподчиненности цветов (родственные гармонии);

— принцип дополнительности (полярные гармонии дополнительных цветов);

— принцип противопоставления (полярные гармонии контрастных цветов);

— принцип конструктивного построения (цвета располагаются на концах вписанных в круг геометрических фигур: треугольников, прямоугольников, пятиугольников и т.д.)¹⁵.

Однако, цветовая гармония не сводится лишь к рассмотрению вопроса о том, какой цвет с каким гармонирует. На эстетическую оценку гармоничного цветового сочетания в интерьере оказывает много факторов, такие как тип помещения, его размеры, предназначение, освещенность. Наряду с этим, необходимо учитывать вкусы, возраст, интересы и род деятельности людей, которые будут находиться в данном помещении. Поэтому, интерьерные задачи разного уровня, в зависимости от потребностей, включают в себя различные варианты колористического решения¹⁶.

Так, например, успокаивающие цвета (бирюзовые, голубые, синие) обычно следует применять в помещениях для пассивного отдыха — спальнях, холлах, либо залах для совещаний. Другими словами, там, где необходимо успокоить и снизить интенсивность эмоций.

Тонизирующие цвета (оранжевый, желтый, салатовый) могут применяться в любой производственной обстановке или общественных интерьерах, для создания атмосферы бодрости и работоспособности.

Возбуждающие цвета (красные, оранжевые) уместны там, где требуется большая двигательная активность, для повышения нервно-психического тонуса, например, в спортзалах, аттракционах, ярмарок и т.д.

Оценка эстетического восприятия при вы-

боре цветового решения в оформлении интерьера, также может быть связана с практичностью, с красотой внешнего вида, которая в свою очередь определяется из индивидуальных, субъективных предпочтений. В значительной мере на колористику интерьеров оказывают большое влияние и постоянно меняющиеся модные тенденции в декорировании и дизайне интерьеров.

Так, посредством проведенного анализа материалов, приведенных в актуальных рейтинговых изданиях по дизайну интерьера, таких как «Красивые квартиры», Salon Interior, Интерьер+дизайн, Elite Interior, можно заключить, что на современном этапе, за период 2020–2022 год, ведущими тенденциями в оформлении современного интерьера жилых помещений частного характера, выступает лаконичный минимализм и скандинавский стиль, в основе которых лежит стремление к простору, естественному свету и воздушности пространства. На первый план выходит натуральность и близость к природе, чем обусловлено применение в интерьере элементов грубой обработки дерева, штукатурки под бетон, натурального камня и т.д., грубая текстура которых уравнивается глубокой, спокойной палитрой с контрастами из светлых и темных естественных оттенков. Предпочтение в цветовом отношении отдается базовым белым, серым, бежевым, коричневым цветовым сочетаниям. Подобные комбинации способны растворить границы помещения, и сделать его еще более комфортным для отдыха и времяпрепровождения.

Таким образом, можно сделать вывод, что цвет в интерьере представляет собой простой и эффективный способ полностью изменить и оживить любое пространство, главной задачей которого является гармонизация пространственной среды. В свою очередь гармония цветовых сочетаний подразумевает уравновешенность цветовых тонов, с их светлотой и насыщенностью. Применив принципы гармоничного цветового сочетания с учетом пространственных характеристик и особенностями психоэмоционального воздействия цвета на человека, можно решить задачи, связанные с созданием более привлекательного интерьера, отвечающего современным требованиям и необходимой эстетической значимостью пространственной среды.

15 Буймистру Т.А. Указ. соч. С. 78.

16 Рыбникова В.Ю. Архитектурная колористика. Цвет в интерьере: учебное пособие. Кулага. — Кострома: КГСХА, 2007. С. 16.

Список использованной литературы

1. Базыма Б.А. Психология цвета: Теория и практика. Изд. Речь, 2005. 110 с.
2. Браэм Г. Психология цвета, пер. с нем. М.В. Крапивкиной. М.: АСТ: Астрель, 2009. 158 с.
3. Буймистру Т.А. Колористика: цвет – ключ к красоте и гармонии. М.: Издательство «Ниола-Пресс», 2010. 236 с.
4. Голубева О.Л. Основы композиции. Учеб. пос. 2-е изд. М.: Издательский дом «Искусство», 2004. 120 с.
5. Иттен И. Искусство цвета. 14-е издание. М., 2018 г. 95 с.
6. Кандинский В.В. О духовном искусстве. М.: БуксМАрт, 2020. 162 с.
7. Медведев В.Ю. Цветоведение. Колористика: учеб. пос. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2005. 116 с.
8. Месяц С.В. Иоганн Вольфганг Гете и его учение о цвете (часть первая). М.: Кругъ, 2012. 464 с.
9. Миронова Л.Н. Цвет в изобразительном искусстве: Пособие для учителей. 3-е изд. Мн.: Беларусь, 2005. 151 с.
10. Панксенов Г.И. Живопись. Форма, цвет, изображение: учеб. пособие для студ. высш. худ. учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 144 с.
11. Рыбникова В.Ю. Архитектурная колористика. Цвет в интерьере: уч. пос. Кулага. – Кострома: КГСХА, 2007. 40 с.
12. Степанов Н.Н. Цвет в интерьере. К.: Вища шк. Головное изд-во, 1985. 184 с.

THE PROBLEM OF HARMONIZING COLOR COMBINATIONS IN CONTEMPORARY INTERIORS

Parukava Katsiaryna,

Master of Science, Professional creative worker, Fine art expert,
Member of the Russian Federation Artists Trade Union,
Member of the Eurasian Art Union of the section “Traditional Art”,
Ul. Chkalova, dom 44, 210041, Vitebsk, Republic of Belarus,
timkanpi666@mail.ru

Abstract

The subject of the study is the color and harmony of color combinations in a modern interior. The author examines in detail the principles of building a harmonious combination of colors, touches on the issue of visual perception, which influences the choice of a certain color solution. The necessity of applying the principles of color harmony to solve the tasks that will meet modern requirements and the necessary aesthetic significance of the spatial environment is emphasized.

Keywords

Color, coloring, color aesthetics, color harmony, design, interior design, color perception.

RAR
УДК 930
ББК 63.3
DOI 10.34685/ИИ.2022.39.4.009

ДРЕВНЕРУССКАЯ МЕБЕЛЬ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В XIX ВЕКЕ

Углева Наталья Владимировна,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела дерева и мебели
Государственного исторического музея,
Красная пл., ½, г. Москва, Россия, 109012,
uglevan@ya.ru

Аннотация

Атрибуция древнерусской мебели в настоящее время приобрела особую актуальность, т.к. многие датировки требуют пересмотра. Решение этой задачи возможно путем осмысления истории изучения этого феномена, начало чего приходится на XIX в., когда наряду с другими памятниками декоративного искусства древняя мебель была выделена в зону интересов музейщиков, художников, историков, коллекционеров во многом благодаря росту национального самосознания и становлению такого художественного явления как русский стиль.

Ключевые слова

Мебель, атрибуция, древнерусская, А.Ф. Малиновский, Ф.Г. Солнцев, И.Е. Забелин, П.И. Щукин, Исторический музей.

Исследование древнерусской мебели¹ в настоящее время стало насущной проблемой. Ее решение актуализировано внедрением Государственного каталога музейного фонда, который представляет федеральную государственную информационную систему учета музейных предметов и коллекций. Необходимость введения данных о месте и времени создания предметов, и их публикация на сайте выявило, что мебель допетровской эпохи атрибутирована XVII в. и, в редчайших случаях — XVI в., что полностью соответствует сведениям, опубликованным в специальной литературе. Однако возникает закономерный вопрос об объективности, степени обоснованности и происхождении таких датировок, а также сомнение в том, что не сохра-

нились предметы обстановки более ранних эпох, т. к. весь имеющийся на сегодняшний день массив памятников стилистически необычайно разнообразен. Это позволяет выдвинуть предположение, что атрибуционные характеристики ряда предметов недостаточно корректны и требуют пересмотра.

Решение этой задачи основано на применении метода исторической периодизации путем изучения процесса становления отечественной практики исследования мебели, где в качестве первого этапа необходимо обратиться к истокам изучения мебели в России, приходящимся на XIX в.

К первой фиксации древней мебели относится публикация А. Ф. Малиновского «Историческое описание древняго российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты,

1 Древнерусская мебель – мебель, созданная в допетровское время.

в Москве обретающегося². Этот труд был инициирован указом 1806 г. императора Александра I о создании музея на основе предметов, хранящихся в Оружейной палате Московского Кремля. Спустя год А.Ф. Малиновский выпустил книгу, ставшую первым иллюстрированным каталогом древних сокровищ императорского дома. Среди уникальных артефактов были запечатлены и четыре тронных кресла, которые, правда, уже с XVIII в. появлялись в регулярных изданиях коронационных альбомов. Хотя все они исторически приписываются к работам зарубежных мастеров³, тем не менее это был первый отечественный опыт введения артефактов мебельного искусства в научный оборот, где наряду с изображениями, расположенными, по мнению автора, в хронологическом порядке, присутствовали краткие аннотации с описанием и историей поступления объектов в царский обиход.

В одной из них, посвященной тронному креслу царя Михаила Федоровича (Илл. 1.), А.Ф. Малиновский подвел итог своей атрибуции: «Ни в каких записках и книгах Палатского Архива не значится, откуда поступили сии кресла. Должно думать, что они нарочно по повелению Государя либо в России, либо в иностранной земле сделаны»⁴.

Именно эта формулировка, в которой подчеркивается, что время, место и источник происхождения неизвестны, резюмирует главную проблему, вставшую перед исследователями мебельных артефактов. Актуальна она и сегодня для большинства образцов древнерусской мебели.

Работа по каталогизации собрания Оружейной Палаты, а также в контексте ее, по разработке алгоритма исследования предметов искусства

Илл. 1. «Кресла царя Михаила Федоровича» из публикации А. Ф. Малиновского.

была продолжена в середине XIX в. Ф.Г. Солнцевым, занимавшимся подготовкой альбома «Древности Российского государства»⁵. В нем уже упомянутые четыре царские кресла впервые опубликованы в виде обмеров, представляющих виды памятников с фасада, торцов, сзади и обратную сторону сиденья. Столь подробная фиксация позволила получить представление об особенностях конструкции и декора. Так, и сегодня на листах с изображением кресла царя Михаила Федоровича (Илл. 2, 3, 4.) можно увидеть дорисовки драгоценного убора, являющиеся либо частью авторского замысла, либо своеобразным восполнением утрат, а на кресле царя Алексея Михайловича открывается то, что скрыто ювелирным декором: первоначальные полихромные миниатюрные росписи.

Подробное отображение предметов необычайно ценно для исследователей, т.к. дает возможность сравнить, изменился ли их облик с момента

2 Малиновский А.Ф. Историческое описание древняго российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты, в Москве обретающагося. М.: типография Императорскаго Московскаго университета. 1807.

3 Более подробно об особенностях атрибуции тронных кресел из собрания Музеев Московского Кремля: Н.В. Углева. Древнейшие троны русского престола // Низвергнутые троны русского престола. М.: Государственный исторический музей, 2018. С. 14-31.

4 Малиновский А.Ф. Историческое описание древняго российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты, в Москве обретающагося. М.: типография Императорскаго Московскаго университета, 1807. С. 119.

5 Солнцев Ф.Г. Древности Российского государства. Альбом. М.: Тип. Александра Семена, 1849—1865.

Илл. 2. «Кресла царя Михаила Федоровича» из публикации Ф.Г. Солнцева (вид с фасада).

Илл. 4. «Кресла царя Михаила Федоровича» из публикации Ф.Г. Солнцева (вид сзади).

Илл. 3. «Кресла царя Михаила Федоровича» из публикации Ф.Г. Солнцева (вид с торца, сиденье).

первой зарисовки, а также увидеть то, что скрыто от взгляда при витринном экспонировании памятников, и использовать этот материал для последующих атрибуций. Повторно такая практика была применена лишь во втором десятилетии XXI в. в книге «Гамбсова мебель»⁶ и в коллективной монографии «Низвергнутые троны российского престола»⁷. Здесь артефакты публиковались не так, как было принято в XX в. — чаще всего в одной или, в редких случаях, в двух позициях, а в трех. Отсутствовало изображение оборотной стороны сиденья у кресел, что является значительным упущением, т.к. эта сторона предмета дает возможность получить информацию об особенностях конструкции, позволяющей наиболее точно установить время создания предмета.

Еще одним важным этапом для изучения древней мебели явился выход в свет в конце

6 Углева Н.В. Гамбсова мебель в собрании Исторического музея. М., 2016.

7 Низвергнутые троны российского престола. М.: ГИМ, 2018.

1860-х гг. ряда монографий И.Е. Забелина о домашнем быте русского народа⁸, в которых этому материалу отводились особые главы, посвященные перечню видов, описанию форм, обстоятельств создания, перечислению техник и материалов, использованных при изготовлении, упоминанию имен мастеров с подробными ссылками на архивные источники. Однако все эти сведения актуальны для изучения мебели только XVI — XVII вв., т.к. основаны на документах именно этого периода.

Наибольшее значение для изучения древнего наследия имели музейные собрания. Крупнейшее из них до сих пор находится в Историческом музее, официальная дата учреждения которого — 1872 год. Собрание мебели здесь начало складываться в 1890 г.⁹, а первым экспонатом его стал уникальный объект — складной стол с расписанной ковровым орнаментом столешницей (Илл. 5, 6.).

Он относится к одному из наиболее ранних образцов русского мебельного искусства и не имеет прямых аналогов в других коллекциях. Стол входил в обстановку палат Софьи Алексеевны Романовой в Новодевичьем монастыре и обоснованно считается меморией, связанной с именем опальной царевны. Этот предмет в инвентарной книге музея был датирован XVII в. — временем, сопоставимым с датами жизни его владельца. Однако особенности конструктивного и декоративного решения предмета позволили нам предположить значительно более раннее время его создания и сфокусировать его на XVI в.¹⁰

В конце XIX в. в Исторический музей поступили и дубовые столы (Илл. 7.), считавшиеся до недавнего времени работой русских мастеров XVII — начала XVIII вв.¹¹, а также парные двер-

цы от шкафа первой половины XIX в., расписанные монастырским живописцем Я. Ярыгиным, который занимался также оформлением прялок, посуды.

Илл. 5. Стол русской работы. XVI в. ГИМ.

Илл. 6. Столешница стола русской работы. XVI в. ГИМ.

Илл. 7. Стол русской работы. Конец XIX – начало XX вв.

8 И.Е. Забелин. Домашний быт русских царей XVI–XVII столетиях. 1868; Забелин И.Е. Домашний быт русских царей XVI–XVII столетиях. 1869.

9 Углева Н.В. Формирование мебельной коллекции Исторического музея в 1890-1930-е гг. // Вопросы музеологии. С-Пб.ГУ. № 2. С. 111–120.

10 Эта тема требует отдельного изложения, что будет отражено в последующих публикациях.

11 Углева, Н. В. Развенчание мифа. Изменение атрибуции дубовых столов из собрания Исторического музея // Материалы IV научно-практической конференции. Труды Государственного исторического музея. Вып. 208. М.: ГИМ, 2017. С. 149–160.

Поступление столь разнообразных предметов было обусловлено концепцией комплектования, сформулированной И.Е. Забелиным в отчете ИРИМ за первые 25 лет существования: «Исторический музей не есть музей редкостей, невиданных вещей. Он есть собрание памятников, то есть разных вещей, систематически вводящих зрителя в бытовую порядок миновавшей жизни, почему для него дороги не редкости, а всякие рядовые предметы быта, лишь бы они пополняли общий круг бытовых нужд и потребностей»¹². Таким образом, коллекция к концу XIX в. объединяла, главным образом, мебель, существовавшую в высших социальных слоях русского общества, т.е. бытовавшую в боярской среде, а также очень схожую с ней по внешнему облику, поступившую из городского, сельского и деревенского обихода XVIII — первой половины XIX вв. Среди них были представлены скамьи, столы, стулья, расписные шкафы и сундуки.

Музейная обработка этих памятников заключалась в оформлении учетной документации: в инвентарных книгах музея фиксировалось краткое описание единиц хранения, датировка, размер и вносилась запись источника поступления. Последняя характеристика особенно важна для памятников мебели, как правило, не имеющей клейм изготовителя, т.к. именно провенанс является объективной категорией информации, благодаря которой возможно проследить историю предмета и таким образом установить обстоятельства его создания.

В 1895 году открыл двери еще один московский музей. Он принадлежал известному собирателю и меценату П.И. Щукину и назывался «Российские древности», что полностью соответствовало составу коллекций его наполнявших. Известно, что своеобразным камертоном при выборе объектов для приобретения стал серебряный ковш, купленный на Нижегородской ярмарке, с жалованной надписью от императрицы Елизаветы Петровны атаману Яицкого войска Федору Андреевичу Бородину. Таким образом идея иллюстрации русской истории уникальными памятниками материальной культуры стала главенствующей для всего собрания П.И. Щукина. Это касается и мебельной части собрания.

Хотя мебель не рассматривалась как самостоятельная составляющая собрания, П.И. Щукину удалось сформировать уникальную коллекцию: она была единственной в своем роде, состояла из редчайших памятников русского мебельного дела (Илл. 8.) и полностью соответствовала концепции музея, закрепленной в названии «Российские древности». В 1905 г. она вошла в состав фонда Исторического музея, заложив основу собрания древнерусской мебели¹³.

Илл. 8. Стул русской работы. XVI в. Из коллекции П.И. Щукина. ГИМ.

XIX век стал временем целенаправленного выделения древней мебели в зону особого интереса. Это было связано со становлением и развитием к концу столетия такого художественного направления как русский стиль. В его русле профессиональные художники занялись созданием предметов обстановки. Для этого было необходимо выявить то, что наиболее точно соотносилось с понятием «русское» и «национальное», в том числе в области мебельного наследия. Наиболее

12 Отчет ИРИМ за XXV лет (1883-1908). М., 1916. С. 18.

13 Углева Н.В. Коллекция мебели в музее «Российские древности» П.И. Щукина [Электронный ресурс]// Н.В. Углева // Артикульт (Art&cult). 2018. № 31(3). //articult.rsu.ru, articult.me. С. 31-36. – Режим доступа: <http://articult.rsu.ru/articult-31-3-2018/index.php>.

четко эта задача была сформулирована теоретиками французского символизма, а ее реализация как нельзя лучше соответствовала тому, что создавалось в русских мастерских — предметам, наполненным символикой, загадочными образами или явными обращениями к различным источникам. Так, в статье «Поль Гоген: символизм в живописи» А. Орье в 1891 году: «Произведение должно быть, во-первых, идейным, ибо единственный его идеал — выражение идеи; во-вторых, символическим, поскольку эта идея получает выражение в формах; в-третьих, синтетичным, поскольку рисунок его форм, начертание его знаков соответствует обобщенному способу понимания; в-четвертых, субъективным, поскольку его объект должен рассматриваться не как объект, но как знак, воспринимаемый субъектом; в-пятых, вследствие сказанного, оно должно быть декоративным...»¹⁴. Полностью этой доктрине отвечало знаменитое кресло, созданное В.П. Шутовым в 1870 г., когда французский символизм только зарождался. Подлокотники кресла были выполнены из дерева в виде скульптурных изображений топоров, спинка — дуги от упряжи, одна из опор — балалайки, задняя часть сиденья украшена лежащей рукавицей. В основе художественного решения лежала реалистическая трактовка предметов крестьянского обихода, что выражало авторское представление о национальных стилистических особенностях.

Обращение к народному быту как восприимчику древних традиций — распространенная практика для целого ряда представителей творческой среды. Показательно то, что на первой российской художественно-промышленной выставке, прошедшей в Петербурге в 1829 г., существовал раздел отечественных древностей, где наряду со старинными вещами допетровского времени единым блоком демонстрировались домовая резьба и утварь из крестьянских домов второй половины XVIII — начала XIX вв., объединенные по единому принципу: все они были наделены признаками архаики, т. е. давно ушедших стилей.

То же представление было характерно для многочисленных музеев образцов, организованных во второй половине XIX в. при образователь-

ных учреждениях и в частных усадебных художественных лабораториях, в задачу которых входило не только создание современных проектов и предметов в русском стиле, обучение мастеров их изготавливавших, но и составление коллекций. В качестве моделей для творческой переработки избирались находки из экспедиционных привозов, которые регулярно осуществлялись в различных районах России. Показателен в этом смысле пример создания в 1880-х гг. Е.Д. Поленовой проекта, так называемого, «шкафчика с колонкой» (Илл. 9.), сочетающего в решении элементы резного рубеля, швейки из собрания музея в Абрамцево и замеченной и зарисованной автором декоративной композиции — фрагмента декора качелей на Девичьем поле в Москве.

Илл. 9. Шкафчик с колонкой. Проект Е.Д. Поленовой. 1880-е гг. ГИМ.

Практика натуральных зарисовок оказалась крайне плодотворной, т. к. открывала дополнительные возможности для аккумуляции рабочих материалов. Это ярко характеризуется созданием в Абрамцевских мастерских кресла, копировавшего художественное решение известного кресла XVI в. из Гефсиманского скита (Проект В.М. Васнецова, 1880-е гг.), принадлежность которого приписывается Ивану Грозному. Строгих очертаний предмет, украшенный пропиленным S-образным орнаментом, пользовался большой популярно-

14 Цит. по Пийеман Ж. Живопись, графика и скульптура // Энциклопедия символизма. Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка. М., 1998. С. 55.

стью у современников и вышел значительным тиражом. Примечательно, что в основе проекта лежал не образец крестьянской работы или результат авторского комбинирования различных элементов, а древний артефакт, запечатленный, правда, с изменением пропорций.

Музеи, художественно-промышленные выставки и деятельность кустарных мастерских поддерживали интерес широкие слои к коллекционированию предметов национальной истории. Во многих усадьбах и даже в городских квартирах появлялись собрания, которые можно было бы охарактеризовать как «предметы старины», где соседствовали как действительно редкие древние артефакты, так и хозяйственная утварь XVIII — XIX вв.

Подводя итог, отметим, что в XIX в. древнерусская мебель вошла в зону собирательских интересов, хотя в силу отсутствия исследовательской базы, наработок в области атрибуции она была включена в единый массив материальной культуры с носящими черты архаики предметами XVIII — первой половины XIX вв., которые происходили из деревенских, сельских, городских, посадских домов, в которых сохранялся старый уклад в постройке жилища и организации его внутреннего пространства. Однако специализированных собраний мебели не существовало, в том числе, и посвященных древнерусскому периоду. На данном этапе древние артефакты были включены в единый ряд с произведениями более позднего времени производства, что наглядно продемонстрировала практика работы художественно-промышленных выставок и музеев образцов, созданных при художественных лабораториях и в учебных заведениях.

В этот же период начала создаваться научная база для исследований: проводились изыскания в архивах, ставшие основой для публикаций сведений, позволяющих получить представление

о русском аристократическом быте XVI — XVII вв. В контексте этой деятельности впервые появилась информация о мебельном ассортименте, о материалах и художественных приемах, использовавшихся при ее создании.

К XIX в. относится процесс появления специализированных масштабных музейных собраний, в задачу которых входило сбор и сохранение отечественных памятников древности, в том числе и образцов мебели. Именно здесь осуществлялась деятельность по выработке принципов работы с экспонатами, где каждая единица хранения получала идентификационный номер, фиксировался размер, время создания, если таковое возможно было определить, внешний вид путем описания и, в редких случаях, изображения.

Важно отметить, что именно музейные собрания стали творческой лабораторией для многих художников, которые обращались к коллекциям для копирования или разработки стилизованных образов для последующего воплощения в своих произведениях, созданных в русском стиле. Внедрение их в бытовую среду опосредованно мотивировало интерес общества к прошлому страны, что нашло свое выражение в последующие эпохи.

Список использованной литературы

1. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М.: Книга, 1990.
2. Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М.: Типография Грачева и К, 1872.
3. Малиновский А.Ф. Историческое описание древняго российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты, в Москве обретающагося. М.: типография Императорскаго Московскаго университета. 1807.
4. Низвергнутые троны российского престола. М.: ГИМ, 2018.
5. Солнцев Ф.Г. Древности Российскаго государства. Альбом. М.: Тип. Александра Семена, 1849–1865.

OLD RUSSIAN FURNITURE AS AN OBJECT OF RESEARCH IN THE NINETEENTH CENTURY

Ugleva Natalia Vladimirovna,

PhD, senior researcher of the Department of wood and furniture
State historical museum, Krasnaya PL., 1/2, Moscow, Russia, 109012,
uglevan@ya.ru

Abstract

Attribution of ancient Russian furniture has now become particularly relevant, because many dating require revision. The solution of this problem is possible by studying the history of cognition of this phenomenon, which began in the XIX century, when along with other a works of decorative art, ancient furniture was allocated to the zone of interests of museum workers, artists, historians, collectors, largely due to the growth of national consciousness and the formation of such an artistic phenomenon as the Russian style.

Keywords

Furniture, attribution, ancient Russian, A.F. Malinovsky, F.G. Solntsev, I.E. Zabelin, P.I. Shchukin, Historical Museum.

RAR
УДК 008
ББК 79
DOI 10.34685/ИИ.2022.39.4.015

К ВОПРОСУ ОБ ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х — КОНЦЕ 1980-х гг *

Кохан Андрей Алексеевич,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник ФГБНИУ
«Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного
наследия имени Д. С. Лихачева»
(Институт Наследия),
129366, г. Москва, ул. Космонавтов, 2,
a_kokhan@mail.ru

Аннотация

Рассматриваются основные вопросы сохранения памятников о событиях Великой Отечественной войны, решавшиеся государственными органами и заинтересованными общественными организациями в период с 1954 г. - момента формирования Министерства культуры СССР, положившего начало созданию всей системы охраны памятников нематериального наследия в Советском Союзе.

Ключевые слова

Охрана памятников, учет памятников, памятники Великой Отечественной войны, Научно-методический совет по охране памятников, Академия наук СССР, законодательство по охране памятников.

Назревшее объединение дела охраны памятников в единой системе начинается с 1954 г.: формируется Министерство культуры СССР и минкульты союзных республик. В составе Министерства культуры РСФСР вошло Управление музеями и охраной памятников, кроме того в ведение министерства перешел Научно-методический совет по охране памятников.

31 мая 1957 г., практически сразу, после упразднения Государственного комитета СМ РСФСР по делам строительства и архитектуры, И.Э. Грабарь обратился к Н.С. Хрущеву. Суть письма сводилась к тому, что после упразднения

Госстроя РСФСР были упразднены и его функции по охране и реставрации памятников архитектуры Российской Федерации. Академик писал, «что по аналогии с РСФСР будут, очевидно, приняты подобные решения и в других Союзных республиках, возникает законная тревога о судьбе охраны памятников архитектуры и органов, которые вели это большое и важное дело <...> В целях обеспечения и улучшения постановки дела охраны и реставрации памятников культуры СССР в целом, в данных условиях необходимо создание при СМ СССР и союзных республиках единого самостоятельного органа по охране и реставрации

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 21-09-43112..

памятников культуры (архитектуры, искусства, археологии, истории и т.п.)»¹. Неизвестно, сыграло ли письмо академика свою роль в реформировании системы охраны памятников, но в 1957 г., после ликвидации Комитетов по делам архитектуры, к министерствам культуры перешли вопросы управления памятниками архитектуры и искусства².

Вместе с этим составляются первые черновые списки учета памятников истории и археологии. Особые проблемы возникли при выявлении и учете воинских захоронений периода Великой Отечественной войны, которые находились в запущенном состоянии. Под руководством управления музеев и охраны памятников, при участии Министерства Вооруженных сил СССР, партийных органов была проведена работа, связанная с выявлением военных кладбищ и отдельных могил и приведением их в порядок. Масштабы проделанной работы в период с 1954 г. по 1957 г. впечатляют. Так, только по Ленинградской области «было очищено от бурьяна 569 воинских захоронений, озеленено 74 кладбища и 582 одиночные могилы, построено 500 и отремонтировано более 2600 памятных знаков, из лесов, болот, оврагов и удаленных от населенных пунктов мест перенесено 1950 могил»³.

Аналогичная работа проводилась по всем областям государства. В 1959 г. в Новгородской области было перезахоронено 119 мест воинских захоронений с общим количеством около 1200 могил, установлено 35 бетонных обелисков, 58 новых оград и отремонтировано 96 старых оград и 15 памятников, однако в ряде районов области эта работа была проведена не до конца, специально отпущенные на эти цели средства не были полностью израсходованы⁴.

29 июня 1957 г. СМ РСФСР принял Постановление № 781 «Об улучшении дела охраны и реставрации памятников культуры в РСФСР»⁵, которое в большей степени было ориентировано на популяризацию памятников истории и культуры. Однако в данном контексте более интересен тот факт, что был опубликован список исторических памятников, находящихся на территории РСФСР и подлежащих охране как памятники государственного значения, в котором значилось 1100 объектов, перечень был составлен по территориальному принципу, в порядке алфавита областей, краев, автономных республик, содержал элементарные сведения, а именно: наименование памятника с указанием даты события или с именем меморируемого человека. Столь скудные данные свидетельствовали о низком и уровне учета памятников, который начался еще с 1942 г. Из 1100 объектов около трети были связаны с событиями Великой Отечественной войны⁶.

Документ был в значительной степени дополнен уже спустя три года: 30 августа 1960 г. СМ РСФСР принимает Постановление № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР», которое предусматривало рост роли органов охраны памятников: с ними должны были согласовываться все мероприятия, проведение которых затрагивало памятники культуры, ужесточалась процедура снятия памятника с охраны без ведома Совета Министров — по памятникам государственного значения и Минкультуры — для объектов местного значения. Согласно Постановлению, в пятилетний срок необходимо было благоустроить и озеленить братские могилы, воинские захоронения, установить на памятных местах монументы из долговечных материалов⁷.

Переломным моментом в вопросах сохранения и популяризации памятников, связанных с историей Великой Отечественной войны можно считать Пленум ЦК КПСС, состоявшийся 18–21 июня 1963 г. Постановление Пленума

1 [Копия письма Председателя Пленума Научно-методического совета по охране памятников культуры И.Э. Грабаря, адресованного Н.С. Хрущеву] // НА ИИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 21. Л. 5–6.

2 Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967 гг.) // Труды Научно-исследовательского института музееведения и охраны памятников истории и культуры. – 1970. – № 22. – С. 113–114.

3 Равикович Д.А. Указ. соч. С. 114.

4 Савельев Н.С. Великая Отечественная война как направление работы экскурсионных организаций Новгорода в 1960–1970 гг. // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 87. Ч. 2. С. 49.

5 См.: Культура в нормативных актах Советской власти: 1938–1960 гг. / сост., введ. К.Е. Рыбак. М., 2011. С. 364–365.

6 Культура в нормативных актах Советской власти: 1938–1960 гг. С. 366–442.

7 Охрана памятников истории и культуры: Сб. док. / Сост. Г.Г. Анисимов. М., 1973. С. 138–141.

«Об очередных задачах идеологической работы партии» предполагало усиление политической и идеологической работы среди населения СССР, используя достижения в народном хозяйстве, образовании и военной сферах, через популяризацию науки, истории и советской культуры⁸.

Выступая на совещании, посвященном роли памятников боевой славы в коммунистическом воспитании трудящихся при Научно-методическом совете по охране памятников культуры 9 декабря 1964 г., начальник Управления изобразительных искусств и охраны памятников Министерства культуры СССР Георгий Алексеевич Тимошин заявил: «В Программе нашей партии и на июньском Пленуме ЦК нашей партии очень остро, правильно, поистине по-ленински ставился вопрос о коммунистическом воспитании строителей коммунизма на основе военно-патриотических традиций, на основе героических традиций нашего славного советского народа. Поднимался вопрос о необходимости использования памятников культуры, искусства, истории революции, гражданской и Отечественной войны в деле военно-патриотического воспитания народа и, особенно, подрастающего поколения. Ныне Центральный Комитет КПСС, партия и весь народ после октябрьского и ноябрьского Пленумов ЦК партии по-новому пересматривают вопрос в отношении партийного и государственного руководства строительством социалистической культуры, и мы также не можем не пересматривать вопросы об отношении к памятникам истории революции, искусства и культуры»⁹. Следующим шагом в популяризации событий Великой Отечественной войне в сфере культуры и сохранения наследия стало Постановление ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся» от 12 мая 1964 г., которое указывало на необходимость расширения массово-просветительской работы музеев в че-

ствовании «памяти героев, павших за свободу и честь нашей Родины»¹⁰.

Таким образом 1963–1964 гг. стали отправной точкой в вопросах популяризации памятников Великой Отечественной войны. Если в период с 1945 г. основными вопросами, которые ставились перед государственными органами власти, было сохранение памятных мест и увековечивание связанных с ними событий, то с 1960-х гг. начинается популяризация памятников, активно прорабатываются вопросы их туристского использования. Г.А. Тимошин констатировал: «Ведь если взять то массовое движение, которое поднимается в наших союзных республиках вокруг этого святого дела — сбережения, учета и пропаганды памятников, то достаточно привести пример хотя бы одной нашей социалистической Грузии, где в добровольном обществе охраны памятников насчитывается свыше 300 тысяч членов, где это общество развивает настоящую борьбу за сохранение и пропаганду памятников. Собирают средства, на эти средства ремонтируют, реставрируют памятники. На эти средства ведется большая лекционно-пропагандистская работа, издаются всевозможные издания, плакаты, репродукции, фотографии, сувениры и распространяют это среди населения. А какое внимание к священным памятным местам нашего героического прошлого, об этом может свидетельствовать хотя бы город Волгоград, где мне пришлось недавно быть. Ведь, возьмите, более 300 тысяч советских и иностранных туристов ежегодно посещают Мамаев курган, район Мельницы, этих великих заповедных мест нашей Отечественной войны, и каждый экскурсант считает необходимым взять горсточку земли с Мамаева кургана, как священную реликвию. И башенка танка, который установлен на границе обороны 13-й гвардейской дивизии, постоянно утопает в цветах, вокруг него собираются дети, борцы, защитники Волжской твердыни»¹¹.

Развитие внутреннего туризма, с одной стороны, и увеличивающийся интерес к событиям и сохранению памяти о войне, с другой, привели к тому, что в 1960–1980-е гг. появляется несколько туристических маршрутов, связанных с военной тематикой: «По местам боевой славы» (Москва–Могилев–Минск–Брест), «Огненная дуга»

8 Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях Съездов, Конференций и Пленумов ЦК. Т. 10: 1961–1965. Изд. 9 доп. и испр. М., 1986. С. 352–367.

9 [Стенограмма выступления начальника Управления изобразительных искусств и охраны памятников Министерства культуры СССР Г.А. Тимошина на совещании по вопросу «Роль памятников боевой славы в коммунистическом воспитании трудящихся»] // НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 28. Л. 3.

10 Коммунистическая партия Советского Союза... С. 416.

11 НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 28. Л. 6–7.

(Орел–Курск–Белгород–Харьков), «По рубежам обороны Севастополя», деятельностью партизан и подпольщиков: «По партизанским местам Белоруссии», «По партизанским местам Кубани», «По партизанским местам Восточного Крыма», «Молодогвардейский» (Ворошиловград–Краснодон–Боково–Платово–Жданов), а также железнодорожные туры по городам-героям. Таким образом, мемориальный туризм становится одной из частей военно-патриотического воспитания молодежи¹².

Вместе с этим, прослеживались и недостатки, связанные с плохо поставленным учетом памятников истории, недостаточной мерой пропаганды памятников, связанных с героическим прошлым¹³. А наибольшая проблема заключалась в отсутствии единого центра, на базе которого производилась бы концентрации дела учета, охраны и пропаганды памятников. Г.А. Тимошин считал, что такой орган, должен был находиться в непосредственном ведении у Министерства культуры, должен был работать в связке с добровольными обществами по охране и пропаганде памятников, которые должны были быть сформированы во всех республиках¹⁴.

В обширной работе по увековечению истории боевой славы, памяти героев Великой Отечественной войны на местах проявлялась инициатива, некоторые элементы которой кураторы из центра рассматривали как нежелательные, как перегибы. В.И. Краснов указывал, что «за последнее время часть наших памятников была взята под контроль. На кладбищах были на добровольных началах созданы группы содействия при администрации. Это надо приветствовать, когда группа содействия наблюдает за сохранением памятников на кладбищах. Но некоторые вещи принимают удивительную форму. Мы столкнулись с группой содействия на Ваганьковском кладбище. Они пришли к нам посоветоваться, — они хотят создать на Ваганьковском кладбище музей кладбища. Спрашивается, зачем, когда само Ваганьковское кладбище являет-

ся памятником и музеем, достаточно характеризующим то, что есть. — Нет, — говорят, — там похоронены такие-то товарищи, реликвии есть. И даже получили помещение, составили экспозиционный план. И первые экспонат такой — мемориальная доска членов группы содействия этого кладбища при администрации»¹⁵. Также В.И. Краснов отметил и проблемы в создании музеев, посвященных героям Великой Отечественной войны: «Каждый знает, что у нас в работе с детьми, которую мы ведем достаточно широко, есть такое ощущение, что, несмотря на многие призывы, эта работа несколько однобока. Наши сведения говорят о существующем у нас привлечении внимания к созданию круга музеев с ограниченными наименованиями. Речь идет о том, что на 1960 г. у нас было 10 тысяч музеев имени Александра Матросова, 7 тысяч музеев имени Зои Космодемьянской. Речь идет не о том, чтобы школа или дружина, или отряд были названы именем Александра Матросова, Зои Космодемьянской, Саши Чекалина, Тимура Фрунзе, а о том, что полноправных музеев Зои создать везде нельзя. Любовь Тимофеевну [Л.Т. Космодемьянская — мать Александра и Зои Космодемьянских] и нас атакуют, просят книжечки дать, продолжают себя практически именовать, так как они выставили нашу брошюрку о Зое и считают, что это музей Зои Космодемьянской. А это не музей, а уголок. И для того, чтобы не подрывать музей и его основы, надо устраивать музей там, где имеется соответствующий материал, в Москве, в Петрищеве, там, где она жила, где родилась, на месте ее трагической гибели, или там, где учился Матросов, в Уфе и т.д.»¹⁶.

Вместе с ростом внимания партии к популяризации памятников истории Великой Отечественной войны и использованию их в идеологических целях, происходят и структурные изменения в работе Научно-методического совета по охране памятников культуры: были увеличены его штат с 12 до 22 человек, Совет получил финансово-хозяйственную самостоятельность, были созданы новые центры и комиссии, что

12 Попов А.Д. Память о Великой Отечественной войне в идеологической парадигме советского туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2020. № 3. С. 45.

13 НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 28. Л. 7, 8.

14 Там же. Л. 10.

15 [Стенограмма доклада заместителя начальника музея Советской армии В.И. Краснова «Из опыта работы по пропаганде реликвий и памятников боевой славы Центрального музея Советской Армии», 9 декабря 1964 г.] // НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 28. Л. 45–46.

16 Там же. Л. 42.

сделало Совет всесоюзным научно-методическим центром по охране и использованию памятников истории и культуры¹⁷. Во второй половине 1964 г. при Научно-методическом совете по охране памятников культуры была создана секция исторических и историко-революционных памятников, в которой действовали две комиссии: по охране памятников науки и техники и по военно-историческим памятникам. Перед секцией стоял ряд вопросов, требовавших скорейшего разрешения, основными из которых были разработка научно-методических указаний по вопросам учета, охраны, содержания и использования различного рода исторически памятников, а также подготовка предложений по использованию некоторых важнейших памятников в туристско-экскурсионной работе¹⁸. В состав комиссии по военно-историческим памятникам вошли ветераны войны, партийные работники, представители Комиссии по увековечению памяти погибших воинов при Советском комитете ветеранов войны, Московском горвоенкомате и облвоенкомате, работник Министерства просвещения РСФСР, сотрудник Центрального музея Советской армии, журналист. Всего — 18 человек. Председателем Комиссии стал генерал-майор в отставке Глеб Николаевич Корчиков. Деятельность Комиссии была ориентирована в первую очередь на идеологическую и просветительскую работу. Ей были проведены следующие мероприятия: разработаны и распространены рекомендации по популяризации памятников боевой славы, подготовлены методические рекомендации об участии комсомольцев, пионеров, школьников в работе по выявлению, охране и использованию памятников боевой славы, подготовлены форма и методические указания по учету военно-исторических памятников¹⁹.

Направление по сохранению памятников, связанных с событиями Великой Отече-

ственной войны, оставалось в планах работы Научно-методического совета вплоть до его реорганизации²⁰.

К 25-летию Победы Научно-методический совет рекомендовал государственным органам, осуществляющим охрану военно-исторических памятников, в контакте с научно-исследовательскими учреждениями, с обществами по охране памятников истории и культуры, музеями, советами содействия военных комиссариатов и другими общественными организациями полностью завершить работу по дальнейшему выявлению, учету и взятию под охрану всех памятных мест Великой Отечественной войны²¹. Вместе с этой работой проводились мероприятия по популяризации памятников.

Большую роль в работе по приведению в порядок историко-революционных и военно-исторических памятников сыграл Всероссийский смотр памятников, объявленный Министерством культуры РСФСР в 1965 г. и заверченный в 1967 г., а также смотры памятников, проводимые в союзных республиках²².

При этом ситуация в 1960-х гг. с охраной памятников в союзных республиках продолжала оставаться достаточно напряженной. В УССР Госстроем не закончена была разработка и не утверждены в установленном порядке дополнительные списки памятников, вновь выявленные и необоснованно снятые в 1960 г. с государственной охраны²³. В Узбекской ССР под государственной охраной состояло 345 памятников, из них исторических — 26, археологических — 195, архитектурных — 119, искусства — 5, при этом, дополнительно было учтено 3908 памятников,

17 Отчет о работе научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР за 1965 г. // НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 60. Л. 1.

18 Материалы группы по военно-историческим памятникам Научно-методического совета по охране памятников культуры // НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 50. Л. 3, 4.

19 О работе проблемной группы по пропаганде памятников боевой славы (Комиссии по военно-историческим памятникам) Научно-методического совета по охране памятников культуры // Там же. Л. 6–10.

20 План научно-исследовательских и научно-методических работ Научно-методического совета по охране памятников культуры на 1969 г. // НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 145. Л. 2.

21 Методические рекомендации по улучшению учета и сохранения для последующего увековечивания мест, связанных с Великой Отечественной войной // НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 158. Л. 4.

22 Краткий обзор деятельности государственных органов по охране памятников культуры в союзных республиках за 1967 год // НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 143. Л. 90.

23 Решение Президиума Научно-методического совета от 16 мая 1968 г. «О дальнейшем улучшении охраны памятников истории и культуры в Украинской ССР». Л. 52.

не стоящих под государственной охраной²⁴. Руководство Научно-методического совета отмечало, что контроль за состоянием памятников на местах в отдельных случаях достигает необходимой эффективности, но проводится он, особенно в больших республиках, имеющих областные деления (РСФСР, УССР и др.), — sporadически²⁵. Всего, к середине 1969 г. В Советском Союзе в официально утвержденных охранных списках памятников состояло 21643 объекта, кроме того вновь выявлено и учтено 83600 памятников, что говорит о том, что в ряде республик, в том числе, в РСФСР и УССР значительно задерживалось представление проектов списков вновь выявленных памятников в Советы Министров союзных республик²⁶.

В 1966 г. в некоторых управлениях культуры областей и краев не было инспекторов по охране памятников: из 76 областей РСФСР в 56 инспекторов не было²⁷. Инспектор по охране памятников, часто совмещал эту работу с курированием музейной деятельности в регионе, а иногда также работы парков и зоопарков²⁸. Кроме того, к этому периоду так и не сложилась единая государственная система охраны памятников, не было правомочных центральных и местных государственных органов охраны культурно-исторического наследия²⁹.

- 24 Решение Президиума Научно-методического совета от 22 июля 1968 г. «О состоянии и мерах улучшения охраны и пропаганды памятников культуры в Узбекской ССР». Л. 55
- 25 Краткий обзор деятельности государственных органов по охране памятников культуры в союзных республиках за 1967 год // НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 143. Л. 99.
- 26 Отчет о научно-исследовательской и научно-методической работе по охране памятников культуры в 1969 г. // НА ИН. Ф. 4. Оп. 2., д. 199. Л. 1.
- 27 [Стенограмма доклада Г.Н. Корчикова, председателя Комиссии военно-исторических памятников Научно-методического совета] // НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 51. Л. 123.
- 28 Свичкарь И.Г. Деятельность государственных органов власти и общественных организаций по сохранению историко-культурного наследия на Южном Урале в середине 1960-х – начале 2010-х годов (по материалам Челябинской области): дис.... канд. ист. наук: 07.00.02. Челябинск, 2014. С. 51.
- 29 [Резолюция пленума Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР, 2–3 июня 1965 г.] // НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 63. Л. 87.

Аналогичным образом обстояла ситуация с учетом и охраной памятников Великой Отечественной войны. В рекомендациях Научно-методического совета отмечалось, что было разрушено и распахано подавляющее большинство окопов, блиндажей, ДЗОТов и командных пунктов Московской, Волгоградской, Курской и других битв. Почти не проводились работы по консервации и сохранению в прежнем виде некоторых населенных пунктов или их отдельных участков, в том числе в городах-героях³⁰.

Решение виделось в комплексном подходе вопросов охраны памятников на территории СССР через ряд взаимосвязанных мер:

- Подготовку законов об охране памятников;
- Создание системы органов охраны и учета памятников;
- Выявление и взятие на учет всех памятников, имеющих историческую, научную, художественную ценность;
- Ликвидацию разрыва между учтенными памятниками и их паспортизацией;
- Участие памятникоохранных органов в разработке мероприятий по подготовке свода памятников культуры народов СССР и ряде других мероприятий, которые могли бы обеспечить выявление, учет и сохранение памятников истории и культуры³¹.

24 мая 1966 г. было принято постановление СМ РСФСР «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в РСФСР»³², которое предполагало усиление ответственности государственных органов управления в центре и на местах за сохранность памятников в республике. Наиболее ценные памятники были приняты под государственную охрану (более 6 тысяч объектов), либо взяты

- 30 Методические рекомендации по улучшению учета и сохранения для последующего увековечивания мест, связанных с Великой Отечественной войной // НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 158. Л. 2.
- 31 Краткий обзор деятельности государственных органов по охране памятников культуры в союзных республиках за 1967 год // НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 143. Л. 105-106.
- 32 Охрана памятников истории и культуры. Сб. док. М., 1973. С. 150.

на местный учет (около 1 тысячи объектов)³³. Особое внимание в постановлении отводилось вопросам сохранения памятников Великой Отечественной войны: предполагалось «выявить в 1966 году дополнительные места, связанные с революционными выступлениями рабочего класса, наиболее крупными сражениями Советской Армии, расположениями партизанских отрядов в годы гражданской и Великой Отечественной войны, определить охранные зоны, установить памятные знаки, отмечающие эти события»³⁴.

Также 24 мая 1966 г. в составе Министерства культуры РСФСР была организована Государственная инспекция по охране памятников истории и культуры³⁵, а Научно-исследовательский институт музееведения преобразовывался в Научно-исследовательский институт музееведения и охраны памятников истории и культуры³⁶. Таким образом, в значительной степени был усилен аппарат Министерства культуры, отвечавший за охрану и использование памятников истории и культуры.

Вместе с преобразованиями государственных памятникоохранных органов, происходят процессы формирования общественных организаций, которые бы могли обеспечивать привлечение широких слоев населения к активному и непосредственному участию в охране памятников истории и культуры, а также оказывать содействие в вопросах их охраны государственным органам.

Уже к моменту проведения учредительного съезда Общества в 1966 г., оно располагало активом в лице 73 оргкомитетов во всех республиках, краях и областях, а также сотен оргкомитетов в районах и городах РСФСР³⁷.

По состоянию на 1968 г. во всех союзных республиках, кроме Казахской ССР и Эстонской ССР были учреждены общества охраны памятников истории и культуры, которые насчитывали более 5 миллионов индивидуальных и десятки тысяч коллективных членов³⁸, при этом, по состоянию на 01 января 1969 г. в рядах общества насчитывалось уже 9156250 индивидуальных членов и около 80000 коллективных членов³⁹, а к 1984 г. численность Общества составляла более 16 миллионов человек⁴⁰.

Несколько иным образом ситуация складывалась в других регионах, так, к примеру, Ленинградское городское отделение общества основную работу проводило по трем направлениям: по учету и сохранению памятников архитектуры 1920-х гг., увековечиванию событий Великой Отечественной войны и учету памятников послевоенного периода⁴¹.

Начавшееся во второй половине 1960-х гг. движение по выявлению и упорядочению памятников истории и культуры получило свое дальнейшее развитие. Так, только в Российской Федерации в 1968 г. было выявлено 4861 исторических, 1514 архитектурных, 2330 археологических памятников и 509 памятников искусства, на которые членами Общества составлялись учетные карточки и заводилась документация на предмет взятия на государственную охрану⁴².

Большую работу по осуществлению шефства над памятниками проводили коллективы школ, вузов и других учебных заведений. У многих памятников появились таблички с надписями:

33 Шулепова Э.А. О роли государственного и общественного руководства охраной памятников истории и культуры // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. Т. 78. М., 1979. С. 13.

34 Охрана памятников истории и культуры... С. 160.

35 Шулепова Э.А. Указ. соч. С. 13.

36 Охрана памятников истории и культуры... С. 162.

37 Хануков А.С. Доклад Центральной ревизионной комиссии Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры // Материалы второго съезда Всероссийского общества охраны памятников и культуры. М., 1973. С. 37.

38 Краткий обзор работы обществ охраны памятников истории и культуры союзных республик // НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 143. Л. 109.

39 Обзор деятельности обществ охраны памятников истории и культуры союзных республик за 1968 г. // НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 199. Л. 63.

40 Тронько П.Т. Воплощение идей советского патриотизма и дружбы народов Союза ССР в памятниках Великой Отечественной войны 1941-1945 годов // Памятники Великой Отечественной войны в патриотическом воспитании трудящихся. М., 1985. С. 35.

41 Пиотровский Б.Б. [Доклад без названия] // Материалы второго съезда Всероссийского общества охраны памятников и культуры. М., 1973. С. 57.

42 Обзор деятельности обществ охраны памятников истории и культуры союзных республик за 1968 г. // НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 199. Л. [79].

«Над памятником осуществляет шефство... (такая-то) организация»⁴³.

Следующей важной вехой в деле охраны памятников и увековечивания памяти о Великой Отечественной войне становится 1967 г.: были открыты ансамбли Могилы Неизвестного Солдата у стен Московского Кремля, грандиозное архитектурно-мемориальное сооружение на Мамаевом кургане в Волгограде⁴⁴.

При этом были и нереализованные проекты, работа над которыми велась еще с 1950-х гг., но сталкивалась с проблемами в финансировании и противоречивыми действиями местных и центральных властей.

В 1969 г. был подготовлен «Список памятников культуры общесоюзного значения»⁴⁵, который проходил согласования в Министерстве культуры, Научно-методическом совете, Институте военной истории Министерства обороны СССР, госинспекций по охране памятников, институтах АН и ряде других ведомств⁴⁶.

При этом концепция разделения памятников на категории имела не только последователей, но и оппонентов, главным из которых стал ВОО-ПИК. В письме на имя И.о. председателя Научно-методического совета от 24 февраля 1970 г. первый заместитель председателя Президиума Центрального совета Общества писал: «Общественность секций исторических и архитектурных памятников Центрального совета Общества неоднократно рассматривала вопрос о выделении ряда памятников и ансамблей в особую категорию памятников общесоюзного значения и отрицательно относится к этому проекту. Члены секций высказали свое опасение, что выделение группы памятников общесоюзного значения будет умалять роль осталь-

ных памятников, находящихся под государственной охраной, и может ухудшить их использование и сохранность. С другой стороны, памятники культуры общесоюзного значения сами могут оказаться неохранными, так как местные органы власти будут им уделять меньше внимания в расчете на заботу в них общесоюзных органов»⁴⁷.

Важным этапом в деле учета и сохранения памятников стала последняя паспортизация, проходившая с 1972 г., отправной точкой для которой стал отчет секции исторических и историко-революционных памятников Научно-методического совета за 1965 г. отмечалось, что в 1963 г. в УССР была проведена паспортизация памятников истории, археологии и искусства. «В этой работе принимала участие общественность. В результате было взято на учет 22359 памятников. Изучение проведенной на Украине работы показало, что опыт Украины по паспортизации исторических и др. памятников целесообразно передать другим органам по охране памятников»⁴⁸. В 1967 г. было принято совместное решение Министерства культуры СССР и Президиума АН СССР о подготовке «Свода памятников истории и культуры СССР», который должен был включать все наиболее значимые памятники государства, который должен был формироваться на основании паспортов объектов культурного и исторического наследия, единые формы которых были утверждены только в 1972 г.

При этом следует отметить, что по состоянию на 1986 г. было издано 27 выпусков «Материалов Свода памятников истории и культуры РСФСР», два из которых вышли в двух частях. В Материалы был включен всего один памятник, связанный с событиями Великой Отечественной войны: здание госпиталя, в котором с декабря 1941 г. по март 1944 г. работал хирург А.А. Вишнеvский⁴⁹, а подавляющее большинство материалов было связано с памятниками архитектуры, либо могилами деятелей науки и искусства.

Следует упомянуть, что паспортизация практически во всех регионах РСФСР проходи-

43 Обзор деятельности обществ охраны памятников истории и культуры союзных республик за 1968 г. // НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 199. Л. [82].

44 Равикович Д.А. Указ. соч. С. 126.

45 Отчет о научно-исследовательской и научно-методической работе по охране памятников культуры в 1969 г. // НА ИН. Ф. 4. Оп. 2., д. 199. Л. 6.

46 [Письмо заместителя начальника Института военной истории Министерства обороны СССР И. Паротькина на имя председателя Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР П.А. Володина о согласовании «Списка памятников культуры общесоюзного значения»] // НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 186. Л. 37.

47 [Письмо В. Иванова на имя Е.М. Краевой от 24 февраля 1970 г.] // НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 246. Л. 39.

48 [Отчет о работе Секции исторических и историко-революционных памятников в 1965 г.] // НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 50. Л. 15.

49 Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Новгородская область. – М., 1986. – С. 63-64.

ла крайне медленно: А.И. Фролов в исследовании, посвященном статистическому изучению паспортизации указывал, что «сложившийся в 1970-е гг. — первой половине 80-х гг. механизм изучения памятников неизбежно растянет эту работу с недвижимой частью историко-культурного наследия на многие столетия, а его окончательного завершения можно ожидать в таком случае не в XXI в. (что уже нельзя назвать удовлетворительным), а в XXXI в.»⁵⁰. При этом по состоянию на 1986 г. было паспортизировано 21393 памятника архитектуры, 17281 археологических объекта, 11207 исторических памятников и 392 памятника монументального искусства⁵¹, а за период существования СССР не было издано ни одного тома «Свода».

Говоря о периоде с 1954 по 1991 гг. следует отметить, что памятникам, связанным с событиями Великой Отечественной войны стало уделяться куда большее внимание, нежели в первые послевоенные годы, была создана и отлажена работа органов, отвечавших за сохранность и учет памятников.

С конца 1960-х гг. началось строительство ансамблей и комплексов, призванных увековечить события войны, кроме того, государство обратило внимание на возможности туристского использования исторических объектов. При этом немаловажную роль в деле сохранения стали играть общественные организации.

Список источников и литературы

1. Пиотровский Б.Б. [Доклад без названия] // Материалы второго съезда Всероссийского общества охраны памятников и культуры. М., 1973. С. 57-60.
2. Попов А.Д. Память о Великой Отечественной войне в идеологической парадигме советского туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2020. № 3. С. 43-48.
3. Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967 гг.) // Труды Научно-исследовательского института музееведения и охраны памятников истории и культуры. – 1970. – № 22. – С. 3-127.

50 Фролов А.И. Изучение и паспортизация памятников культуры России: опыт, тенденции, проблемы // Музееведение. Из истории охраны и использования культурного наследия РСФСР. М., 1987. С. 55-56.

51 Там же. С. 50.

4. Культура в нормативных актах Советской власти: 1938–1960 гг. / сост., введ. К.Е. Рыбак. М., 2011. – 591 с.

5. Савельев Н.С. Великая Отечественная война как направление работы экскурсионных организаций Новгорода в 1960–1970 гг. // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 87. Ч. 2. С. 49. – С. 48-51.

6. Охрана памятников истории и культуры: Сб. док. / Сост. Г.Г. Анисимов. М., 1973. – 191 с.

7. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях Съездов, Конференций и Пленумов ЦК. Т. 10: 1961–1965. Изд. 9 доп. и испр. М., 1986.

8. Свичкарь И.Г. Деятельность государственных органов власти и общественных организаций по сохранению историко-культурного наследия на Южном Урале в середине 1960-х – начале 2010-х годов (по материалам Челябинской области): дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Челябинск, 2014. – 209 с.

9. Тронько П.Т. Воплощение идей советского патриотизма и дружбы народов Союза ССР в памятниках Великой Отечественной войны 1941-1945 годов // Памятники Великой Отечественной войны в патриотическом воспитании трудящихся. М., 1985. С. 24-36.

10. Хануков А.С. Доклад Центральной ревизионной комиссии Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры // Материалы второго съезда Всероссийского общества охраны памятников и культуры. М., 1973. С. 37-46.

11. Шулепова Э.А. О роли государственного и общественного руководства охраной памятников истории и культуры // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. Т. 78. М., 1979. С. 6-30.

12. Фролов А.И. Изучение и паспортизация памятников культуры России: опыт, тенденции, проблемы // Музееведение. Из истории охраны и использования культурного наследия РСФСР. М., 1987. С. 46-63.

13. Научный архив Федерального государственного бюджетного научно-исследовательского учреждения «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева» (Институт Наследия) (далее – НА ИН). Ф. 4. Оп. 2. Д. 21.

14. НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 28.

15. НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 50.

16. НА ИН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 51.

17. НА ИИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 60.
18. НА ИИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 63.
19. НА ИИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 143.

20. НА ИИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 145.
21. НА ИИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 158.
22. НА ИИ. Ф. 4. Оп. 2., д. 199.

ON THE PROTECTION OF MONUMENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE SECOND HALF OF THE 1950S — THE END OF THE 1980S

Kokhan Andrej Alekseevich,
Candidate of Historical Sciences,
Resesarcher of the Likhatchev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage
(Heritage Institute),
129366, Moscow, Kosmonavtov st., 2,
a_kokhan@mail.ru

Abstract

The main issues of the collection of monuments about the events of the Great Patriotic War, solved by large and interested members of organizations in the period from 1954 - the moments of the formation of the culture of the USSR, to identify the beginning of the manifestation of the entire system of protection of monuments of intangible heritage in the Soviet Union are considered.

Keywords

Protection of monuments, registration of monuments, monuments of the Great Patriotic War, Scientific and Methodological Council for the Protection of Monuments, Academy of Sciences of the USSR, legislation on the protection of monuments.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

RAR
ББК 79
УДК 069
DOI 10.34685/НН.2022.39.4.010

МУЗЕИ ГОРОДА ИРКУТСКА В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ЗАДАЧИ, ФУНКЦИИ, ИННОВАЦИИ

Саяпарова Екатерина Владимировна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры политологии, истории и регионоведения,
исторический факультет Иркутский государственный университет
ул. Карла Маркса, 1, г. Иркутск, 664003,
ignis_klio@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается роль музеев в изменяющемся в условиях глобализации обществе. Особое внимание уделяется музеям города Иркутска, которые, неизменно находясь в тренде новых веяний и своевременно реагируя на малейшие изменения в области культуры, осуществляют свою деятельность на самом высоком уровне, внедряя в свою деятельность новейшие достижения в области музейной работы, таким образом, соответствуя мировым стандартам.

Ключевые слова

Музейная коммуникация, глобализация, музеи, культурное пространство, музеи Иркутска, музейная коммуникация.

Духовное богатство любого народа в значительной мере определяется его способностью сохранять свою историческую память, беречь и развивать национально-культурные традиции, формировать подрастающие поколения на опыте предыдущих. Важное значение в решении данной задачи играют музеи, которые собирают, сохраняют, реставрируют, класси-

фицируют и экспонируют ценности истории и культуры.

Музеи, являясь хранителями культурных ценностей нации, страны и государства, должны корректировать свои основные задачи, исходя из меняющихся реалий. В современном мире, такими задачами являются: конкурентоспособность; комплектование фондов;

сохранность музейных коллекций; научная деятельность.

Неотъемлемой частью для любого музея является его просветительская и воспитательная деятельность, взаимодействие музея и школы представляет собой важный элемент в сфере образования.

В процессе трансформации музейной работы и внедрения в деятельность музеев инновационных методов увеличивается значимость музея как учреждения, играющего большую роль в организации культурного досуга населения. Перемены в статусе музея отражаются и на экспозиционной деятельности, что в работе большинства музеев, находит выражение в создании более интересных выставок и экспозиций. С целью привлечения большего числа посетителей используются такие методы как воссоздание оригинальных либо уникальных интерьеров, интерактивных технологий, с использованием различных технических средств — звукового сопровождения, киноэкранов, мониторов, компьютеров, а также в использовании театрализованных форм работы с посетителем, музейных концертов, праздников.

Происходящая в современном обществе трансформация ценностей и приоритетов не является чертой или тенденцией, присущей исключительно XXI веку. Однако, всеобщий процесс глобализации поставил музеи в уникальное положение, требующее пересмотра процесса взаимодействия последних со своей аудиторией. Музеи чутко реагируют на все изменения, происходящие в обществе, что, в первую очередь, связано с формированием новых кластеров социально-культурной сфере жизни общества.

Развитию и трансформации музеев в условиях процессов глобализации посвящены работы известных теоретиков и практиков музейного дела. Так, Л.С. Именнова в своей статье рассматривает проблему глобализации и порождаемые ей проблемы взаимодействия музея и общества. Также автор анализирует феномены национальной культуры, их идентичности в условиях глобализации музейной сферы. Рассмотренные примеры, подтверждают, принадлежность музея к неотъемлемым элементам глобализационных процессов¹.

Ряд отечественных ученых, уделяет внимание

1 Именнова Л.С. Музей в глобальном мире // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 1. С. 138 — 143.

непосредственно роли музея в процессах глобализации, например, А.М. Кулемзин считает, что «... именно в поисках действий, объединяющих, а не разъединяющих человечество, на основе понимания и уважения различных сообществ. Музей — одно из средств достижения этой цели. Неомузеология это мировоззрение будущего. С помощью музеев нового типа будут скорее и легче достижимы общечеловеческие идеалы и цели»².

По мнению Е.Н. Мастеницы «процесс глобализации обусловил сущностные трансформации исторически сложившейся модели классического публичного музея, изменил содержание и динамику его функций, явился фактором формирования переходной модели музея как ресурса развития культуры в современных условиях»³.

Исследований, посвященных развитию региональных музеев социокультурной глобализации существует не так много, хотя данная тема, безусловно, является актуальной и трансляция подобного опыта очень важна и представляет интерес для специалистов. Например, статья О. А. Казанцевой посвящена музеям Удмуртии в условиях глобализации. Автор рассматривает взаимосвязи музеев с другими культурными учреждениями, анализирует различные стороны деятельности музеев. Большое внимание уделяется процессам информатизации и новых форм коммуникаций между музеем и его аудиторией⁴.

Среди основных направлений глобализации в социально-культурном пространстве можно выделить следующие:

— развитие массовой культуры, в которой необходимо расширить, в первую очередь, ее положительные черты — доступность памятников духовно-исторической культуры широким слоям населения;

— тенденции к обеспечению всеобщей грамотности и повышению культуры образования;

2 Кулемзин А.М. Музеи — мосты между временами и культурами // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2007. № 2. С. 81 — 85.

3 Мастеница Е. Н. Музей в условиях глобализации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4 (25). С.122.

4 Казанцева О. А. Музеи Удмуртии в условиях глобализации // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 4. № 1.109.

— обеспечение межкультурных коммуникаций в общемировом масштабе.

Точка зрения, при которой музей трактуется как некий склад раритетов, изначально ошибочна. Во все времена, музеи, выполняя функцию просветительского учреждения, поддерживающего духовный рост, сохраняющего коллективную память, оказывая существенное влияние на культурную и социальную жизнь общества.

Коллекции музеев представляют собой подлинные образцы наследия, обладающие духовной ценностью, культурно-просветительским потенциалом, потребность в изучении которых, должна выражаться у посетителей в их стремлении к познанию истории, культуры, природного наследия родного края.

Современные музеи, выступая преемниками традиций, отвергают роль исключительно хранителей, но, позиционируют себя как социальные институты, органично вписывающиеся в современную культуру и являющиеся культурно-просветительскими учреждениями, воспитывающими в подрастающих поколениях не только знания как таковые, но, также прививающие гражданское, эстетическое и нравственное сознание.

В числе факторов, создающих дополнительные проблемы нормальному функционированию музеев можно выделить следующие: отсутствие гарантий защиты со стороны государства и общества; присущий большинству музеев, односторонний взгляд на трансляцию культурного наследия; недостаток эффективного взаимодействия с различными категориями посетителей; отсутствие или недостаток инновационных способов и методов работы, способствующих вовлечению населения в социально-культурную деятельность. Стоит отметить также проблему нежелания ряда музеев соответствовать существующим тенденциям и сознательно отказывающихся от внедрения в свою деятельность новых форм работы с посетителем.

Культура, выступая в роли объединяющего фактора, способствует целостности и стабильности нации, национального самосознания. Государственная и региональная культурная политика должна обеспечивать ее поддержку и защиту на всех уровнях вертикали власти. Иркутская область включает великое многообразие культур, и одна из приоритетных задач культурной политики региона заключается в сохранении уникального историко-культурного наследия.

В области ежегодно проводятся выставки, посвященные искусству, наукам, просвещению, истории, этнографии, посещаемые представителями разных стран. Региональные музеи также проводят выставки в Европе, США, Японии, Китае и т. д., что способствует развитию процесса культурного обмена, происходит взаимообмен информацией и ознакомление общества с национальной культурой каждого этноса. Руководством Иркутской области активно поддерживается политика сохранения культурных памятников, истории народов, искусств.

Коррективы в деятельность всех без исключения музеев были внесены в 2020 году. Несмотря на сложную эпидемиологическую ситуацию, в условиях пандемии все музеи региона продолжали активно функционировать, интегрируя в свою деятельность новые формы и методы работы с посетителем. Массовая информатизация, переход в режим on-line, способствовали процессу глобальной цифровизации. Новые способы взаимодействия с аудиторией позволили музеям не только поддерживать интерес к себе, но и увеличить количество посетителей. На фоне спада коронавирусной пандемии, произошло снижение числа участников виртуальных и дистанционных мероприятий, что легко объяснить накопившейся усталостью от данного формата, однако, цифровые формы работы в дальнейшей работе музеев будут применяться, так как зарекомендовали себя в качестве востребованного аудиторией сегмента.

Музеи города Иркутска, чутко реагируют на глобальные тенденции, своевременно перенимая новые формы и методы работы и подстраиваясь под меняющуюся реальность, не отставая в этом от крупнейших музеев страны.

Глобализационные процессы не отменяют традиционных видов деятельности, музеи в своей работе сочетают привычные всем методы, постепенно интегрируя инновационные элементы, появлению и активному применению которых, способствовала разразившаяся коронавирусная пандемия. В 2020 году музеи, как и весь регион в целом приняли активное участие в праздновании 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, несмотря на ограничительные меры, введенные с целью сдерживания распространения коронавирусной инфекции.

Музей истории города Иркутска провел необычные выставки, приуроченные к великой дате. Горожане получили возможность увидеть

марки и банкноты разного номинала времён войны. Экспонаты были предоставлены частными коллекционерами. Данная выставка экспонировалась в филиале музея «Солдаты Отечества», в рамках выставки также осуществлен показ военных плакатов.

Одним из событий, приуроченных к великой годовщине, помимо традиционных форм празднования даты окончания войны является открытие в г. Иркутске военно-патриотического парка «Патриот», на территории которого, помимо музейного комплекса расположен ряд объектов, позволяющих наглядно продемонстрировать все аспекты походной жизни военнослужащих. Факт запуска данного проекта в условиях пандемии, подчеркивает важность сохранения исторической памяти посредством ее фиксации в культурных комплексах.

Одной из интереснейших выставок музея стала демонстрация дневников известного художника Виталия Роголя. Иркутяне получили возможность знакомиться с заметками, набросками и эскизами, которые были сделаны им во время войны.

Помимо празднования такой знаковой даты как 75-летие Победы в Великой Отечественной войне, этот год в Приангарье ознаменовался и другими масштабными культурными событиями: в 2020 году регион отпраздновал много круглых дат. Так, юбилеи отметили сразу три областных театра, что, безусловно, является весьма значимым событием для региона и для страны в целом и, также получит освещение в музейных мероприятиях города.

Также столетний юбилей в 2020-м году отметили Иркутский художественный музей и государственный архив Иркутской области, также подготовивший ряд выставок, в том числе виртуальных и передвижных, при участии архивных и музейных сотрудников.

Музеи города принимают активное участие в культурной жизни региона и праздновании знаковых дат. В 2018 году Музей истории города Иркутска совместно с педагогическим коллективом исторического факультета Иркутского государственного университета подготовил выставку, приуроченную к столетнему юбилею факультета. Мероприятие широко освещалось в местной и федеральной прессе и вызвало большой интерес среди населения.

Музеи города стабильно входят в престижные отечественные рейтинги. По итогам

2018 года Художественный музей им. В. П. Сукачева, стал одним из самых посещаемых музеев России, его аудитория составила 177 600 человек⁵. В 2020 году иркутская галерея современного искусства Виктора Бронштейна вошла в топ-десять лучших музеев современного искусства России, лидерами в котором являются такие известные учреждения культуры, как Музей современного искусства «Гараж» в Москве, Московский музей современного искусства (ММОМА), музей «Новый Иерусалим» в Истре Московской области и музей современного искусства Эрарта в Санкт-Петербурге. Данный рейтинг представлен согласно итогам исследования популярности музеев, а также их виртуальным турам и экскурсиям по экспозициям⁶. Галерея является крупнейшей в Сибири площадкой, на которой представлены разные направления современного искусства: от экспериментальной живописи до пластических перформансов. Учреждение является одним из наиболее популярных в регионе, как среди посетителей старшего поколения, так и среди молодежи, что обусловлено креативным подходом руководства и сотрудников к осуществлению деятельности. В пространстве галереи действует постоянная экспозиция, а также регулярно проводятся выставки авторов из разных регионов России и зарубежных стран, в том числе российские и мировые премьеры выставочных проектов. Проведение международных симпозиумов и конференций, концертов и спектаклей, демонстрация кинопоказов способствуют имиджу галереи как одного из центров культурной жизни города.

Фактором, влияющим на развитие музеев в условиях глобализации, безусловно, являются социальные сети, как неотъемлемая составляющая формирования имиджа в современном мире. Анализ официальных аккаунтов музеев показал, что единой площадки, гарантирующей успешный диалог с музейной аудиторией, не существует. Большинство музеев представлено во всех значимых социальных сетях, это «ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook», «Instagram», однако популярность этих платформ неоднород-

5 Турстат. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – <http://turstat.com/> (дата обращения: 25.01.21)

6 The Art Newspapers/.Официальный сайт [Электронный ресурс]. — <http://www.theartnewspaper.ru> (дата обращения: 25.01.21)

на. В каждом отдельном случае количество подписчиков отдельно взятого музея отличается на различных его аккаунтах, что можно было бы объяснить возрастом и техническими возможностями населения, однако, данный фактор здесь не работает. Можно сделать вывод о том, что наличие аккаунтов на всех платформах сразу, не позволяет музеям сосредоточиться на качественном обслуживании сразу всех площадок. В результате, активно осваиваются одна-две платформы, что, безусловно, приводит к более эффективным результатам. В том числе, качество обратной связи между музеем и его сообществом в этом случае повышается, а специалисты, отвечающие за связи с общественностью, избавлены от необходимости непрерывного дублирования информации, что могло бы привести к затруднению ее восприятия, так как внимание пользователя снижается при многократном повторении одного и того же контента на различных платформах.

В 2020 году большинство мероприятий были отменены либо перенесены в дистанционный формат, несмотря на это, посещаемость не только не упала, но даже превысила показатели предыдущих лет. Это можно объяснить всеобщей усталостью населения введенными ограничениями, что привело к увеличению интереса к культурной жизни. В период действия строгих ограничительных мер, огромную популярность приобрели всевозможные проекты, запущенные в социальных сетях, возникли целые новые кластеры в социокультурном секторе, значение которых с ослаблением карантинных мероприятий не снизило интереса к ним со стороны широкой общественности. Многие из этих проектов были внедрены музеями, которые, не желая терять своего посетителя, активно использовали все имеющиеся у них возможности, чтобы удержать аудиторию.

Помимо традиционных мероприятий и следуя современным тенденциям, музеи региона для более убедительного представления экспонатов, активно применяют широкий диапазон имеющихся в наличии средств. В частности, использование видео- и звукозаписи, показа фильмов позволяют посетителям глубже погрузиться в событийную эпоху, а применение различных форм интерактивного взаимодействия позволяет вовлекать их в процесс непосредственной коммуникации для лучшего восприятия информации. В последние годы создано очень много аттрактивных заведений музейного типа. Появление

таких учреждений стало результатом возросшего запроса общества на новые формы социокультурной работы. В ходе демонстрации экспонатов, происходит непосредственно процесс обучения. В Иркутске действует несколько подобных учреждений: музей занимательной науки «Экспериментарий», музей оптической иллюзии «Фантаст», сюда же, отчасти можно отнести музей планетария «Ноосфера».

Ежегодно проводимые музеями города и региона, мероприятия, приуроченные к Международному дню музеев, также характеризуются высоким уровнем применения все новых форм и методов и привлекают с каждым годом все большее количество посетителей. Музей декабристов — одна из самых посещаемых культурных достопримечательностей Иркутска, полностью соответствует в своей деятельности заявленному перечню задач, активно применяя различные методики демонстрации историко-культурного наследия. Ежегодная акция «ночь в музее» неизменно представляет собой масштабный культурный проект, привлекающий большое количество гостей. Территория усадьбы, в которой расположен музей, позволяет широко использовать принцип погружения в исторические реалии. Программа мероприятий каждый год посвящена какой-либо центральной теме, что находит отражение в костюмированных представлениях соответствующей эпохи, и выстроенных в полностью идентичных декорациях. Множество интерактивных площадок, проведение мастер-классов, конкурсов и викторин способствуют погружению в историческую атмосферу, позволяют зрителям более наглядно ознакомиться с традициями, обычаями и культурой.

Музеями города и региона регулярно проводятся конференции, издаются печатную продукцию, в том числе книги. Большой популярностью пользуются издания серии «Полярная звезда», посвященные неизданному ранее письменному наследию декабристов.

Среди инновационных подходов в развитии музейного пространства можно выделить такой аспект как музеефикация городских недвижимых объектов. В России формируется тенденция к созданию проектов, которые можно объединить общим названием «Музейный квартал» реализуются в нескольких городах, в том числе в Иркутске. Расположенный в центре города, 130 квартал представляет собой зону

исторической застройки, и является точкой притяжения не только жителей города и региона, но и популярным туристическим объектом. На территории комплекса расположены магазины, музеи, сувенирные лавки, планетарий, гостиницы, кофейни и рестораны и другие объекты. Помимо прочего, музейный квартал претендует на звание бренда города, наряду с другими объектами историко-культурного наследия. Поскольку проблема брендинга в регионе обозначена достаточно остро, актуальность подобных комплексов, их востребованность и узнаваемость работают, в том числе, на имидж города и региона в целом.

Нельзя отрицать того факта, что с развитием средств коммуникации, общество быстро движется к образованию единого мирового общества. Народы, нации и государства не могут существовать изолировано друг от друга, в условиях информационного и культурного вакуума. Сознательная изоляция любого общества приводит лишь к его краху и уничтожению. Процесс глобализации охватывает практически все сферы человеческой деятельности, что лишь усиливает взаимную интеграцию культур и ускоряет создание общего культурного пространства.

Таким образом, одной из первоочередных задач, стоящих перед музеями современности

является изучение новых путей развития и поиска решения в деле создания концепции музея для человека будущего.

Список использованной литературы

1. Галерея В. Бронштейна. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. — <https://www.vbgallery.ru/> (дата обращения: 25.01.21)

2. Именнова Л.С. Музей в глобальном мире // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 1. С. 138–143.

3. Казанцева О. А. Музеи Удмуртии в условиях глобализации // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 4. № 1. С. 101–109.

4. Кулемзин А.М. Музеи — мосты между временами и культурами // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2007. № 2. С. 81–85.

5. Мастеница Е. Н. Музей в условиях глобализации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4 (25). С. 118–122.

6. The Art Newspapers/.Официальный сайт [Электронный ресурс]. — <http://www.theartnewspaper.ru> (дата обращения: 25.01.21)

7. Турстат. Официальный сайт [Электронный ресурс]. — <http://turstat.com/> (дата обращения: 25.01.21)

**MUSEUMS OF THE CITY OF IRKUTSK
IN THE CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL
GLOBALIZATION:
TASKS, FUNCTIONS, INNOVATIONS**

Sajaparova Ekaterina Vladimirovna,

PhD, kafedra politologii, istorii i regionovedenija, istoricheskij fakul'tet
Irkutskij gosudarstvennyj universitet,
SPIN-kod: 4847-4451,
ignis_klio@mail.ru

Abstract

The article examines the role of museums in a changing society in the context of globalization. Particular attention is paid to the museums of the city of Irkutsk, which, always being in the trend of new trends and responding in a timely manner to the slightest changes in the field of culture, carry out their activities at the highest level, introducing the latest achievements in the field of museum work into their activities, thus meeting international standards.

Keywords

Museum communication, globalization, museums, cultural space, museums of Irkutsk, museum communication.

RAR

УДК 069

ББК 79.1

DOI 10.34685/NI.2022.39.4.011

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТА
ОТРАСЛЕВОГО МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ
«ТАВРИЧЕСКАЯ ОБРАЗЦОВАЯ СЕЛЬХОЗЭКОНОМИЯ
(конец XIX— начало XX вв.)»**

Николаенко Николай Васильевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, культурологии
и гуманитарных дисциплин Крымского университета
культуры, искусств и туризма,
ул. Ул. Киевская, д. 39, г. Симферополь, Россия, 295017,
nvn7568119@gmail.com

Попович Наталья Григорьевна,

доктор политических наук, профессор кафедры философии, культурологии
и гуманитарных дисциплин Крымского университета
культуры, искусств и туризма,
ул. Ул. Киевская, д. 39, г. Симферополь, Россия, 295017,
popovi4_61@list.ru

Швецова Антонина Викторовна,

доктор философских наук, профессор, декан
факультета социокультурной деятельности Крымского университета
культуры, искусств и туризма,
ул. Ул. Киевская, д. 39, г. Симферополь, Россия, 295017,
voljaton@rambler.ru

Аннотация

Представлены результаты разработки концептуальных основ историко-культурного проекта создания локального отраслевого музея. Отражен региональный аспект создания локальных музеев в Республике Крым. Рассмотрены основные исторические характеристики, принципиально важные для создания научной концепции проекта музея-усадьбы. Разработана идея построения отраслевой музейной экспозиции в частично сохранившемся загородном памятнике архитектуры с учётом общепринятых подходов в теории и практике музеологии.

Ключевые слова

Отраслевой музей, музей-усадьба, локальная музейная экспозиция, сельхозэкономия, агропромышленная экспозиция, сельскохозяйственный музей, музейный проект

В 2019 году в рамках национального проекта «Культура» начата работа по реализации ведомственного проекта «Возрождение исторических усадеб» (2019–2024 гг.). Основная цель проекта — привлечение частных инвесторов к сохранению усадеб, которые в настоящее время не используются и находятся в неудовлетворительном состоянии; возрождение исторических усадеб с сохранением их культурной ценности и дальнейшее современное использование в качестве культурно-досуговых центров, туристско-рекреационных кластеров, частных музеев и общественных пространств¹.

В современном культурном пространстве Российской Федерации значимую долю составляют музеи. Среди основных профильных групп отечественных музеев особое место занимают отраслевые. Само понятие «отраслевые» предполагает определённое многообразие и соответствующее содержание. И, действительно, группа «отраслевые музеи» представлена музеями различных направлений: педагогическими, сельскохозяйственными, здравоохранения, спорта, отраслевыми персональными, отраслевыми монографическими, и прочими².

Сложно переоценить роль коллекций и экспозиций этих музеев для сохранения историко-культурной памяти в современном культурном пространстве страны. Достаточно назвать Почвенно-агрономический музей им. Академика В.Р. Вильямса, Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева, Музей гигиены Центра медицинской профилактики в Санкт-Петербурге,

Архив-музей Д.И. Менделеева, Музей спорта «Олимпийский комплекс «Лужники»» и др.

К традиции создания отраслевых музеев и экспозиций ученые обращались с начала прошлого века, когда широко распространился интерес к всевозможным формам отраслевых выставок как ответ на соответствующие запросы экономики и общества.

В музейной сети и культуре Республики Крым отраслевые музеи так же занимают важную позицию, и идея построения музейной экспозиции в частично сохранившемся загородном памятнике архитектуры для музейной сети Крыма не нова. Однако, создание не художественной, исторической или краеведческой, а отраслевой — агропромышленной — экспозиции представляет для современного общества особый интерес, так как позволяет сохранить память об отечественных экономических достижениях конкретной культурно- исторической эпохи.

Архитектурные объекты XIX — нач. XX веков на территории крымского полуострова условно можно разделить на три категории: утраченные, частично утраченные и сохранившиеся. Данное исследование ориентировано на вторую категорию и связано с разработкой варианта рационального использования объекта после процесса его музеефикации и реставрации. В основе предлагаемой научной концепции музейного проекта «Таврическая образцовая сельскохозяйственная экономика (к. XIX — нач. XX веков)» лежит задача сохранения историко-культурного наследия и аграрных и промышленных традиций Крыма.

Отраслевые сельскохозяйственные музеи России стали возникать со второй половины XIX в. (например, «Отечественный музей сельскохозяйственных произведений» в Санкт-Петербурге, 1859 г.). И это не случайно, так как конец XIX — начало XX веков — период, когда развитие сельского хозяйства ориентируется на научные достижения, увеличивается количество использования машин в сельском хозяйстве, применяются новые технологии. К тому времени ответственные за аграрную политику чиновники начинают осознавать, какую важную роль в этой сфере могут сыграть аграрные выставки, в том числе — с постоянными экспозициями, предлагаемыми соответствующими музеями. Поэтому одновременно и сельскохозяйственные музеи, и сельскохозяйственной стали пополняться машинами

1 Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2019 году / Министерство культуры Российской Федерации, 2020. С. 2. URL: <https://libfl.ru/attachments/attachment/original/5f8d602c395b373227b14c9d-original.pdf>; Галиченко А.А. Старинные усадьбы Крыма. Симферополь : Бизнес-Информ, 2008. 416 с.; Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» : монография / Т.П. Поляков, Т.А. Зотова, Ю.В. Пустовойт, О.Ю. Нельзина, А.А. Корнеева ; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. М. : Институт Наследия, 2021. 438 с. URL: <http://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2021/02/ekspozitsionnaya-deyatelnost-muzeev.pdf>

2 Сапанжа О. С. Классификация музеев и морфология музейности: структура и динамика // Вопросы музеологии, 2012. № 1 (5). С. 3-12.

из всемирных и национальных выставок, проведение которых началось с 1851 года.

Собранный для таких выставок материал во многих случаях служил основой для создания сельскохозяйственных музеев и коллекций. Безусловно, специфика подобного профиля музея предполагала как оригинальное развитие, так и возможность постоянного эксперимента (прежде всего экспозиционного), вариативность практической деятельности³.

В музеологии выделяют несколько типов сельскохозяйственных музеев. Прежде всего, это: — комплексные сельскохозяйственные музеи, посвященные всем или, по крайней мере, наиболее важным отраслям сельского хозяйства и переработке сельскохозяйственных продуктов; — музеи, дающие общую картину сельского хозяйства данной области или страны; — музеи, показывающие сельское хозяйство во всех его многообразных аспектах и связях. Например, ВДНХ в Москве — крупнейший в мире экспозиционный, музейный и рекреационный комплекс, где представлены достижения отечественного сельского хозяйства (выставка «Агроферма», Павильон № 36 «Продукция переработки сельского хозяйства» и т.п.).

В сельскохозяйственных музеях специализированного типа собраны и выставлены предметы, используемые в одной или нескольких отраслях. Есть, например, музеи, посвященные лесному хозяйству или охоте, рыболовству, виноградарству и виноделию, садоводству, пчеловодству, выращиванию лошадей и крупного рогатого скота, сельскохозяйственным орудиям и многому другому. У таких музеев есть то преимущество, что они могут содержательно показать небольшой по фонду материал. Однако их серьезный недостаток состоит в том, что при этом экспонируемый материал изолируется от сельского хозяйства региона или страны в целом.

Есть музеи, которые имеют отделы, посвященные той или иной отрасли сельского хозяйства (например, Национальный музей Республики Карелия). Естественнонаучные музеи в определенном смысле так же можно рассматривать как информационно-сельскохозяйственные, поскольку они раскрывают и отображают прошлое и насто-

ящее различных видов растений и животных, однако при этом меньше внимания уделяют вопросам экономики (например, Естественнонаучный музей инноваций г. Ростов-на-Дону, Тамбовский музей развития сельского хозяйства Амурской области и др.).

К данной категории могут быть отнесены и краеведческие музеи, музеи истории соответствующих заводов или фабрик, некоторые мемориальные музеи. Как правило, они имеют небольшие коллекции, демонстрирующие историю выращивания и использования какого-то растения, например хлопка или чая, или посвящены определенному виду животных или их породам (Музей ивановского ситца, Музей «Море чая» в Санкт-Петербурге и др.).

Как отмечалось выше, существует такая группа, как мемориальные музеи, созданные в честь какого-либо выдающегося деятеля или пионера сельского хозяйства (Музей-усадьба А.Т. Болотова «Дворяниново», Музей Хреновского конного завода в Воронеже и др.). Как правило, история этих музеев связана с историей соответствующих усадеб.

В сельской местности Крыма так же сохранилось несколько подобных помещичьих усадеб. В частности, одним из удивительных строений степного Крыма является объект историко-культурного наследия, памятник архитектуры — усадьба-дом помещика Ф.М. Шлее. Расположен он в Сакском районе, в селе Орехово.

Со второй половины XIX в. представители семейства Шлее занимали видное положение в крымском сообществе. Среди них были купцы, помещики, юристы, врачи. Целеустремленные и предприимчивые переселенцы из Южной Германии, они уверенно осваивали новый край. Благодаря своему трудолюбию, Шлее приобрели значительные финансовые средства, которые успешно пускали в оборот: много строили, интенсивно осваивали степные районы полуострова. Значительна деятельность представителей династии и в органах местного самоуправления: представители данного семейства присутствовали в Симферопольском земстве, Симферопольской городской думе, Таврическом губернском земском собрании⁴.

3 Шляхтина Л.М. Основы музейного дела: теория и практика. М.: Высшая школа, 2009. С. 43.

4 Шаутин Н.В. Новые явления хозяйственной жизни. Расширение рыночных отношений // История Крыма. Симферополь: Атлас-Компакт, 2013. 417 с.

Известно, что в степном Крыму в 1870–80-е годы наибольшую прибыль приносило овцеводство, т.к. овечья шерсть по стабильно высокой цене сбывалась за рубежом и на внутреннем рынке. Шлее содержали многосотенные отары овец: «Немецкие колонисты окончательно заполнили Крым стадами тонкорунных испанских овец»⁵. А когда качество шерсти снизилось, Евпаторийская управа организовала экспедицию в Бухару за покупкой каракулевых овец (1889г. и 1896 г.), и в списке помещиков, купивших среднеазиатских овец, значились представители семейства Шлее — Леонид и Константин⁶.

В результате, к началу XX века семейство владело уже несколькими имениями. В трех из них были созданы хорошо организованные аграрные предприятия, в которых содержали стада овец, коров, лошадей. Такие имения в то время именовались экономиями («экономия», т.е. крупное хозяйство). Экономии Шлее назывались по наименованию деревень — «Чеботары», «Чолгары», «Чуйке». Эти деревни обозначены на старых губернских картах с отдельной пометкой «Эк. Шлее»⁷.

В экономиях имелись сеялки, веялки, сенокосилки, сноповязалки, паровые молотилки, сепараторы и т.п. Для обработки земель и ухода за животными нанималось более 150 работников⁸. В экономии «Чеботары» Шлее проводили эксперименты по племенному животноводству, исследуя передачу наследственных признаков.

В 1902 г. экспертная комиссия губернской сельхозвыставки наградила Фердинанда Шлее золотой медалью за высокие достижения⁹.

В 1920 г. Шлее были вынуждены эмигрировать в Европу.

Старый помещичий дом Ф.М. Шлее, построенный в стиле крымского рококо, хорошо виден с трассы Симферополь — Евпатория, перед

въездом в с. Орехово. Здание является редким образцом сельской застройки (имя архитектора неизвестно). Усадьба была построена в середине XIX в. и представляет собой добротное здание с толстыми стенами и прочным фундаментом. Архитектурный стиль эклектичен — трехэтажная башня (псевдоготика). В плоской черепичной крыше и стрельчатых окнах угадываются восточные мотивы, а флигель (людские и хозяйственные помещения) перекликаются со стилем русской помещицкой усадьбы XIX в.

Рядом был разбит парк и питомник сельскохозяйственных и садовых растений¹⁰. Закладкой и разбивкой парка занимался выдающийся парковый архитектор Павел Сидорович Мельниченко (в 1888 году он был награжден Большой медалью губернской сельскохозяйственной и промышленной выставки в г. Симферополь, а в 1894 году — Большой бронзовой медалью в память о пятидесятилетия Уманского училища земледелия и садоводства). На базе парка Мельниченко основал питомник сельскохозяйственных и декоративных растений, так как нигде в Евпаторийско-Сакской степи не было такой плодородной земли, как в Чеботарах.

Как памятник архитектуры, дом Ф.М. Шлее состоит в списке объектов культурного наследия регионального значения.

В настоящее время, к сожалению, дом в аварийном состоянии и продолжает разрушаться. Однако, мы имеем как общероссийские, так и исключительно крымские, региональные примеры, когда удавалось восстановить и более сложные архитектурные объекты (ярким примером того является гостиничный и культурный комплекс в селе Цветущее — поместье И.Н. Шатилова, нач. XX в. — однако этот частный проект скорее исключение).

Идея возрождения дома-усадьбы Ф.М. Шлее как архитектурного памятника и создания на его основе соответствующей музейной экспозиции основана на исследовательском опыте отечественных и зарубежных учёных. В частности, глубокий анализ судьбы земельных владений и влияния семейства Шлее на социально-экономические процессы в Таврической губернии представлен в научных исследованиях Вишняковой Н.Е. В особенности, автор отмечает широкое внедрение прогрессив-

5 Евпаторийское уездное земство / Сборник документов. Евпатория, 1896. С. 80.

6 Комиссарова В.В. Крымская династия Шлее. Симферополь: Н. Ореанда, 2012. 88 с.

7 Секиринский С. А. Аграрные отношения в Крыму в период позднего феодализма (XVI-пер. пол. XIX вв.). Симферополь: СГУ, 1984. С. 44.

8 ГАРК – Ф.Р. – 1825. Оп. 1. Д. 6. 105-111 л.

9 Комиссарова В.В. Служение Симферополю. Александр Шлее. Симферополь: Н. Ореанда, 2009. С. 37.

10 Комиссарова В.В. Крымская династия Шлее. Симферополь: Н. Ореанда, 2012. С. 80.

ных методов организации сельскохозяйственного труда в сельхозэкономии Шлее, что способствовало расцвету экономики губернии и укреплению авторитета представителей данного семейства¹¹.

Концепция историко-культурного проекта отраслевого музея-усадьбы «Таврическая образцовая сельхозэкономия (к. XIX — нач. XX веков)», предлагаемая в нашем исследовании, содержит основные идеи и положения по созданию музея на территории бывшего имения «Чеботары». Музеефикация загородной усадьбы «Чеботары» предполагает наличие проекта ее регенерации, что позволит после проведения реставрационных мероприятий преобразовать усадьбу в музей и создать музейную экспозицию, посвященную агропромышленному развитию степных регионов Крыма, а также уникальному опыту династии немецких колонистов Шлее, за сравнительно короткий период создавших образцовую сельхозэкономия.

Как известно, разработка научной концепции музейного проекта предполагает наличие экспозиционного замысла и общих представлений о структуре будущей экспозиции¹². Поэтому концепция содержит: определение темы и основной идеи; определение цели и задач; выявление основной проблематики; тематическую структуру (с кратким описанием тем и подтем); план комплектования; выводы (заключение). При создании научной концепции музейной экспозиции использовались архивные документы, статистические данные, монографии российских (в т.ч. крымских) исследователей.

Тема научной концепции отраслевого музея-усадьбы «Таврическая образцовая сельхозэкономия (к. XIX — нач. XX веков)» и соответствующей музейной экспозиции — отражение деятельности шлеевской экономии «Чеботары» — одного из сельхозпредприятий, которые успешно функционировали в Таврической губернии.

Идея проекта — раскрыть музейными средствами важный и малоизвестный аспект отече-

ственной истории — а именно опыт создания эффективного сельхозпроизводства в естественных и социо-культурных условиях Крыма. При соответствующем юридическом подходе и разумном инвестиционном решении эта идея представляется плодотворной и перспективной, так как позволит взглянуть на памятники культурного и природного наследия с точки зрения их социально-экономической ценности.

Цель проекта — создать музейную экспозицию, которая представит конкретную и образную информацию о развитии сельского хозяйства Таврической губернии к. XIX — нач. XX вв.: первоначально как выставочный вариант, а в перспективе — как стационарный комплексный музейный объект, реализующий один из основных принципов экспозиционной деятельности — неразрывность физического и духовного сохранения памятников истории и культуры¹³.

Задачи проекта — обозначить основные направления деятельности по созданию экспозиции; разработать тематическую структуру и план комплектования; выработать конкретные предложения по организации соответствующих мероприятий.

При выборе актуальных экспозиционных методов и технологий предлагается учитывать тенденции в современной музеологии к их объединению, что будет способствовать максимальному «погружению» потенциального посетителя в историческую среду, моделируемую в музейном пространстве¹⁴.

Объединение же экспозиционных методов и технологий создания и функционирования музея «под крышей» и музея «под открытым небом» позволит расширить интерпретацию понятия «объект историко-культурного наследия», подключив к музею-усадьбе территорию с. Чеботары¹⁵.

11 Вишнякова Н.Е. Имение семьи Шлее в Таврической губернии и его трансформация в начале XX века. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imenie-semi-shlee-v-tavricheskoy-gubernii-i-ego-transformatsiya-v-nachale-xx-veka/viewer> (дата обращения: 28.06.2022).

12 Майстровская М.Т. Музейная и выставочная экспозиция: проблемы современного уровня качества. / Майстровская М. Т. Музейные тетради Крымской музеологической школы. Коктебель, 2017. С. 66-79

13 Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»: монография / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Пустовойт, О. Ю. Нельзина, А. А. Корнеева; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. М.: Институт Наследия, 2021. 438 с. URL: <http://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2021/02/ekspozitsionnaya-deyatelnost-muzeev.pdf>. С. 42

14 Там же. С. 91.

15 Там же. С. 91-101.

Предлагаемая тематическая структура экспозиции состоит из:

Тема 1. История агропроизводства в степных уездах Таврической губернии. Подтема 1 — экономическая жизнь края: рост земледелия и развитие промыслов сельского населения (первая пол. XIX в.); подтема 2 — новые явления в хозяйственной жизни: расширение сферы рыночных отношений (1861–1920 гг.).

Тема 2. Образцовая сельхозэкономия «Чеботары» Евпаторийского уезда (1850-е — 1920 гг.). Подтема 1 — династия Шлее и ее роль в истории Крыма; подтема 2 — история создания династией Шлее и деятельность образцовой сельхозэкономии.

В перспективе представляется возможным создание своеобразного ретро-депо сельхозтехники (т.е. экспозиции под открытым небом на специальной площадке). При этом следует учитывать, что настоящее время вокруг строения расположен фруктовый сад, сохранение которого является обязательным условием при создании музейного комплекса.

Как видим, данный проект подразумевает комплексный подход и предполагает привлечение различных спонсоров и инвесторов, а также целого ряда специалистов: архитекторов, инженеров-строителей, геодезистов, геологов, музейных консерваторов и реставраторов, археологов и искусствоведов, специалистов сельского хозяйства и т.п. для решения многочисленных проблем и вопросов, особенно в отношении приоритетов, объема и порядка необходимых работ.

Очевидно, что у каждого из участников реализации проекта будет свой взгляд на решение предлагаемой концептуальной идеи. К примеру, цель инвестора состоит в том, чтобы достичь желаемой цели с минимальными затратами, окупить инвестиции как можно быстрее, чтобы после этого получить прибыль.

Архитектор, несомненно, играет ведущую роль, особенно если он также выступает в качестве координатора разработки и реализации концепции. Он должен обладать обширными и всесторонними знаниями по широкому кругу связанных с концепцией проблем и нести наибольшую ответственность.

Роль инженеров-строителей также важна, поскольку ожидается, что они будут принимать точные и конкретные решения.

Необходимым шагом станет создание плана комплектования: обращение к потомкам династии (фотографии, рисунки, документы, мемориальные личные вещи и проч.); обращение к специалистам музейной и архивной сферы по организации корпуса копийного материала по истории развития сельского хозяйства в губернии. Фактически — это архивные документы, ранние сельскохозяйственные записи (счета, хранящиеся книги, дневники, договоры и т. д.), технические чертежи, спецификации, отчеты об экспериментах, обзоры рынка, а также деловые записи и торговые каталоги.

Создание банка информации к проекту позволит проводить в перспективе полевые экспедиции с целью выявления подлинников и формирования музейной коллекции. Макеты, модели, инструменты и прочее (научно-вспомогательный корпус) дополнят будущую экспозицию.

Из сказанного выше становится очевидным, что подобный музей должен использовать информационные материалы из разных областей знания — как естественнонаучного, так и гуманитарного.

При этом, наряду с историко-культурологическими достоинствами, предложенная концепция музея-усады является инвестиционно и экономически привлекательной, так как связана с инфраструктурой и основными специализациями региона — сельским хозяйством, санаторно-курортным комплексом и промышленностью.

Необходимо отметить, что Сакский район сегодня выступает одним из самых крупных производителей сельхозпродукции в Крыму. Основными направлениями в растениеводстве являются производство зерна (пшеница и ячмень) и семян масличных культур (подсолнечник, лен, горчица); в животноводстве — мясо-молочное скотоводство, свиноводство, овцеводство, птицеводство. Район входит в число лидеров республики по производству винограда и плодово-ягодных культур¹⁶.

В частности, в нем в настоящее время осуществляются такие крупные инвестиционные проекты, как современный сельскохозяйственный комплекс по выращиванию молочного стада КРС и кур яичной породы Хайсекс на базе

16 Паспорт Крыма. URL : <https://minec.gov-murman.ru/documents/pasport-kryma.pdf>. С. 127.

предприятия ГУП РК УО ППЗ им. Фрунзе; растениеводство и садоводство на базе земель ГП совхоз-завод «Евпаторийский»; современное винодельческое хозяйство на базе земельных участков и др.

Безусловно, создание музея-усадьбы обеспечит повышение интереса к агропромышленному сектору Крыма, понимание преемственности социально-экономического развития региона, его туристскую привлекательность, формирование патриотических убеждений и социальной активности населения.

Развитие современных высокотехнологичных производств — агропромышленных комплексов в РФ является приоритетным направлением сельского хозяйства, а потому активное изучение и использование знаний об историческом становлении подобных отечественных предприятий и ими накопленного опыта принесет ощутимую как социо-культурную, так и экономическую пользу. И значительная роль в этом процессе принадлежит культурно-просветительской деятельности локальных отраслевых музеев.

Предложенная концепция культурно-исторического проекта усадьбы-музея как памятника успешной агропромышленной деятельности и соответствующих выдающихся достижений имеет перспективное научное и практическое значение. Музеефикация усадьбы, реставрационные мероприятия, разработка архитектурно-художественной композиции (а впоследствии и технической) приведут к созданию на полуострове еще одной музейной площадки — научной и образовательной, оригинальной и перспективной, направленной на привлечение интереса к малоизвестной странице истории и экономике Тавриды. Полагаем, что опыт создания отраслевого (в данном случае агропромышленного или сельскохозяйственного) музея-усадьбы послужит креативным посылом к планированию и реализации подобных, еще недостаточно практикуемых, проектов в региональном культурном пространстве.

Список использованной литературы

1. Вишнякова Н.Е. Имение семьи Шлее в Таврической губернии и его трансформация в начале XX века. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imenie-semi-shlee-v-tavricheskoy-gubernii-i-ego>

transformatsiya-v-nachale-xx-veka/viewer (дата обращения: 28.06.2022).

2. Галиченко А.А. Старинные усадьбы Крыма. Симферополь: Бизнес-Информ, 2008. 416 с.

3. ГАРК – Ф.Р. – 1825. Оп. 1. Д. 6. 105-111 л.

4. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2019 году / Министерство культуры Российской Федерации, 2020. 200 с. URL: <https://libfl.ru/attachments/attachment/original/5f8d602c395b373227b14c9d-original.pdf>

5. Евпаторийское уездное земство / Сб. документов. Евпатория, 1896.

6. Комиссарова В.В. Крымская династия Шлее / В. В. Комиссарова. Симферополь: Н. Ореанда, 2012. 88 с.

7. Комиссарова В.В. Служение Симферополю. Александр Шлее. – Симферополь: Н. Ореанда, 2009. 88 с.

8. Майстровская М.Т. Музейная и выставочная экспозиция: проблемы современного уровня качества / М.Т. Майстровская. Музейные тетради Крымской музеологической школы. Коктебель, 2017. С. 66-79.

9. Паспорт Крыма. URL : https://minec.gov-murman.ru/documents/pasport-kryma_.pdf. С. 127.

10. Сапанжа О. С. Классификация музеев и морфология музейности: структура и динамика // Вопросы музеологии, 2012. № 1 (5). С. 3-12.

11. Секиринский С. А. Аграрные отношения в Крыму в период позднего феодализма (XVI-пер. пол. XIX вв.). Симферополь: СГУ, 1984. 131 с.

12. Шаутин Н.В. Новые явления хозяйственной жизни. Расширение рыночных отношений // История Крыма. Симферополь: Атлас-Компакт, 2013. 417 с.

13. Шляхтина Л.М. Основы музейного дела: теория и практика. М.: Высшая школа, 2009. 183 с.

14. Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»: монография / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Пустовойт, О. Ю. Нельзина, А. А. Корнеева; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. М.: Институт Наследия, 2021. 438 с. URL: <http://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2021/02/ekspozitsionnaya-deyatelnost-muzeev.pdf>

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE HISTORICAL
AND CULTURAL PROJECT OF THE SECTORAL
MUSEUM-ESTATE «TAURIDE EXEMPLARY
AGRICULTURAL ECONOMY
(LATE XIX— EARLY XX CENTURIES)»

Nikolaenko Nikolay Vasilyevich,

PhD in History, Associate Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Humanities, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Kievskaya str., 39, 295017 Simferopol, Russia), nvn7568119@gmail.com

Popovich Natalia Grigoryevna,

DSc in of political sciences, Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Humanities, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Kievskaya str., 39, 295017 Simferopol, Russia, popovi4_61@list.ru

Shvetsova Antonina Viktorovna,

DSc in Philosophy, Professor, The Dean of the Faculty of Socio-Cultural Activities, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Kievskaya str., 39, 295017 Simferopol, Russia, voljaton@rambler.ru

Abstract

The article presents the results of the development of the conceptual foundations of the historical and cultural project for the creation of a local branch museum. The authors have chosen a significant aspect of museology - the problem of developing the museum network of the region to popularize the historical and socio-economic heritage of the past, reflecting the regional aspect of creating local museums in the Republic of Crimea. The main historical characteristics that are fundamentally important for creating a scientific concept of the museum-estate project are considered. The idea of building a sectoral museum exposition in a partially preserved suburban architectural monument has been developed, taking into account generally accepted approaches in the theory and practice of museology.

Keywords

Industry museum, estate museum, local museum exposition, agricultural economy, agro-industrial exposition, agricultural museum, museum project.

RAR

УДК 069.01

ББК 79.1

DOI 10.34685/NI.2022.39.4.012

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС КАК ФОРМА УВЕКОВЕЧЕНИЯ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Юренева Тамара Юрьевна,

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник –

руководитель центра музейной политики

Российского научно-исследовательского института

культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва,

Берсеневская наб., 18-20-22, стр. 3, 119072 Москва, Россия,

iureneva@mail.ru

Аннотация

Анализируется формирование и развитие в России мемориальных комплексов, хранящих и конструирующих память о советских политических репрессиях. Рассматриваются практики монументальной коммеморации и мемориальные стратегии региональных и местных властей, общественных организаций и Русской православной церкви.

Ключевые слова

Мемориальный комплекс, музейно-мемориальный комплекс, увековечение памяти жертв политических репрессий, мемориализация, музеи памяти, монументальная политика.

Среди объектов, создаваемых в память исторических событий и выдающихся личностей, особую значимость имеют мемориальные комплексы, которые могут включать монументальную скульптуру и живопись, архитектурные и садово-парковые сооружения, захоронения, культовые постройки, а также музейно-выставочные пространства. Мемориальные комплексы хранят память о различных событиях национальной истории, павших воинах и жертвах мировых войн, прославляют национальное прошлое и великие личности. Когда после событий Второй мировой войны и Холокоста в мире начал распространяться мощный дискурс прав человека, стали учреждаться мемориалы и музеи, конструирующие

память о политическом насилии и преступлениях против человечности в недавнем прошлом. Таковы, например, Яд Вашем — Мемориальный комплекс истории Холокоста в Иерусалиме, Мемориал убитым евреям Европы в Берлине, Мемориал геноцида в Кигали (Руанда), Музейно-мемориальный комплекс жертв политических репрессий и тоталитаризма «АЛЖИР» в Акмоле (Казахстан). Мемориальные комплексы, сохраняющие и конструирующие память о политических репрессиях, ГУЛАГе и депортациях народов, появились и в постсоветской России.

Среди объектов, создаваемых в память исторических событий и выдающихся личностей, особую значимость имеют мемориальные комплек-

сы, которые могут включать монументальную скульптуру и живопись, архитектурные и садово-парковые сооружения, захоронения, культовые постройки, а также музейно-выставочные пространства. Мемориальные комплексы хранят память о различных событиях национальной истории, павших воинах и жертвах мировых войн, прославляют национальное прошлое и великие личности. Когда после событий Второй мировой войны и Холокоста в мире начал распространяться мощный дискурс прав человека, стали учреждаться мемориалы и музеи, конструирующие память о политическом насилии и преступлениях против человечности в недавнем прошлом. Таковы, например, Яд Вашем — Мемориальный комплекс истории Холокоста в Иерусалиме, Мемориал убитым евреям Европы в Берлине, Мемориал геноцида в Кигали (Руанда), Музейно-мемориальный комплекс жертв политических репрессий и тоталитаризма «АЛЖИР» в Акмоле (Казахстан). Мемориальные комплексы, сохраняющие и конструирующие память о политических репрессиях, ГУЛАГе и депортациях народов, появились и в постсоветской России.

15 августа 2015 г. Правительство Российской Федерации утвердило Концепцию государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий. Срок ее реализации, первоначально рассчитанный на период до 2019 г. включительно, по поручению Президента России был продлен еще на пять лет распоряжением Правительства № 522-р¹. Концепция определяет основные направления, формы и методы деятельности по увековечению памяти жертв политических репрессий, уделяя особое внимание таким объектам, как мемориалы, произведения монументального искусства и тематические экспозиции. В этой связи изучение мемориальных комплексов как особой практики монументальной коммеморации жертв политических репрессий имеет несомненную актуальность.

Идея об увековечении памяти жертв политических репрессий впервые прозвучала в 1961 г. с трибуны XXII съезда КПСС из уст первого секретаря ЦК Н. С. Хрущёва, предложившего воздвигнуть памятник видным деятелям Коммунистической партии и государства, репрессированным в годы культа личности. Реального воплощения эта мысль тогда не получила, но намерение создать всесоюзный памятник жертвам репрессий актуализировалось в эпоху перестройки, при этом инициатива исходила от граждан страны, обращавшихся с соответствующими предложениями в средства массовой информации и высшие органы государственной власти. Осенью 1987 г. инициативная группа «За увековечение памяти о жертвах репрессий» организовала кампанию по сбору подписей под обращением в Верховный Совет СССР с просьбой разрешить создание мемориала. Петицию подписали около 45 тыс. человек из разных городов страны. В ней предлагалось создать не просто памятник, а мемориал, который станет «не только выражением всенародной скорби, но и информационно-исследовательским и просветительским центром, препятствующим забвению трагических событий в недавней истории нашей страны»; таким образом, речь шла о мемориальном комплексе, включающем музей, архив, библиотеку и общественное пространство для диалога².

В 1988–1989 гг. в Москве проходил Всесоюзный открытый конкурс на лучший проект памятника жертвам беззакония и репрессий, имевшим место в годы культа личности. Среди нескольких сотен проектов, исполненных в виде макетов, текстов-описаний и эскизов, были и такие, которые описывали мемориал как комплекс объектов: памятник, информационный центр, аллея памяти³. Однако конкурс так и не выявил победителей: жюри не смогло выбрать лучший проект для реализации. Вместо монумента 30 октября 1990 г. на Лубянской площади в Москве в сквере перед Политехническим музеем по инициативе общественности и на средства Правительства Москвы был установлен закладной валун

1 Концепция Государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. URL: http://president-sovet.ru/docs/normative_initiatives/kontseptsiya_gosudarstvennoy_politiki_po_uvekovecheniyu_pamyati_zhertv_politicheskikh_repressiy/ (дата обращения: 09.06.2022)

2 Обращение Мемориала в ВС СССР // Архив Международного Мемориала. URL: <http://prequel.memo.ru/> (дата обращения: 08.06.2022).

3 Память в проекте // Международный Мемориал. URL: <http://www.project.memo.ru/> (дата обращения: 31.05.2022).

будущего национального мемориала жертвам политических репрессий — Соловецкий камень.

В 1989 г. Верховный Совет СССР и Политбюро ЦК КПСС наделили региональные и местные органы власти полномочиями по сооружению памятников и мемориалов жертвам политических репрессий; это способствовало развитию процесса децентрализации монументальной политики⁴. С начала 1990-х гг. многие монументальные коммеморативные практики возникают и воплощаются в жизнь по инициативе региональных и местных властей, общественных организаций и просто групп граждан.

Среди реализованных проектов следует отметить создание мемориального комплекса в Томске, который включает музеефицированный объект «Следственная тюрьма НКВД» и Сквер Памяти. В кирпичном здании, построенном в начале XX в. для приходской школы, в годы Первой мировой войны размещался госпиталь, а в 1923–1944 гг. — следственный изолятор Томского городского отдела ОГПУ — НКВД. Решение о его музеефикации Томский областной совет народных депутатов принял 13 июня 1989 г.⁵ Реконструкция и ремонт подвальных помещений, выделенных музею, восстановление утраченного тюремного интерьера, комплектование музейной коллекции потребовали значительных усилий и времени. Поэтому открытие музея для посетителей состоялось только в 1996 г.

Его экспозиция включает реконструированный тюремный коридор, камеру для подследственных заключенных и интерьер кабинета следователя. В ней представлены документы и материалы о репрессиях не только на Томской земле, но на всей территории Советского Союза. Среди экспонатов — личные вещи репрессированных, предметы быта 1930–1950-х гг., архивные справки о реабилитации, письма из ГУЛАГа, подлинники следственных дел и многое другое. Музей ведет активную работу по увековечению памяти жертв политических репрессий, но его успешному развитию мешают нерешенные вопросы о праве соб-

ственности на занимаемые помещения и острая нехватка финансирования.

На прилегающей к музею территории, в 1920–1940-е гг. служившей внутренним двором тюрьмы, теперь располагается Сквер Памяти. 26 октября 1992 г. здесь состоялось торжественное открытие мраморной стелы, надпись на которой гласит: «В память убиенных на Томской земле в годы большевистского террора установлен этот КАМЕНЬ СКОРБИ». В 2002–2016 гг. были установлены памятные знаки репрессированным калмыкам, полякам, эстонцам, латышам и литовцам⁶.

В середине 1990-х гг. появились мемориальные комплексы, посвященные депортированным народам, в отношении которых на государственном уровне проводилась «политика клеветы и геноцида, сопровождавшаяся их насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований, перекраиванием национально-территориальных границ, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселения»⁷.

28 декабря 1996 г. в жилом массиве на востоке Элисты состоялось торжественное открытие мемориального комплекса «Исход и возвращение»; его воздвигли по инициативе президента Калмыкии К. Н. Илюмжинова на средства правительства республики. По замыслу авторов, скульптора Эрнста Неизвестного и архитектора Сергея Курнеева, в композиции мемориала воплощены принципы современной монументальной скульптуры и сакральные коды калмыцкой культуры. Отлитый в США бронзовый монумент доставили в Элисту и установили на вершине искусственного насыпного кургана, заложив под памятником капсулу с землей из мест ссылки калмыков. Поднимаясь по спиралевидной дороге на вершину кургана, человек совершает соответствующий ритуалу поминовения у калмыков обход вокруг скульптуры. Монумент, призванный передать стойкость духа калмыцкого народа, сумевшего выстоять и вернуться на родную землю, наполнен образами, метафорами, аллегориями и символами, в том числе

4 См.: Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы / В. В. Бондарь, А. Н. Еремеева, О. Н. Маркова, Т. Ю. Юренева. М.: Институт Наследия, 2022. С. 106–107.

5 См.: Стаф В. С. Томский музей «Следственная тюрьма НКВД»: проблемы мемориализации ГУЛАГа // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7. № 3. С. 794–796.

6 Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД»: сайт. URL: <https://nkvd.tomsk.ru/> (дата обращения 21.06.2022)

7 Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. N 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов». Ст.2.

буддийскими⁸. Перед курганом на рельсах стоит железнодорожный вагон, один из тех, в которых депортированных вывозили в Сибирь; в нем развернута экспозиция, воссоздающая быт народа в период ссылки. По левой стороне вдоль рельс — 14 гранитных столбиков, символизирующих число годов депортации калмыцкого народа (1943–1957). В конце рельсовой дороги у подножия кургана — мемориальная плита; на ней высечен отрывок из стихотворения «От правды я не отрекался» Давида Кугультинова, в котором народный поэт Калмыкии, бывший политзаключенный, выражает признательность сибирякам: «Я знал, что мой народ в лесах Сибири / Нашёл друзей и вновь душой окреп / Среди лучших русских, / Среди щедрейших в мире, / Деливших с нами и судьбу и хлеб».

23 февраля 1997 г., в день 53-й годовщины депортации ингушей, в Назрани состоялось торжественное открытие «Мемориального комплекса жертвам политических репрессий», созданного на средства от пожертвований граждан. (Илл. 1.).

Илл. 1. Мемориальный комплекс жертвам репрессий. Назрань.

Здание мемориала выполнено в виде монументальных памятников средневековой ингушской архитектуры — девяти ингушских башен, совмещенных друг с другом и опоясанных колючей проволокой. За эту работу автор проекта Мурад Полонкоев, народный художник Российской Федерации, удостоен Золотой медали Российской академии художеств.

8 См.: Сангаджиева Д. В. «Мемориальный комплекс “Исход и Возвращение” в Элисте – память о депортации калмыцкого народа // Искусство Евразии. 2020. № 1 (16). С. 308, 313–315.

Музейное собрание мемориального комплекса насчитывает более 5 тыс. единиц хранения. Это документы, письма и воспоминания депортированных, их личные вещи, ордена и медали, предметы этнографии, фотографии из личных архивов ингушских семей, произведения искусства на тему репрессий. Постоянная экспозиция дает целостное представление о масштабах и географии советских репрессий. Ее особенность — включение в рассказ «человеческого измерения»: официальной истории, говорящей на языке документов, статистики и хроники, противопоставлена личная история людей, пострадавших от репрессий. Мультимедийные технологии создают эффект сопричастности, позволяют прочувствовать ощущения и переживания свидетелей эпохи⁹.

К 70-й годовщине депортации ингушского народа на территории мемориального комплекса создана постоянная выставка «Дорога длиной в 13 лет», где представлены подлинные транспортные средства, в которых ингушей вывозили в Казахстан и Среднюю Азию, — вагон, паровоз и военный грузовик. У мемориала горит вечный огонь, как символ вечной памяти жертв депортации. С южной стороны его находится мемориальное кладбище, где собраны надгробные плиты с разрушенных во время депортации ингушских захоронений.

Наряду с Ингушетией специализированный музейный показ проблемы депортации народов отличает Кабардино-Балкарию. В ее столице Нальчике 8 марта 1989 г. был установлен закладной камень будущего мемориала с надписью «Жертвам геноцида балкарского народа». Возле него в годовщину депортации ежегодно проходили траурные митинги, а 11 ноября 1999 г. в сквере возле будущего здания мемориала состоялось перезахоронение праха умершего в депортации основоположника современной балкарской поэзии Кязима Мечиева. Торжественное открытие Мемориала жертвам репрессий балкарского народа состоялось 8 марта 2002 г. Он возведен в виде мавзолея с использованием балкарских приемов зодчества по проекту архитектора

9 Мемориальный комплекс жертвам репрессий: сайт. URL: <http://memorialing.ru/> (дата обращения: 10.06.2022)

Малика Гузиева¹⁰. Спуск в первый экспозиционный зал, расположенный в цокольном этаже, насчитывает 13 ступеней, символизирующих 13 лет жизни народа в депортации. Постоянная экспозиция мемориала — историко-этнографическая; она рассказывает не только о депортации и возвращении балкарского народа на историческую родину, но и о его дореволюционном и довоенном прошлом, а также современности. В ней представлено свыше 1000 предметов — архивные и этнографические материалы, фотографии, домашняя утварь, картины балкарских художников. Мемориал располагает электронной базой данных со списком репрессированных в 1944–1957 гг., в котором числятся 59896 человек¹¹.

В конце 1990-х гг. началась реализация Постановления Правительства Российской Федерации «О создании мемориальных комплексов в местах захоронений советских и польских граждан — жертв тоталитарных репрессий в Катыни (Смоленская область) и Медном (Тверская область)» от 19 октября 1996 г. № 1247. Мемориальный комплекс «Катынь» расположен в 20 км от центра Смоленска в так называемом Катынском лесу, где захоронены советские граждане, казненные в Смоленске в 1930-е – 1940-е гг., и расстрелянные польские офицеры — заключенные Козельского лагеря. Мемориальный комплекс «Медное» находится в 32 км от Твери на территории, где в 1930-е — 1940-е гг. производились захоронения казненных советских граждан, а весной 1940 г. — более 6 тыс. расстрелянных в Калинин польских военнопленных, заключенных Осташковского лагеря. Организаторами создания и инвесторами строительства мемориалов выступили Министерство культуры Российской Федерации и Совет охраны памяти борьбы и мученичества Республики Польша. На конкурсе проектов побе-

дила мастерская № 4 Союза архитекторов России под руководством М. Д. Хазанова, однако в силу ряда причин значительную часть проекта авторам реализовать не удалось¹².

28 июля 2000 г. состоялось торжественное открытие первой очереди мемориального комплекса «Катынь». В настоящее время он включает ряд ритуальных и архитектурно-художественных сооружений, при этом доминантой являются захоронения польских и российских граждан, оформленные в религиозных и национальных традициях двух народов. Польское военное кладбище создано группой гданьских специалистов под руководством архитектора Войцеха Тарговски и скульпторов Здислава Пидека и Анджея Солығы. По периметру его опоясывает стена, на которой в алфавитном порядке установлены персональные чугунные мемориальные таблички, искусственно покрытые ржавчиной, создающей образ давно прошедших событий; на них — имена всех 4443 расстрелянных польских офицеров с указанием даты и места рождения, воинского звания и рода деятельности. Дата смерти у всех одна — 1940 г. Алтарная группа включает католический крест, алтарную стену с именами погибших и алтарный стол для проведения католических богослужений. Катынский траурный колокол, расположенный под алтарной стеной, находится ниже уровня земли в знак того, что звонит он по людям, лежащим в этой земле. Напротив алтаря располагаются 4 плиты с символами вероисповеданий всех погибших здесь граждан Польши. На шести братских могилах плитами выложены католические кресты; чугунными плитами обозначена поверхность семи расстрельных ям — «Ям смерти» — первоначальных мест захоронений.

В то время как почти всех расстрелянных польских офицеров опознали по документам и личным жетонам, советских граждан, число которых доподлинно неизвестно, опознали лишь несколько сотен. Центральную часть российской территории мемориального комплекса составили девять братских могил, по периметру каждой из которых установлено ограждение неправильной формы с острыми выступающими краями. Такая форма ограды задумана как символ того,

10 Полян, П. «Увековечение памяти о депортированных — дело рук самих депортированных». Заметки о мемориализации тотальных насильственных миграций // Неприкосновенный запас. 2010. № 3 (71). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/3/uvekovecheniya-pamyati-o-deportirovannyh-delo-ruk-samih-deportirovannyh.html> (дата обращения: 03.06.2022)

11 Байсиева, Асият. Долговечней больших тиранов ...// Фонд содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусид». URL: http://www.elbrusoid.org/articles/society/359340/?sphrase_id=329441; Мемориал жертв политических репрессий (1944-1957 гг.). URL: <http://www.museum.ru/M3220>.

12 См.: Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы... С. 114–115.

что имена и число захороненных здесь людей до сих пор не установлены. Над мемориалом возвышается 10-метровый православный крест, а рядом с ним создана поминальная площадка для проведения православных ритуалов и возложения венков¹³.

Польское кладбище и российские захоронения объединяет Аллея Памяти как символ единой скорби двух народов. Она заканчивается на Второй ритуальной площадке, от которой ведет дорога к памяtnому знаку жертвам политических репрессий в «Долине смерти», малоисследованной территории массовых захоронений советских граждан.

В 2017–2018 гг. в рамках реализации Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий Государственный центральный музей современной истории России и Российское военно-историческое общество провели масштабную реконструкцию мемориального комплекса. В «Долине смерти» появились скульптурная композиция «Расстрел» и Стена Памяти; автор — народный художник России А. Н. Ковальчук. На Стене Памяти поименно увековечено более 8 тыс. репрессированных жителей Смоленской области, предположительно, захороненных в Катинском лесу. Кардинально изменилось музейно-выставочное пространство мемориального комплекса. В павильоне главного входа разместилась обновленная с помощью современных мультимедийных технологий экспозиция «Сохранённая память». Она рассказывает о трагической истории урочища Козьи горы и истории создания мемориального комплекса, о судьбах жителей Смоленской области, ставших жертвами политических репрессий. Особое место занимают личные вещи смолян, переданные родственниками погибших, и польских военнопленных, обнаруженные в ходе эксгумационных работ. Эмоциональный центр экспозиции — Галерея памяти, на стенах которой всплывают из темноты имена более 8 тыс. советских граждан и более 4 тыс. польских граждан. В залах нового Музейно-выставочного центра разместилась экспозиция «Россия и Польша. XX век. Страницы истории». Наряду с музейными пред-

метами в залах размещены интерактивные панели, в которых несколько тысяч фотографий, документов и кинохроника из собраний центральных и местных архивов¹⁴.

С конца 1980-х гг. монументальная коммеморация стала одним из направлений деятельности Русской православной церкви, проводившей особую мемориальную стратегию. Ее интерпретация опыта ГУЛАГа основывалась на понятиях «новомученики», «исповедники», «преследования за веру», «Голгофа России», а на местах массовых захоронений, лагерей и других связанных с репрессиями объектов сооружались часовни, храмы и кресты, формирующие православную инфраструктуру памяти. Среди проектов РПЦ наибольшую известность приобрела мемориализация Бутовского полигона; он стал важным местом культа новомучеников, и его называют «русской Голгофой».

Здесь, на территории стрелкового полигона НКВД рядом с подмосковным поселком Бутово, в 1937–1938 гг. с соблюдением режима строгой секретности производились захоронения жителей Москвы и Подмосковья, приговоренных к расстрелу по делам Московского УНКВД. Среди них — представители свыше 60 национальностей из разных социальных слоев, в т. ч. граждане других государств. Около 1 тыс. человек, погребенных в Бутово, были осуждены на смерть за принадлежность к Русской православной церкви: архиереи, священнослужители, монахи и монахини, церковные старосты и активные миряне. Более 300 человек сегодня прославлены в лике святых.

Территория Бутовского полигона в 1995 г. была передана Русской православной церкви, а 9 августа 2001 г. постановлением Правительства Московской области получила статус памятника истории и культуры местного значения¹⁵. В мае 1994 г. на средства Православного Свято-Тихоновского Богословского института на Бутовском полигоне был установлен поклонный крест, в конце 1996 г. в западной части захоронения

13 Мемориальный комплекс «Катынь» // Виртуальный музей ГУЛАГа. URL: <http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=248836079&language=1> (дата обращения: 06.06.2022)

14 Мемориальный комплекс «Катынь»: сайт. <http://memorial-katyn.ru/ru/vystavki.html> (дата обращения 20.06.2022).

15 Место массовых расстрелов и захоронений на Бутовском полигоне // Виртуальный музей ГУЛАГа. URL: <http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=590671579&language=1>

состоялось освящение небольшого деревянного храма по проекту Д. М. Шаховского, а в мае 2007 г. — двухэтажного каменного Храма святых Новомучеников и Исповедников Российских, возведенного по проекту архитектора М. Ю. Кеслера. Рядом с ним 8 августа 2007 г. воздвигнут 12-метровый Большой Поклонный крест из трех видов дерева, изготовленный на Соловках в Кресторезной палате Спасо-Преображенского монастыря. При финансовой поддержке Правительства Москвы его доставили в российскую столицу по рекам-каналам, построенным заключенными. Этот двухнедельный транспортный путь превратился в крестный ход с остановками в ряде городов, где служились панихиды и всенощные.

27 сентября 2017 г. в восточной части территории захоронений, на участке свободном от погребальных рвов, где в 1970-х гг. сотрудники КГБ посадили яблоневый сад, состоялось открытие мемориала «Сад памяти», созданного по проекту архитектора А. Н. Жернакова. (Илл. 2.).

Илл. 2. Бутовский полигон. «Сад памяти».

Его образное решение — раскрытый «растрельный ров»; спускаясь в него, посетители оказываются на одном уровне с погибшими, тела которых находятся по соседству в погребальных рвах. На гранитных плитах высечены имена 20762 человек, убитых на полигоне в период с 8 августа 1937 г. по 19 октября 1938 г.

На территории «Бутовского полигона» с 2002 г. работает созданный по инициативе общины храма Мемориальный научно-просветительский центр «Бутово»; он занимается сбором сведений и систематизацией данных о жертвах репрессий, организацией на основе этих материалов тематических выставок и презентаций. В настоящее время разработан проект создания на территории комплекса Общероссийского музея подвига и исповедничества в XX веке «Русская Голгофа». Его планируется разместить в перестроенном

в 1940-е гг. под нужды МГБ — КГБ СССР здании конного завода И.И. Зимины после проведения в нем ремонтно-реставрационных работ.

Бутовский полигон изначально утверждался, главным образом, как православный мемориальный комплекс. Его создателям это представляется вполне естественным: с одной стороны, «большинство захороненных в этих местах были хотя бы по своему происхождению православными», с другой стороны, «почитание мест захоронений и молитва об усопших свойственны далеко не всем религиозным конфессиям и даже не всем христианским номинациям, и наиболее развиты именно в православии»¹⁶. Но не все разделяют эту точку зрения. Как отмечает исследовательница Вероника Дорман, «мемориальная деятельность Церкви осуществляется через пространственную организацию, и в пространстве, которое она структурирует в соответствии со своими нуждами, не всегда остается место для других мемориальных инициатив». Этим объясняется, в частности, «невозможность для представителей любой другой веры, кроме православной, возвести религиозный памятник на территории Бутово»¹⁷.

Не отрицая важность и значимость коммеморативных практик Русской православной церкви, представители общественности и исследователи, обращают внимание на избирательный характер сохраняемой ею культурной памяти: православные коннотации исключают из нее репрессированных представителей иных конфессий и атеистов. «Возвращение к религиозной символике в памяти о ГУЛАГе нарушает его историческую специфику, — считает Александр Эткинд. — <...> Светский, политический характер советского террора делает его религиозную интерпретацию недостаточной или невозможной»¹⁸. Немаловажным является и то обстоятельство, что, выбрав свободную от политизации форму почи-

16 Каледа, К. Опыт создания общественно-церковного мемориального комплекса памяти жертв террора XX столетия на примере Бутовского полигона и феномен возникновения христианских музеев России // Историческая экспертиза. 2015. № 4. С. 171.

17 Дорман, В. От Соловков до Бутово: русская православная церковь и память о советских репрессиях в постсоветской России // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2010. № 2. С. 341

18 Эткинд, А. Кривое горе. Память о непогребенных. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 244.

тания мучеников, Церковь не касается вопроса об осуждении виновных и об ответственности за репрессии. Она не проводит различия между жертвами и теми палачами, которых впоследствии также казнили, поскольку считает, что насильственная смерть и их сделала мучениками, имеющими право на искупление. «Далеко не все в России согласны с таким подходом, — пишет А. М. Хазанов. — Таким образом, не только память, но и церемонии поминовения становятся спорными и разъединяющими»¹⁹.

Согласно базе данных Сахаровского центра, в России насчитывается 893 памятника и памятных знака жертвам политических репрессий²⁰. Преобладают мемориальные доски в силу относительной легкости их установки; среди других форм монументальной коммеморации наиболее распространены закладные камни, поклонные и поминальные кресты, часовни, скульптуры. Как отмечают исследователи, эти формы коммеморации, как правило, не содержат «образа преступления», а в памяти, которую они формируют, нет «преступников», есть только «жертвы». Большинство памятников содержат надпись «Жертвам политических репрессий», но вопрос об ответственности за репрессии остается неясным, поскольку «образы деполитизированы, в них нет ничего от советских эмблем, и они не рассказывают об идеологии, стоявшей за убийствами, — считает А. Эткинд. — И даже в самых масштабных памятниках не хватает необходимой информации»²¹.

Надо сказать, что проблема символического отражения трагических событий отечественной истории в различных монументальных практиках связана не только со сложностями художественного плана, но и с отсутствием в обществе консенсуса относительно оценки репрессивного прошлого. Единственный российский законодательный акт, напрямую осуждающий репрессивную систему советского государства, — Закон РФ

от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий». После его принятия политико-правовой оценки многолетнего массового террора так и не последовало.

Согласно данным Совета по правам человека при Президенте России на 2011 г., почти все памятники и памятные знаки жертвам политических репрессий установлены «безо всякого, даже символического участия федеральной власти». В подавляющем большинстве случаев они созданы по инициативе и на средства общественных организаций, частных лиц, отдельных муниципальных учреждений культуры и образования, иногда — муниципальных властей, изредка — региональных администраций. Большинство мемориальных сооружений не занимают центрального места в общественном пространстве, поскольку располагаются на окраинах городов или в отдаленных, порой труднодоступных местах, где прежде находились лагеря, проходили массовые казни и захоронения репрессированных²².

1 февраля 2011 г. Рабочая группа по исторической памяти Совета при президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека представила президенту Д. А. Медведеву «Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы “Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении”». Проект рекомендовал важные политические и правовые шаги — юридическую оценку преступлений коммунистического режима, их политическое осуждение. Предлагалось возвести в центре столицы общенациональный памятник жертвам государственного террора в качестве символического акта, закрепляющего осуждение преступлений тоталитарного режима, а также создать как минимум два музейно-мемориальных комплекса общенационального значения, посвященных истории террора — в Москве и Санкт-Петербурге. Дискуссия между сторонниками и противниками этого проекта завершилась созданием межведомственной рабочей группы, подготовившей

19 Хазанов А. М. О ком скорбеть и кого забыть? (Ре)конструкция коллективной памяти в современной России // Историческая экспертиза. 2017. № 1. С. 46

20 Памятники и памятные знаки жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/?t=list>. (дата обращения 20.06.2022)

21 Эткинд, А. Указ соч. С. 240.

22 Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы "Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении" // Российская газета. 07.04.2011. URL: <https://rg.ru/2011/04/07/totalitarizm-site.html> (дата обращения: 01.12.2021)

«Проект концепции федеральной целевой программы на 2014–2018 годы “Об увековечении памяти жертв политических репрессий”». Но поддержку правительства и федеральных ведомств проект не получил.

Общенациональный памятник жертвам политических репрессий был создан в Москве в рамках реализации Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий. 30 сентября 2015 г. президент В. В. Путин подписал указ «О возведении мемориала жертвам политических репрессий»²³. На средства Правительства Москвы и народные пожертвования в центре столицы возвели «Стену скорби» по проекту скульптора Г. В. Франгуляна. Торжественное открытие этого двустороннего бронзового горельефа с множеством безликих человеческих фигур, символизирующих масштабность репрессий, состоялось 30 октября 2017 г. Мемориал создавался по инициативе широкой общественности, и его появление стало важной вехой в истории монументального увековечения памяти жертв политических репрессий в постсоветской России.

Список использованной литературы

1. Богумил, З. Кресты и камни: соловецкие символы в конструировании памяти о ГУЛАГе // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 3 (71). С. 11–29.
2. Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы / В. В. Бондарь, А. Н. Еремеева, О. Н. Маркова, Т. Ю. Юреньева. М.: Институт Наследия, 2022. 168 с.
3. Дорман, В. От Соловков до Бутово: русская православная церковь и память о советских репрессиях в постсоветской России // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2010. № 2. С. 327–347.
4. Каледа, К. Опыт создания общественно-церковного мемориального комплекса памяти жертв террора XX столетия на примере Бутовского полигона и феномен возникновения христианских музеев России // *Историческая экспертиза*. 2015. № 4. С. 165–182.
5. Полян, П. «Увековечение памяти о депортированных — дело рук самих депортированных». Заметки о мемориализации тотальных насильственных миграций // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 3 (71). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/3/uvekovechenie-pamyati-o-deportirovannyh-delo-ruk-samih-deportirovannyh.html>
6. Сангаджиева Д. В. «Мемориальный комплекс “Исход и Возвращение” в Элисте — память о депортации калмыцкого народа // *Искусство Евразии*. 2020. № 1 (16). С. 306–318.
7. Стаф В. С. Томский музей «Следственная тюрьма НКВД»: проблемы мемориализации ГУЛАГа // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7. № 3. С. 791–800.
8. Хазанов, А. М. О ком скорбеть и кого забыть? (Ре)конструкция коллективной памяти в современной России // *Историческая экспертиза*. 2017. № 1. С. 30–66.
9. Эткинд, А. Кривое горе. Память о непогребенных. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.

23 Правительство России: официальный сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/103554/> (дата обращения: 01.06.2022)

MEMORIAL COMPLEX AS A FORM OF PERPETUATION OF MEMORY OF VICTIMS OF POLITICAL REPRESSIONS IN POST-SOVIET RUSSIA

Yureneva Tamara Yuryevna,

DSc in History,

Chief Researcher — Head of the Museum Policy Center,

Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Bersenevskaya emb., 18–20–22, bld. 3, 119072 Moscow, Russian Federation,

iureneva@mail.ru

Abstract

The article analyzes the formation and development of memorial complexes in Russia that store and construct the memory of Soviet political repressions. Monumental commemorative practices and memorial strategies of regional and local authorities, public organizations and the Russian Orthodox Church are considered.

Keywords

Memorial complex, museum and memorial complex, perpetuation of memory of victims of political repressions, memorialization, memory museums, monumental politics.

РЕЦЕНЗИИ

BRV

УДК 008

ББК 71

DOI 10.34685/NI.2022.39.4.014

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ, РАЗВИТИЯ И ОСВОЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ РОССИИ В ДИАЛОГАХ НАУЧНОГО, ПЕДАГОГИЧЕСКОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

Рецензия на книгу: Сохранение национальных духовно-эстетических традиций и народные художественные промыслы России : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции [Электронное сетевое издание] / Составитель, научный редактор и автор предисловия Ю. А. Закунов. — М. : Институт Наследия, 2022. — 156 с.

Петренко Ольга Владимировна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева,
olgap26g12@mail.ru

Аннотация

Предлагается рецензия на сборник материалов по итогам Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 23–26 сентября 2021 г. в рамках VII Международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Проанализированы структура и содержание сборника, выделены основные проблемные блоки, подходы авторов к осмыслению проблем изучения, сохранения, развития народных культурных промыслов. Актуальность и преемственность тематики, научно-практическая направленность, уникальные документальные и визуальные источники, нацеленность на диалог с властью, обеспечат востребованность издания не только учеными, преподавателями и студентами, но и представителями профессиональных союзов, органов исполнительной и законодательной власти.

Ключевые слова

Культурное наследие, народные художественные промыслы России, рецензия, Институт Наследия.

Современная политическая и социально-экономическая ситуация, сложившаяся на фоне коронавирусной пандемии и очередного противостояния мировых держав, привела к нарушению установившегося на рубеже веков единого политического, экономического, социокультурного и информационного пространства. Усилились негативные тенденции в процессах самоидентификации как отдельных личностей, так и социальных групп — культурных, профессиональных, возрастных, этнических. На первый план выходят проблемы патриотизма, цивилизационной и национальной идентичности, а также единства многонационального народа России. Все это актуализирует поиск путей и инструментов преодоления и решения отмеченных тенденций и проблем. Одним из действенных средств справедливо признается культурное наследие. Огромным потенциалом в этом плане обладают народные художественные промыслы (НХП).

Проблемы осмысления сущности, изучения проблем, сохранения и продвижения народных художественных промыслов России впервые стали предметом научного анализа (искусствоведческого, философского и исторического) и практического решения в конце 1980-х — 1990-е гг. В целях сохранения народных художественных промыслов в условиях рыночной экономики, защиты и представительства их интересов в федеральных и региональных органах исполнительной власти созданы и ведут активную представительскую, популяризаторскую, просветительскую, выставочную и коммуникативную (конференции, семинары) деятельность комиссия по народному искусству Союза художников России, негосударственные некоммерческие организации — ассоциация «Народные художественные промыслы России» (1990), Национальный союз народных художественных промыслов (2003), Академия народного искусства (2011), и др. В 2020–2021 гг. нерешенные старые и вновь появившиеся проблемы в законодательной и практической сфере народных художественных промыслов России потребовали совместного, комплексного решения. Актуальная тема «Сохранения национальных духовно-эстетических традиций и народных художественных промыслов России» стала объектом внимания и обсуждения организаторов (Российский НИИ культурного и природного

наследия им. Д.С. Лихачёва, и др.) и участников (представителей различных творческих специальностей и научных дисциплин гуманитарного цикла, власти, образования и музеев, Союза художников России и некоммерческих организаций/ассоциаций НХП) всероссийской научно-практической конференции организованной в рамках VII Международного научного форума "Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия" (23–26 сентября 2021 г., г. Геленджик).

По итогам прошедшей конференции составлен рецензируемый сборник материалов, в который вошли 11 текстов по докладам и сообщениям участников из городов центральной России и Кавказа. Статьи логически можно распределить по трем проблемным блокам: к постановке проблемы (Ю.А. Закунов, А.Н. Ковальчук, В.Г. Долгов, Т.Н. Атюшева, Д.А. Грекова), теоретический (М.В. Логинова, Д.Р. Лакунова) и практический (Г.Н. Керцева, К.М. Магомедов, Н.А. Гуцин, И.А. Колобкова). Однако структура сборника выдержана по-другому тематическому принципу, включает предисловие, основную часть, приложение. Приложение содержит лишь один текст («Заключение Торгово-промышленной палаты Российской Федерации по проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О народных художественных промыслах»»). Два важных источника по проблемам НХП помещено в предисловии (Резолюция Всероссийской научно-практической конференции «Сохранение национальных духовно-эстетических традиций и народные художественные промыслы России») и в статье В.Г. Долгова (письмо Национального союза народных художественных промыслов Министру промышленности и торговли Российской Федерации Д.В. Мантурову). На наш взгляд, эти тексты целесообразнее поместить в Приложение, что сделало бы доступнее и нагляднее уникальные источники, свидетельствующие не только о диапазоне активности научного и профессионального сообщества в сфере изучения, соиздания и сохранения народного искусства, но и о стремлении наладить диалог с руководством страны, участвовать в создании законодательной базы НХП.

Также в структуре сборника не хватает разделов «Сведения об авторах» и «Список сокращений». Тексты практиков (художников)

позиционируются как «тезисы выступления» и несколько выбиваются из общего оформления.

Обратимся к содержанию рукописи, рассмотрим его в порядке выделенных нами проблемных блоков. В предисловии, которое мы можем отнести к первому блоку, кандидат философских наук, руководитель отдела наследования культуры Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва Ю.А. Закунов, опираясь на ценностно-цивилизационную парадигму и идеи известного отечественного искусствоведа М.А. Некрасовой подчеркивает социокультурную, научную и практическую актуальность проблематики, раскрывает концептуальную специфику конференции и сборника. Автор подчеркивает, что «сохранение традиционных НХП России предстает как культуронаследование, т.е. процесс актуализации культурного наследия в современных условиях с опорой на духовно-эстетическую народную традицию, предполагает целостную государственную культурную политику в этом вопросе»¹.

Председатель Союза художников России, Народный художник России А.Н. Ковальчук в своем выступлении «Проблемы сохранения и развития народного искусства и художественных промыслов России» высоко оценил роль НХП в сохранении взаимосвязи коренных народов со славянским этносом, в развитии регионов, в формировании духовно- нравственных основ искусства. Автор выделил современные проблемы сохранения и развития НХП, определил место коммуникативной, выставочной, популяризаторской деятельности Союза Художников России в их решении. Обратил внимание на позитивные примеры существующей господдержки НХП в виде федеральных и региональных грантов. Ковальчук справедливо охарактеризовал опыт состоявшейся конференции «важной составляющей в обсуждении остро стоящих вопросов сохранения и развития творчества мастеров художественных промыслов, необходимой ступенью на пути принятия государственных решений,

преобразований в мире культуры и искусства Российской Федерации»².

Председатель правления некоммерческой организации «Национальный союз народных художественных промыслов», заместитель генерального директора ОАО «Павловопосадская платочная мануфактура», член Экспертного совета Минпромторга РФ по НХП, почетный член Российской академии художеств В.Г. Долгов в своей статье обратился к проблемам сохранения народных художественных промыслов России, критике законодательной инициативы Минпромторга РФ, экспертной оценке и предложениям по улучшению законодательной и практической сферы НХТ. Автор подчеркнул, что для сохранения НХТ России «на всех уровнях власти РФ прежде всего должен быть однозначно разъяснен концептуальный вопрос, имеющий фундаментальное значение: что такое НХП, к какой сфере деятельности они относятся. Он подчеркивает, что ответ на этот давно получен: «Народные художественные промыслы — это сфера культурной деятельности, а не промышленной (*поэтому следует выделить НХП из ведения Минпромторга — ОВП*). <...> Это часть отечественного Народного искусства, а вся художественная изобразительная стилистика изделий НХП есть изображенные на изделиях культурные коды народов нашей страны, средство их самоидентификации в окружающем глобальном мире. Наконец, народные художественные промыслы — это не просто часть культуры РФ, а именно традиционной культуры РФ»³. Автор подчеркнул, что основная задача (культурная миссия) предприятий НХП — воспроизводство образцов традиционных изделий промыслов через наследование художественной традиции их созидания.

Председатель Комиссии по народному искусству секретариата Союза художников России Т.Н. Атюшева в статье «Народное искусство России — назад в будущее» определяет современ-

1 Предисловие // Сохранение национальных духовно-эстетических традиций и народные художественные промыслы России : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции [Электронное сетевое издание] / Составитель, научный редактор и автор предисловия Ю. А. Закунов. — М. : Институт Наследия, 2022. — С. 6.

2 Ковальчук А.Н. Проблемы сохранения и развития народного искусства и художественных промыслов России // Сохранение национальных духовно-эстетических традиций и народные художественные промыслы России... С. 25.

3 Долгов В.Г. Сохранение народных художественных промыслов России и законодательная инициатива Минпромторга РФ // Сохранение национальных духовно-эстетических традиций и народные художественные промыслы России... С. 54.

ную ситуацию в народном искусстве в России как время стагнации и смуты. Выход видит в отказе от громоздких фабричных структур и переходе к малым организационным формам — артелям, семейным предприятиям и индивидуальным мастерским. Особое внимание уделяет ответственности мастеров, художников и исследователей народных художественных промыслов в трансляции народного искусства в будущее. Атюшева призывает приложить максимум усилий в возрождении, сохранении и популяризации народного искусства и НХП, подчеркивает роль выставочной деятельности Союза художников России и его комиссии по народному искусству в этом деле.

Искусствовед, ведущий специалист по стратегическому развитию частного учреждения «Музей Игрушек Александра Грекова» (Сергиев Посад) Д.А. Грекова, поднимает проблемы истории и современности народного искусства Дагестана, которое «отражает веками сложившиеся художественные традиции и опыт народа, его мировоззрение, мировосприятие и сохраняют непрерывную связь поколений»⁴. Среди древнейших видов декоративно-прикладного искусства региона выделяет: ручное ковроткачество, художественную обработку металла, производство медночеканной посуды и ювелирных изделий, художественную обработку дерева. Сегодня, как пишет автор, мастера в своих произведениях воплощают традиции своих знаменитых предшественников, а в Республике сохраняют и пропагандируют национальную культуру посредством разнообразных мероприятий: фестивалей, выставок, присуждения премии. Автор подчеркивает необходимость приобщения молодого поколения к истокам народной культуры, в целях эстетического и нравственного воспитания. Подчеркивает советский опыт профессиональной подготовки школьников на основе изучения национальных художественных традиций локальных школ по месту их расположения. С конца 1960-х гг. и до 1990-х гг. на уроках трудового обучения в школах Дагестана, расположенных в центрах народных промыслов, преподавались: основы кубачинского искусства, художествен-

ная керамика, унцукульская насечка, основы ручного ковроткачества, резьба по дереву и камню. А «в ряде школ — Кубачинской, Микрахской, Унцукульской, Балхарской и др. — работа проводилась на таком высоком уровне, что школьники неоднократно участвовали на республиканских, всероссийских выставках и получали дипломы, грамоты и медали»⁵.

Выделенный нами теоретический блок открывает статья доктора философских наук, профессора, заведующей кафедрой культурологии и библиотечно-информационных ресурсов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им Н.П. Огарева М.В. Логиновой «Этноэстетические ценности в системе этнокультуры». Автор раскрывает «теоретико-методологические основания этноэстетики как «культурного кода» этноса посредством системного подхода при решении проблемы соотношения этнокультуры и этноэстетики»⁶, что способствует определению смыслового потенциала символического капитала этнической культуры. Философ оперирует концептами «дух народа», этноэстетические ценности, эстетическая онтология этноса, выделяет следующие уровни существования этноэстетики в этнокультуре: предметно-субстанциональный (эстетическое сознание, эстетические ценности, отражающие/выражающие «дух народа»/этноса); функционально-исторический (трансформирующаяся система эстетических отношений и эстетический опыт этноса).

«Обряды и ритуалы как системообразующий фактор традиционной культуры» рассматривает Д.Р. Лакунова, представительница Кабардино-Балкарский научного центра РАН (г. Нальчик). Автор, демонстрирует существующие теоретические подходы и историю изучения культов, обрядов, архаичных верований, останавливается на светско-религиозном подходе и методологии феноменологической редукции, раскрывает проблему в на примере культа огня

4 Грекова Д.А. Народное искусство Дагестана. традиции и современность // Сохранение национальных духовно-эстетических традиций и народные художественные промыслы России... С. 33.

5 Грекова Д.А. Народное искусство Дагестана. традиции и современность // Сохранение национальных духовно-эстетических традиций и народные художественные промыслы России... С. 39.

6 Логинова М.В. Этноэстетические ценности в системе этнокультуры// Сохранение национальных духовно-эстетических традиций и народные художественные промыслы России... С. 123.

(«домашнего очага», а также связанных с ним солярного культа, почитания молнии и кузницы») в культуре адыгов.

Статья кандидата исторических наук, доцента, старшего научного сотрудника Отдела археологии Института истории и археологии Республики Северная Осетия — Алания (г. Владикавказ) Г.Н. Керцовой (Вольной) позволяет сделать плавный переход от теоретического к практическому блоку текстов. Автор анализирует историю бытования и специфику понимания/трактовки образа змеи в традиционном искусстве северокавказских народов (с середины II тыс. л. до н.э. до наших дней). Приходит к выводу, что этот образ характерен для оседлых народов, является отражением офилатрии и космологических представлений народов в древности, некоторые из мифологем сохранились у народов Северного Кавказа до сегодняшнего дня.

Заслуженный художник РФ и РД, Член-корреспондент РАХ К.М. Магомедов развивает поднятую в первом блоке тему сохранения традиционного народного искусства Дагестана в современных условиях, под влиянием глобализации. Автор отмечает активное участие в этом деле наряду с знаменитыми мастерами выпускников графического факультета Дагестанского педуниверситета и художественного училища (посредством творчества в технике филигрань, гравировка, эмаль, выпилка, и т.д., участия в выставках), художников Дагестанского отделения Союза художников России.

Народный художник Российской Федерации, Академик Российской академии художеств, Лауреат премии Правительства РФ в области культуры, член комиссии по народному искусству СХР, член художественно-экспертного совета по народным художественным промыслам Нижегородской области, директор Нижегородского художественного училища Н.А. Гуцин в своей статье раскрыл проблемы народных художественных промыслов России и пути их решения на примере истории фабрики «Хохломский художник» (д. Семино Ковернинского района Нижегородской области). Проанализировав собственный экспертный опыт и современное состояние НХП, автор приходит к важным выводам: «Если исчезнут традиционные народные искусства, наш народ потеряет нечто гораздо более важное, чем свою историю. Он потеряет свою душу. В федеральных законах и постановлениях эта важная тема,

конечно, затрагивается, но благородные мысли и сохранение культурного наследия пока остаются лишь на бумаге. А ведь закон живет только тогда, когда он исполняется»⁷. Н.А. Гуцин видит пути решения назревших проблем: в адекватной государственной программе поддержки и развития народных художественных промыслов в целом, т.е. не только предприятий отдельного списка; в создании компетентной комиссии для проверки предприятий, прикрывающихся вывеской НХ; в рассмотрении вопроса подготовки кадров не только в плане мастеров (художников, резчиков, токарей и т.д.), но и технологов, экономистов, бухгалтеров, руководителей; в повышении авторитет Мастеров, что в свою очередь позволит привлечь в отрасль молодежь; в необходимости разработки и внедрения государственного национального проекта для народных художественных промыслов.

Завершает практический блок кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Отдела народного искусства Государственного Русского музея (г. Санкт-Петербург) И.А. Колобова, продолжившая поднятую Н.А. Гуциным тему истории и современной угрозы утраты одного из самых известных традиционных промыслов России — Кавернинской Хохломы. Автор анализирует историографию изучения, научно-практический опыт осмысления проблем и сохранения искусства Хохломы, источники личного происхождения (воспоминания старейшего хохломского мастера А.В. Красильникова «Золотая Хохлома»). Искусствовед отмечает потенциал подхода в области современной теории народного искусства, определяющего очаги традиционных художественных промыслов как уникальные эко-этно-системы. Обращает внимание на необходимость обратиться к старой действенной практике господности с учетом современных социально-экономических условий — прямая инвестиционная поддержка при восстановлении начальной системы обучения хохломской росписи в школах, восстановления практики творческих семинаров, развития рациональной формы про-

7 Гуцин Н.А. Проблемы народных художественных промыслов России и пути их решения (на примере фабрики «Хохломский художник», д. Семино Ковернинского района Нижегородской области) // Сохранение национальных духовно-эстетических традиций и народные художественные промыслы России... С. 48.

мысла в виде небольших домашних мастерских, объединяющих опытного а мастера и 3–4 учеников. И.А. Колобкова подчеркивает, что сегодня среди первоочередных задач восстановления промысла стоит необходимость его тщательного изучения и мониторинга: «анализа фактического состояния и проблем существующих предприятий, учета ячеек домашнего производства, выявления списка мастеров, готовых возглавить локальные мастерские и стать наставниками молодежи. Проведенные исследования позволяют определить перечень конкретных мер, разработать целостный проект его поддержки и восстановления»⁸.

В заключении отметим, что сборник «Сохранение национальных духовно-эстетических традиций и народные художественные промыслы России» отражает современное состояние

практики изучения сохранения и актуализации культурного наследия совместными усилиями научного, педагогического и профессионального сообщества. Актуальность и преемственность тематики «сохранения национальных духовно-эстетических традиций и народных художественных промыслов России», научно-практическая направленность сборника, уникальные документальные и иллюстрирующие отдельные статьи визуальные источники, апробация и продвижение действенных средств преодоления существующих проблем, нацеленность на диалог с властью, безусловно, будут востребованы не только учеными, преподавателями и студентами, но представителями профессиональных союзов, органов исполнительной и законодательной власти.

8 Колобкова И.А. Ковернинская хохлома. Угроза утраты промысла // Сохранение национальных духовно-эстетических традиций и народные художественные промыслы России... С. 106.

**ACTUAL PROBLEMS OF STUDYING, PRESERVING,
DEVELOPING AND MASTERING
THE SOCIO-CULTURAL POTENTIAL
OF RUSSIAN FOLK ARTS AND CRAFTS
IN THE DIALOGUES OF THE SCIENTIFIC,
PEDAGOGICAL AND PROFESSIONAL COMMUNITY**

Book review: Preservation of national spiritual and aesthetic traditions and folk art crafts of Russia : collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic online edition] / Compiler, scientific editor and author of the preface Yu. A. Zakunov. — M. : Heritage Institute, 2022. — 156 p.

Petrenko Olga Vladimirovna

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher
Siberian Branch of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage
named after D.S. Likhachev,
olgap26g12@mail.ru

Abstract

A review of the collection of materials based on the results of the All-Russian Scientific and Practical Conference held on September 23-26, 2021 within the framework of the VII International Scientific Forum "Cultural Heritage of the North Caucasus as a resource of interethnic harmony" is proposed. The structure and content of the collection are analyzed, the main problem blocks are highlighted, the authors' approaches to understanding the problems of studying, preserving, and developing folk cultural crafts. The relevance and continuity of the topic, scientific and practical orientation, unique documentary and visual sources, focus on dialogue with the authorities, will ensure that the publication is in demand not only by scientists, teachers and students, but also by representatives of trade unions, executive and legislative authorities.

Keywords

Cultural heritage, folk arts and crafts of Russia, review, Heritage Institute.

ПУБЛИКАЦИЯ В НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОМ ЖУРНАЛЕ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

Основные рубрики: «Методология и методы исследования культурных процессов»; «Искусство, образование, наука»; «Духовное наследие и культура»; «Культура регионов»; «Культура повседневности»; «Этнокультуры в прошлом и настоящем»; «Имена и события прошлого»; «Культурное наследие мира»; «Музееведение и охрана культурного наследия» и др.

С 1 декабря 2015 г. журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

Требования к статьям, присылаемым в журнал «Культурное наследие России»

- К рассмотрению принимаются не опубликованные ранее статьи общим объемом до 10—12 страниц (не более 0,5 п. л. — 20 000 знаков).
- Публикация безгонорарная, автору высылается электронная версия журнала.
- Авторы несут ответственность за содержание статей и за сам факт публикации. Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
- Автор представляет рукопись по электронной почте: knaros@yandex.ru.
- Формат текстовых файлов — DOC, DOCX.
- Все элементы статьи выполняются шрифтом Times New Roman, размер (кегель) — 14 пт (основной текст), 11 пт (сноски); расстояние между строк (межстрочный интервал) — 1,5; абзацный отступ — 1 см., шрифт — обычный; выравнивание — по ширине (кроме указанного особо).
- Формат страницы — А4. Поля — 2 см.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и включать все перечисленные пункты:

1. 1. Тип статьи (выбрать из списка на следующей странице).
2. 2. УДК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
3. 3. ББК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
4. 4. Название статьи — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
5. 5. ФИО автора полностью — выравнивание по правому краю.
6. 6. Сведения об авторе: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
7. 7. Аннотация на русском языке (5–8 строк).
8. 8. Ключевые слова на русском языке (8–10).
9. 9. Основной текст: шрифт — Times New Roman, кегль — 14 пт., междустрочный интервал — 1,5, абзацный отступ — 1 см.; выравнивание текста по ширине. Сноски — постраничные (внизу страницы).
10. 10. Список использованной литературы.
11. 11. Название статьи на английском языке — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
12. 12. ФИО автора полностью на английском языке — выравнивание по правому краю.
13. 13. Сведения об авторе на английском языке: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
14. 14. Аннотация на английском языке (5–8 строк).
15. 15. Ключевые слова на английском языке (8–10).

Иллюстрации представляются отдельными файлами с указанием названия иллюстрации и места ее вставки в тексте. Формат файлов — TIFF, JPG, JPEG.

Редакция может не разделять мнения авторов и не несёт ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несёт ответственности перед авторами и / или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ЖУРНАЛА «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

RAR
УДК 008
ББК 63.3

СУБЪЕКТ, ЛИЧНОСТЬ, ДУХ И ДУХОВНОЕ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Иванов Иван Иванович,
доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных наук,
Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма,
ул. 5-я Магистральная, д. 5, г. Москва, Россия, 123007,
e-mail: ivanov@yandex.ru

Аннотация

Постмодернизм изменяет существующее в науке понятие личности. С позиций постмодернизма личность — это мозаика множественных идентичностей, социальных ролей, масок, которые человек волен выбирать и изобретать по своему желанию.

Ключевые слова

Субъект, личность, индивид, дух, духовное, фрагментация.

Как замечает М. Мамардашвили, мировые религии «отличаются от этнических религий прежде всего тем, что они обращены к личности и предполагают наличие в самом человеке начала и корня, который задан в нём как некоторый внутренний образ, или голос. <...> Он поможет только идущему»¹.

.....

Когда цитируют слова Фуко о том, что «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»², то обычно это высказывание трактуют буквально...

-
- 1 Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
 - 2 Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 404.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. С. 199.
2. Там же стр. 89.....
3. Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
4.

.....

SUBJECT, PERSONALITY, SPIRIT AND SPIRITUALITY IN THE POSTMODERN ERA

Ivanov Ivan Ivanovich,
DSc in Philosophy,
Professor of the Department of Humanities,
Academy of Retraining Arts, Culture and Tourism,
5-ia Magistralnaia Str. 5, 123007 Moscow, Russia,
ivanov@yandex.ru

Abstract

Postmodernism modifies an existing concept in the science of personality. From the standpoint of postmodern identity — a mosaic of multiple identities, social roles, masks that man is free to choose and invent as you wish.

Keywords

Subject, person, individual, spirit, spiritual, schizoid fragmentation.

Тип статьи:

RAR — научная статья;
EDI — редакционная заметка;
BRV- рецензия;
CNF — материалы конференции;

SCO — краткое сообщение;
REV- обзорная статья;
ABS- аннотация;
REP- научный отчет;

COR- переписка;
PER — персоналии;
MIS — разное;
UNK — неопределен.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77–69550 от 02.05.2017 г.

Подписной индекс в каталоге «Пресса России»: Э93581.

Подписано в печать: 15.11.22. Формат 60×90 1/8. Тираж 500 экз.

Адрес редакции: 117321, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 136, корп. 1, кв. 309.

Сайт: <http://www.kultnasledie.ru/>

<http://ркцентр.рф/> / культурное-наследие-россии /

E-mail: knaros@yandex.ru